

ОЛЕГ КОРАБЕЛЬНИКОВ

МЕРТВАЯ ВОДА

НОВОСИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989

ББК 51.1(2)5
К 66

К $\frac{4118000000-011}{M143(03)-89}$ 3—89

ISBN 5—7620—0003—6

© Новосибирское книжное издательство, 1989

ОТ АВТОРА

Пьянство — зло, абсолютное и не вызывающее сомнения. Но до сих пор живуч древний взгляд — пить умеренно не вредно, даже более того — необходимо в тех или иных случаях. Найти корни этого отношения к выпивке и стало задачей автора книжки.

Почему человек издревле прибегает к дурманящим напиткам? Для чего это нужно? Каковы причины? Поводы, ложные и истинные, мифические и реальные? Почему мы склонны считать признаком здоровья умение выпить бутылку водки и не упасть при этом со стула? Что означает тост? Традиция чокагся? Обычай пить под музыку в компании друзей? И еще многое другое.

С древних времен осуждалось пьянство — как последняя стадия развития болезни. Но взгляд на него как на болезнь, а не просто как на дурную привычку, возник только в XIX веке.

То, что привычно, еще не означает нормально. Нас удивляют многие обычаи древних или просто далеких народов именно потому, что мы к ним не привыкли. Любоедство нам кажется ни с чем не сообразной дикостью, тогда как для самих любоедодов это — освященный веками обычай, естественный и нормальный. Наши пищевые пристрастия тоже весьма относительно. Вряд ли нам покажется аппетитным меню из гусениц, кузнечиков и червей, а между тем у некоторых племен — это привычная пищевая норма. Смотреть на вещи и явления со своей точки зрения — одна из ловушек на пути познания. Наша оценка почти всегда будет субъективной, ибо, оценивая, мы сравниваем с привычным и кажущимся нам естественным.

Изменение на протяжении веков понятий, отраженных одним и тем же словом, то есть, образно говоря, перемена начинки у той же формы пирожка — еще одна коварная ловушка. Оболочка осталась прежней, а суть изменилась, но мы-то склонны видеть за формой пирожка привычную начинку. Представление о том, что словом можно воздействовать на действительность, очень древнее. Но магия слова до сих пор властна над нами.

Если красивые, яркие этикетки на винных бутылках доходчиво объясняют нам, из какого чудесного винограда сделано это вино, сколько медалей заработало оно на выставках, какой у него неповторимый вкус, запах и тому подобное, то это еще не означает, что спирт, содержащийся в нем, изменил свою химическую формулу. Если на водочной этикетке нарисовано пшеничное поле и сказано, что водка создана из отборного зерна и по древним рецептам, то это явно не означает, что она стала полезным напитком.

Магия слова завораживает нас, как мелодия флейты кобры. Не у каждого найдется трезвого рассудка, самостоятельной критики и просто знаний, чтобы противостоять ей. Особенно тогда, когда и не хочется противиться. Название отрывается от содержания и живет своей собственной жизнью. Влив в бутылку из-под всемирно известного виски пошлый самогон, можно внушить неискушенным гостям, что вкус напитка изысканный и не чета нашей водке. «Эффект голого короля» по-прежнему в силе.

Министерство здравоохранения снабдило все табачные изделия предостережением: «Курение опасно для вашего здоровья!» И тем самым, очистив совесть, успокоилось. Тогда как выпуск собственных сигарет и закупка их за рубежом ощутимо не уменьшились. Кампании, направленные против пьянства, бессмысленны, если будут процветать виноделие, импорт вин, водочное производство. Это равносильно попытке погасить очаг войны, в то же время обильно снабжая воюющие стороны оружием.

В этой книге вы не найдете историй о тех или иных, живых или придуманных людях, которые, мол, обещали очень много, а потом спились. Причина отказа от этого метода заключена в следую-

щем. Как нет одинаковых людей на земле, так нет и схожих судеб. Развитие пьянства у каждого конкретного человека неповторимо и индивидуально. Поэтому очень опасно делать общие выводы из частного примера. Опасно и для исследователя, и для читателя, ибо последний легко найдет в конкретной истории болезни отличия от своей собственной судьбы и успокоится, умиротворенный: не о нем написано, и значит — он-то здоров.

Немного о названии. Если отойти от мифологического значения мертвой воды, то в буквальном смысле — это напиток смерти, убивающий все живое, как Мертвое море. Прирожденный убийца сопровождает нас от дня появления на свет до поминок, и раскрытие его истинной мертвящей сущности означает срывание масок и шутовских костюмов, в которые он рядится от века.

И еще — это дань древней славянской мифологии, практически уничтоженной христианством. Живая вода встречается в сказках многих народов мира, мертвая — фактически только в славянском фольклоре. Мы не должны забывать о своих корнях, идущих значительно глубже и дальше, чем это пытаются представить авторы, ведущие отсчет русской истории от принятия христианства в X веке. Наша история уходит во времена не только славянской общности, но и индоевропейского единства, и общечеловеческого, и корни, идущие оттуда, живы до сих пор.

Глава первая

МАГИЯ СЛОВА

У шведского писателя Пера Лагерквиста есть маленький рассказ «Злой ангел». Сюжет его прост. Статуя ангела с мечом, стоявшая в церкви, ночью оживает и ходит по улицам спящего города, вырезая на дверях домов кресты со словами: «Ты умрешь!» Но люди, проснувшись, не испугались. «Мы и сами знаем, что рано или поздно умрем», — говорили они.

Так вот, наша пропаганда против пьянства и курения напоминает эти кресты на дверях и слова ангела. Но люди, к удивлению и раздражению пропагандистов, пожимают плечами, и со словами: «Ну и что? Эка невидаль!» — продолжают и пить, и курить.

Ни логические доводы, ни научные данные, ни статистика, ни яркие примеры загубленных судеб и рано оборвавшихся жизней почти не действуют. И чем больше «алкогольный стаж», тем менее эффективно убеждение. Словно кто-то другой, чужой, поселяется в душе человека и начинает яростно бороться за свое существование. Раньше этого «некто» можно было назвать дьяволом. Это он находит бесчисленные оправдания, придумывает мотивы, находит примеры из своей и чужой жизни, вот, мол, Иван Иванович всю жизнь пил, а помер в восемьдесят лет, и подковы гнул рукой! Да я, мол, как пью, так ничем не болею, а как перестану, так и пойдут choroby.

И даже более того — происходит некий перевертыш в душе человека: постыдное считается почетным, низкое — высоким, болезнь — крепким здоровьем, печальное — смешным. Почему так получается — нелегкая проблема, и наверняка однозначного ответа не будет.

Но все же самое простое в таких случаях — отказаться от самого исследования, от поисков причин и сразу же перейти на бесчисленные следствия. Так обычно и про-

исходит. Мы гневно осуждаем пьянство лишь на том этапе, когда изменения личности и поведения больного человека начинают вторгаться в социальную жизнь, отражаться на окружающих людях, на экономике, нарушениях норм морали и законов общества. Но если на первоначальном этапе или в силу особенностей психики человек пьет «умеренно», «втихую» или просто, угрюмо напившись, ложится спать, а утром идет на работу, то большей частью общественным мнением это считается чуть ли не нормой. Никому не мешает, и ладно. Особенно если это относится к людям одиноким, потому что у семейных все же возникает барьер.

Велика магия слова! В тех случаях, когда нам хочется смягчить истинный смысл явления, обойти обходным путем, опасное назвать неопасным словом, мерзкое — благозвучным. Возникает иллюзия, идущая к древнейшим слоям истории, когда на запретный предмет или явление налагалось табу, чтобы не вызвать гнев высших сил или не сглазить, отпугнуть злых духов.

Отсюда и вытекает стремление людей, чаще всего неосознанное, назвать только ту часть истины, которая им кажется в данный момент более привлекательной.

Суть самоодурения спиртным практически одна, но как много градаций в обозначении этого! Причем если их расположить в один ряд, то получится постепенный переход от гневного осуждения до столь же восторженного восхваления. Переубедить словами пьяницу практически невозможно именно оттого, что он легко находит такое же количество столь же убедительных слов в свою пользу. Даже если не высказывает их вслух. Даже если по скудости мышления не находит своим мыслям словесную оболочку.

Разве человек, больной язвой желудка или туберкулезом, будет так лелеять свою болезнь? Разве человек, сваленный инфарктом, так яростно защищает свое право на смерть? Разумеется, нет. Он стремится к активному лечению, к выздоровлению, к наиболее длительной отсрочке гибели. Это вступает в свои права самый сильный инстинкт любого живого существа — инстинкт самосохранения. Но почему же молчит этот наш сторож и защитник при алкоголизме? Почему он спит при других психических болезнях? А ведь пьянство, алкоголизм, безумие белой горячки — всего лишь коли-

чественная градация одного и того качества — неизбежной, необратимой, добровольной психической болезнью. Не потому ли происходит это, что болезнь сразу же овладевает командными высотами, в самом начале парализует сопротивление — мозговые центры, в первую очередь расправляется с защитником нашим — инстинктом самосохранения и постепенно заменяет его на диалектическую противоположность — инстинкт самоуничтожения?

Чтобы со всей ясностью осознать то, что происходило, необходимо сначала расстаться с алкоголем, и лишь потом, порой спустя годы, можно услышать от бывшего больного неприкрашенные, самокритичные исповеди. Тогда уж нечего скрывать, нечего стыдиться, после большой победы охотно рассказываешь об ужасах войны, ибо тем самым победа только возвышается в твоих глазах. Но так ли часто происходит это? До какого порога должен дойти человек, чтобы осознать, что он зашел не в ту дверь? Что он должен понять, кто должен встретиться на его пути? Вариантов ответа может быть много, но все они сводятся к одному: должно быть что-то такое, что по своей притягательности, по своей силе способно распахнуть другую дверь, ведущую не в тупик, а на свободу, к жизни.

Этим чем-то может стать сильный страх, ибо хотя инстинкт самосохранения и приглушен, но страх перед смертью, конкретной, реальной и близкой, все же перебивает пагубную страсть. Это может быть любовь, вернее — страх потери любимого человека. Это может быть появление или воскрешение цели жизни. Это может быть стыд. Если, конечно, он еще дремлет, еще не поздно найти в себе способность к стыду.

Суть одна. Для противодействия болезни необходима такая же сильная страсть, такое же мощное чувство, в том числе как основа всего этого — добровольное, постоянное желание освобождения, ясное понимание своего рабства, подневольного существования.

Спросите любого, хоть самого пропащего алкоголика, считает ли он себя таковым? Почти в ста процентах он ответит, что, конечно же, нет. Он просто выпивает, как все, по праздникам, в свободное время, душа, мол, меру знает. В крайнем случае, прячась за словами, он назовет себя пьяницей, но алкоголиком — никогда! Магия слова вступает в свои права, медицинский термин отпугивает, ведь он ведет за собой принудительное

лечение и лишение многих прав, а русское слово «пьяница» кажется нестрашным, привычным и последствий за собой не влекущим, по крайней мере, до последнего времени.

По такому случаю стоит вспомнить известный сорит древнегреческой философии, говорящий о невозможности доказательства: сколько же зерен составляют кучу. Одно зерно? Вряд ли. Два? Едва ли. Три? Кто его знает... Четыре? Пять? Это уже кучка или просто пять зерен?.. Эта иллюстрация к закону о переходе количества в качество легко переносится и на человеческие пороки. Кого считать вором? Кто украл копейку? Две? Двадцать? Три рубля? Миллион?..

А кого считать алкоголиком?.. Продолжите сами аналогичный ряд и убедитесь, что на первый взгляд грань эту отделить невозможно. И это очень удобно для самооправдания, ибо всегда можно найти человека, пьющего больше, чем ты, а если и столько же, то более тяжело болеющего с похмелья или, скажем, не брезгающего одеколоном, и по сравнению с ним ты кажешься себе практически здоровым.

Все зависит от точки отсчета. Для совершенно непьющего человека любой — выпивающий, пьющий, запивающийся — всегда больной, чуть ли не алкоголик.

Разделение пьющих людей на пьяниц и алкоголиков уже условно. Нелегко двух людей, конкретных, живых, отнести и к той, и к другой категории. Это полумера, открытая лазейка для переноса себя в более «почетную» категорию. А за гранью этого остаются еще и «умеренно пьющие», начиная с бокала шампанского под Новый год, кончая сбрасыванием по рублю в получку. А ведь все они являются неисчерпаемым живым фондом для пополнения так называемых алкоголиков, и дело только за временем, за причинами, способными толкнуть в бесконечную пропасть.

Выражение понятия и явления с помощью так называемых эвфемизмов (замена грубых и резких слов более мягкими) можно проиллюстрировать цитатой из повести писателя Л. Давыдычева. Идет спор между санитаром и врачом о лечении зазнайства у мальчика. Санитар упорно рекомендует выпороть мальчика. Врач возмущается:

— Не могу же я в своем научном труде написать рекомендується метод лечения — порка!

— А вы напишите по-научному. Не порка, а специальная санитарная обработка задней поверхности организма медицинским стерильным ремнем.

Словесными вывертами богат язык человеческий. Сколько восторженных слов было написано в адрес вина, начиная с древнегреческого врача Асклепиада: «Едва ли могущество богов равняется пользе, приносимой вином». Мифы, сказки, легенды всех народов мира, письменная литература богаты упоминаниями о применении вина и прочих напитков. И здесь важен не столько сам факт упоминания, а отношение к этому действию. Об этом пойдет речь в последней главе, но вот столь любимый многими Омар Хайям:

Все царства мира за стакан вина!
Всю мудрость книг — за остроту вина!
Все почести — за блеск и бархат виный!
Всю музыку — за бульканье вина!

Отнюдь не каждый читатель знает об истинных причинах, вынуждавших древнего поэта и ученого писать эти стихи в пику мусульманскому духовенству. Строки подобных стихов всегда на устах любителей логических вывертов, стремящихся, пусть и бессознательно, оправдать свои пороки.

Но ведь гораздо больше написано об обратном! Отчего же такая избирательность в подборе оправдательных аргументов? Это касается свойства человеческой психики — поисков подобия, оправдания, аналогии своим порокам. Подобная избирательная глухота и слепота характерна, в частности, для преступников. На двух-трех примерах они строят свою концепцию оправдания поступков. И все их аргументы сводятся к абсурдному: «Все так делают!» И любой пьяница легко ответит на ваш аргумент: «Все пьют!» И так же легко приведет десятки примеров, а более образованный — еще и несколько цитат из литературы.

Но отчего же мы забываем, что авторы гениальных произведений — тоже живые люди, со всеми их достоинствами и пороками? Почему бы не признать открыто, что и они могут быть склонны к человеческим же слабостям и недугам и это их большая беда, а отнюдь не достоинство. Запас гения был так велик в них, что даже вопреки, а ни в коем случае не благодаря своему недугу, они сумели подняться до вершины мировой литературы.

Подтасовка причин и следствий, самооправдание часто встречается у неустойчивых психически творческих людей. Некоторые молодые поэты умудряются оправдать свое пьянство ссылками на Есенина. Как не вспомнить по этому случаю строки поэта Р. Рождественского: «Уже научились пить, как Есенин, еще б научились писать, как Есенин!»

В конечном счете, это похоже на стремление заболеть эпилепсией, чтобы писать, как Достоевский... Или туберкулезом, чтобы достичь вершин чеховской прозы.

Думаю, любой из нас, в какой бы области он ни работал, сможет назвать хотя бы несколько человек, одаренных с рождения тем или иным талантом, но не сумевших сберечь его, сгубивших его водкой. Не только себя они погубили, но и нас с вами сделали беднее, ибо не каждому на земле дан талант, и огромная ответственность лежит на тех, кому отпущено судьбой больше обычного.

Деграция таланта наступает постепенно, но неотвратимо. Под действием алкоголя отмирают высшие отделы интеллекта, и в первую очередь — способность к синтезу. Эту печальную закономерность можно проследить на творчестве многих, даже видных писателей. Прозрачные и тонкие рассказы в начале и рыхлые, разорванные, луганные романы в конце жизни...

А сколько творцов привела к самоубийству алкогольная депрессия?.. Нет спора, за талант нужно платить, а за поиск истины приходится подчас и жизнь отдать, но нет и быть не может оправдания тому, кто ищет истину в вине, а находит безумие и раннюю гибель. Древние были правы: в вине есть истина, и она проста и жестока — смерть.

В конце концов — это единственное, чего никто из живущих не минет, и дело не в самой физической гибели, и даже не в сократившихся сроках жизни. Самое жуткое — это смерть стыда, совести, смерть интеллекта, смерть человеческого начала в человеке. Деграция личности, огрубление и упрощение ее недаром носит название «более дешевого издания самого себя». Как будто бы прежний человек, но куда подевались острота мысли, жизнелюбие, высокие и чистые помыслы? Все уничтожено, выжжено, отдано в жертву. Механизм самоуничтожения работает в полную силу.

Силен инстинкт жизни, но стоит сдвинуть его и заглушить алкоголем, как сразу же поднимается из глубин диалектическая противоположность его — инстинкт самоуничтожения. Метафорический средневековый дьявол покусает нашу душу, теша иллюзиями могущества и веселья, толкая незаметно шаг за шагом к новым и новым поражениям.

Глава вторая

ИЗМЕНЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Что же за тяга заложена в человеке, что за стремление, самоубийственное и нелепое, к изменению сознания, к уходу в сон и забвение, в безумие и бессмыслие? Наивно сваливать все на испорченность человеческого рода, ведь если люди таковы от века, значит, это заложено в них изначально природой. В чем же не только социальные, но и биологические основы этой тяги?

Нелегко ответить на эти вопросы. Слишком много неясного, неоткрытого и неопознанного таится в феномене разумной жизни на Земле.

По всей видимости, мы не единственные на планете, кто добровольно применяет одуряющие напитки. На юге Африки в саванне растет дерево мерула. Его сладкие плоды созревают раз в три-четыре года, когда лето выдается особенно жарким. При этом сок начинает бродить и созревшие фрукты представляют собой как бы сосуд с вином. Любят плоды мерулы не только люди, но и слоны, которые устраивают пиршества, длящиеся несколько дней. В такое время встреча с опьяневшими животными опасна.

Весной к забродившему березовому соку слетаются бабочки и жуки-олени. Жуки дерутся за обладание источниками, отталкивая в сторону даже своих самок.

Аналогию с алкоголизмом люди давно провели, наблюдая за муравьями. «Жук в муравейнике» — ломехуза, «сводит с ума» муравьев. С желтых щетинок на его брюшке стекают капли жидкости, которую жадно слизывают муравьи. При этом они забывают о своих обязанностях, теснятся, отталкивают друг друга, кормят этих жуков, переставая заботиться о собственных личинках. В минуту опасности муравьи спасают не свои

личинки, а жуков-нахлебников! А жук тем временем спокойно поедает муравьиные яйца. «Они похожи на пьяниц, способных ради рюмки водки лишиться своих детей молока!» — пишет наблюдатель. В конце концов муравейник гибнет.

Насильно спонть можно практически любое животное. Или в результате научного эксперимента, или из-за необдуманной жестокости. И даже более того, потом они сами будут стремиться к опьянению. Известен случай, когда моряки из озорства сделали «алкоголичкой» даже кобру...

Алкоголь — лишь одно из многих так называемых психотропных веществ, проникающих через гемато-энцефалический барьер и воздействующих на мозг. Если попытаться классифицировать их, то получится три типа веществ: возбуждающие, тормозящие и изменяющие сознание. Разумеется, это разделение крайне условно, ибо одно и то же вещество может действовать по-разному. К тому же степень и качество воздействия может варьировать в чрезвычайно широких пределах: от легкого тонизирующего действия кофенна в чае до подобных смерти состояний наркоза.

Но только одними химическими веществами дело, пожалуй, не ограничивается. Изменять сознание в ту или иную сторону способны ритмичные гармонические звуки (музыка), длительная физическая работа, в том числе спорт; те или иные эмоции, гипноз, внушение и та обширная область волевых изменений сознания, в которой властвует современный аутотренинг, древняя йога, средневековый мистицизм. Нам вечно не хватает сиюминутного, данного нам состояния сознания, и не каждый раз мы отдаем себе отчет, к чему именно мы стремимся. После веселой песни хочется грустной, после тяжелой работы хочется лечь и заснуть, после хорошего отдыха хочется двигаться.

Как и все живое на Земле, люди подчиняются биологическим ритмам. Суточный ритм сна и бодрствования обязателен для нас. Треть своей жизни мы вынуждены отключать свое сознание, это — норма. Даже более того, нас несколько не тяготит это, нам правится спать, каждый знает, как не хочется просыпаться утром, уходить из туманной переальной страны сновидений, из инобытия — в реальное, неизменное, не зависящее от нас бытие. Многие знают, как мучительна бессонница, хотя как будто что в ней страшного? Но

именно эта постоянная «включенность» сознания, необходимость думать, размышлять, даже о пустяковых вещах, не требующих напряжения, тягостна и невыносима.

Мыслитель XVIII века И. Г. Гердер писал так: «...творец посылает нам бальзам сна, этого брата смерти. Сон, легко касаясь нашего тела кроткими перстами, заставляет забыть о важных делах, нервы и мускулы успокаиваются, чувственные ощущения прерываются, но душа не перестает думать, пребывая в родной стране... Ощущения в сне живее, аффекты ярче, мысли связываются легче, все проще и взгляд наш на мир светлее, а свет, которым окружены мы, прекраснее земного...»

Все живое нуждается в сне, в покое, спячке, граничащей со смертью. Даже дельфины, ни на минуту не прекращающие движение, умудряются попеременно отключать полушария мозга. В основном ритм сна суточный, многие животные спят в темное время суток, некоторые — днем. Но кроме этого ритма существует и более сложный, годичный. Наши северные звери ложатся в зимнюю спячку, пережидая «мертвый сезон». Среднеазиатские черепахи и южноафриканские лягушки спят все лето, когда солнце выжигает влагу и растительность. Суть здесь одна — перешагнуть через время, дожидаться «живого сезона». Фантасты, отправляя космонавтов к далеким звездам, погружают их в анабиоз. Анестезиолог во время операции ввергает больного в состояние искусственной, обратимой полужизни-полусмерти — в паркоз. Субъективно испытываемое сгущение времени, свертывание его, превращение долгой дороги в краткий прыжок можно легко понять на простой аналогии. Пройти пешком 300 километров за десять дней — нелегкий и утомительный труд. На автомобиле по дороге это же расстояние можно преодолеть за четыре часа. На вертолете — еще быстрее. А самолет не успеет взлететь, как придется садиться.

Вот и нам, особенно в детстве, хочется «сесть на самолет», поторопить время, перешагнуть его как можно быстрее. И сны в детстве слаще, и длятся дольше...

Подробнее на этом мы остановимся позднее, но уход пьяницы в запой при жизненных затруднениях, «с горя», отнюдь не означает поиск удовольствия! Цель его — уйти в спячку при наступившей «зиме»,

уйти от решения проблемы, переждать, перешагнуть время... В конечном счете, чуть ли не любая патология — это извращение нормы. Если суточный ритм сна — это необходимая норма, то искусственный уход в забвение и безмыслие — психическая патология, ярко выраженная при алкоголизме.

Но более странно и на первый взгляд более бесполезно стремление изменить сознание. Расширить его, сузить, направить в другую сторону. Мы не можем пока со всей определенностью назвать это желание чисто человеческим, ибо в животном мире оно тоже скорее всего встречается. По всей видимости, многие животные испытывают это, если не по собственной воле, то согласно своим внутренним ритмам.

Брачный гон зверей, весенние токования птиц на время вырывают их из привычного состояния, ими овладевает «безумие», то есть поведение их резко разнится от обычного. Меняется даже внешность. Лососи, идя на нерест, не питаются, инстинкт самосохранения перестает их защищать, меняется на самоуничтожение, хотя бы это было направлено на сохранение вида, как такового. Маралы жуют левзею, вызывая у себя резкое возбуждение. Турниры, поединки, битвы за обладание самкой и гнездовой территорией наполняют весну. Весенняя лихорадка выбивает на время из привычной колеи наших собак и кошек.

Этот цикл изменения сознания перешел по наследству и к нам под названием любовной страсти, только мы подчиняемся более произвольному ритму, не зависящему от времени года. Временное безумие охватывает нас. Мы распускаем хвосты, как павлины, заливаемся соловьем, петушимся, забываем о еде и сне, гневаемся на соперников.

Наше отношение к этому вселенскому действу окрашено романтическими красками, мы возвышаем это чувство на такую высокую ступень, что восхищаемся жертвенностью, готовностью пойти на смерть ради любимого человека. Мировая литература полна возвышенными описаниями такого рода. И ценность этого нам кажется настолько неоспоримой, что мы забываем о неисчислимых загубленных судьбах, о войнах, больших и малых, происходящих на каждом шагу, о вражде, ненависти, опустошенности, порожденных той же любовью.

Во время весенних турниров звери силой принуж-

дают своего соперника обратиться в бегство и уступить, но сохраняют ему жизнь, тогда как не стоит приводить примеры самоубийств и убийств, вызванных желанием завладеть предметом страсти и стремлением избавиться от соперника. Привычка считать любовную страсть чисто человеческим чувством, вызванная неистребимым антропоцентризмом нашим, низводит зверей до положения заводных игрушек и обеляет наши преступления. Тогда как слепая страсть — это самое животное, извечное, как сама жизнь, чувство, измененное сознание, временное безумие. Недаром браки, заключенные по взаимной страсти, — самые уязвимые и легко распадаются. И это не умозрительные рассуждения, а точная статистика.

Ироничный Эразм Роттердамский так писал о любви: «Еще Платон имел в виду нечто подобное, когда написал, что «ненитовство дарует влюбленным наивысшее наслаждение». В самом деле, кто страстно любит другого, тот уже не в себе, но в любимом предмете, и чем более он от себя удаляется, дабы прилепиться душою к этому предмету, тем более ликует... Далее, чем совершеннее любовь, тем сильнее ненитовство и тем оно блаженнее».

И все же, почему на протяжении тысячелетий у людей существует культ любви, страсти, пусть пагубной, но прекрасной? Нам нравится быть влюбленными, нам хочется, чтобы в нас влюблялись, состояние любви приводит нас к иному восприятию мира. Мы подсознательно, не отдавая себе отчета, стремимся к изменению сознания с помощью любви, даже если это приводит нас к крушению и страданию. Это стремление практически неуправляемо, его невозможно вызвать по собственному желанию и по желанию же погасить. Не потому ли с древних времен пытаются изобрести магические заговоры, приворотные и отворотные зелья, что человек издавна ищет внешнее средство для пробуждения внутреннего, неподвластного воле чувства?

Там, где не хватает знаний, всегда приходит на помощь воображение, вера в необычное, высшее, иное. Мифология XX века разнообразна и прихотлива, и самое интересное, что она отталкивается именно от науки — от точного знания фактов и причин явлений. Стремление к домысливанию редко носит характер научной логики, наша фантазия сразу же уводит нас в

неведомые миры. И в основе этого домысливания тоже лежит наше желание расширить «окно сознания», уверовать в несуществующее, как будто бы уже существующего нам мало. Вот и рождаются мифы о чудесных свойствах намагниченной или талой воды, об операциях без ножа, о бермудском треугольнике, о снежном человеке, о телепатии, о динозавре в горном озере. А в том-то весь секрет и состоит, что доля истины во всем этом есть, что возникли они не на пустом месте, но способность человека мифологически домысливать факты сразу же населяет «белые пятна» науки невероятными чудовищами и прекрасными ангелами.

Лишь слабый и ленивый ум удовлетворяется привычным существующим миром, вернее — теми моделями его, к которым он привык с детства, создав их раз и навсегда. Искать, домысливать, строить гипотезы, пусть самые невероятные, проверять на опыте, испытывать на «собственной шкуре» — естественное стремление человека. Ориентировочный или исследовательский рефлекс — основа науки, творчества, фундамент сегодняшней человеческой цивилизации. И в этом наследии наших далеких предков, в стремлении не удовлетворяться существующим взглядом на мир, а постоянно изменять его, искать, строить новые и новые модели — залог нашего процветания и... наших бедствий. Ибо в своем движении вперед мы раздвигаем не только рамки добра, но и зла. Диалектическое равновесие — сложная и жестокая штука...

Создание новой реальности, не существующей в природе, — это основа не только нашей технократической цивилизации, но и литературы, изобразительного искусства, музыки.

Писатель, отталкиваясь от реальности, домысливает факты, тасует их по своему желанию, наделяет героев нужными ему чертами и словами, вкладывает в новую жизнеподобную «псевдореальность» свои убеждения и идеи.

Графика и живопись уже тем условны, что пытаются создать иллюзорное ощущение трехмерного пространства на двумерной плоскости. А в тех случаях, когда изобразительное искусство пытается выразить мысль или эмоцию в «чистом виде», практически не опираясь на реальный мир или используя его формы для создания новой вселенной, то здесь мы сталкиваемся со странным явлением: нормальное, не изменен-

ное сознание художника, используя умозрительные теории, творит формы, характерные для измененного сознания. И потому в чем-то объяснимо стремление художников и литераторов искусственно изменить свое сознание, чтобы обрести иное видение, иное восприятие, иную реальность. Но вся трагедия в том, что они не всегда понимают — это путь тупиковый, ведущий в никуда, а точнее — к гибели, а не к прозрению.

Руслан Киреев пишет в одном из рассказов о таком художнике: «...он утверждал, размахивая длинными руками, что вино превращает его из бюргера в поэта, и даже пробовал писать в подпитии, но мазок его, утрачивая точность, не приобретал взамен свободы вдохновения. Неряшливым становился холст — всего-навсего...»

А одна из современных легенд утверждает, что основоположник абстракционизма В. Кандинский «прозрел» во время тифозного бреда. В болезненных галлюцинациях он увидел прорыв к новому изображению — без связи с реальным миром. Так оно было или не так — не в этом дело. Главное в следующем: не всякое изменение сознания плодотворно и служит познанию, чаще всего оно упирается в тупик, иллюзорно и пагубно. А алкоголь, как одно из психотропных средств, — коварная ловушка на пути художника.

Элизе Реклю, французский ученый-коммунар, писал в конце прошлого века: «Нередко музыка служила для того, чтобы усыпить человека или из состояния полного сознания перевести в смутное бессознательное состояние, при котором сохраняется лишь самое слабое ощущение жизни».

Воздействие музыки на психику, возможно, связано не столько с влиянием на высшие сферы сознания, сколько с эмпирически найденным совпадением с важнейшими биоритмами организма. Возникает эффект резонанса, невидимые камертоны в подсознании начинают звучать в ответ на внешнее раздражение. Нет абсолютно немзыкальных людей, и наши пристрастия к той или иной музыке связаны, возможно, с существованием тех или иных «камертонов» — еще не изученных структур мозга. Военные марши действуют возбуждающе, поднимают настроение, побуждают к деятельности. Органная музыка торжественна и светла, мудра и возвышенна. Похоронная — настраивает на печальный, скорбный лад. Стиль «диско» основан на пазойливом

ритме 120 ударов в минуту — почти в два раза выше нормы нашего пульса. Этот ритм в сочетании с танцем настолько изменяет сознание, что недаром применительно к нему возник сленговый термин «поймать кейф». Ритмическая гимнастика использует это сочетание музыки и танца для воздействия не только на тело, но и на психику. Вспомните, что частота пульса после занятий ею должна достигать именно 120 ударов в минуту — то есть полного снахания с музыкой.

Для воздействия на психику совсем не обязательно использовать вживленные электроды, мифическую телепатию или вполне реальный гипноз. Как видите, давно привычные средства — музыка, танец, пение с древнейших времен, практически у всех народов мира, применялись именно с этой целью.

Торжественные песнопения, архитектура, живопись, запах ладана, выверенные театральные жесты священников — все это в комплексе настраивает на иной лад, и даже убежденный атеист выходит из церкви умиротворенным. А что уж говорить о религиозных людях? Чисто человеческое умение воздействовать на психику истолковывается ими, как вторжение в душу высшей силы. Религиозная мистика вплотную связана с умением изменять сознание с помощью воли, то есть используя внутренние резервы. Христианский мистицизм, восточные религии: йога, дзен-буддизм, даосизм, суфизм, современный аутотренинг основаны на этом комплексном воздействии на психику как внешних источников, так, в основном, и внутренних. Пророческие видения, яркие образы «иных миров», медитация, самадхи, сагорн, шивана — это не выдумка мистификаторов. Это — реально существующие формы измененного сознания, которых добиваются долгой специальной тренировкой. Цели и истолкования при этом могут быть самыми различными, но суть явления от этого не меняется. Вездесущая магия слова наплела вокруг этого непроходимые дебри, но стоит только разобраться, пробиться сквозь заросли слов, как обнажается простая истина. Добровольное безумие, отказ от реального мира, воспроизведение психической патологии с помощью направленного усилия лежит в основе всей этой «великой мудрости». А цели могут быть различными. От благотворного влияния аутотренинга до иллюзорного «слияния со Вселенной», от управления эмоциями до фанатической отрешенности камикадзе.

Но не каждый может отдать годы жизни, чтобы, постепенно осваивая восемь ступеней йоги, достичь высшей. Тот же дзен-буддизм предлагает более короткий путь — мгновенное выворачивание сознания наизнанку, прорыв к «истине», приобретение нового взгляда на мир.

Человек давно понял, что значительно легче достичь той же цели, применяя внешние средства. Самым простым и самым сильным способом является использование наркотиков и алкоголя — психотропных веществ. Вот мы с вами и добрались по логической цепочке до цели нашей книги.

Молодежная контркультура 60-х годов на Западе возвела в культ бессознательные, стихийные влечения, инстинкты, побуждения, интуитивные прозрения. Она объявила войну диктату разума. Вся мощь психологического воздействия применялась в идеологии и образе жизни тех же хиппи. Философские спекуляции, музыка, восточные культы, танцы, наркотики, алкоголь, секс — все это призывалось, подобно злему духу, с помощью магических заклинаний для активизации бессознательного, для изменения сознания, ухода из реальности в иные сферы — в глубь подсознания.

Для познания мира издавна существовало два пути: один, научный, шаг за шагом проникает в реальный мир, познавая объективные законы и явления. Другой, мистический, объявляя тезис: «Познай себя как часть вселенной и ты познаешь всю вселенную», — направлен внутрь психики. И самая торная, самая легкая тропа на этом пути — применение психотропных средств. Для этого не нужны ни упорный труд души, ни мучительные размышления о жизни, ни образственность, ни годы долгого самовоспитания. Достаточно дозы наркотика, галлюциногена — и ты уходишь в иные миры, обретаешь способности, невозможные при нормальном, рассудочном, логическом сознании.

Психоделическая революция на Западе, провозглашенная Тимоти Лири в 70-е годы, объявила наркотики средством для расширения сознания. Цель применения их заключалась в блокировке аналитического разума. Т. Лири открыто провозглашал: «ЛСД — это западная йога. Цель восточных религий, как и цель ЛСД, — высшая благодать, то есть расширение границ сознания и достижение восхищения и удовлетворения».

Иллюзия познания внешнего мира через внутренние патологические состояния проявилась в эволюции убеждений замечательного английского писателя Олдоса Хаксли.

Сначала он был убежденным борцом за широкое внедрение наркотиков. В частности, он оправдывал применение галлюциногенов типа ЛСД у умирающих от рака больных. Он полагал, что ЛСД в сочетании с музыкой отвлекает больных от физических мучений и раздумий о близкой смерти, открывает перед ними новые горизонты и надежду на иную жизнь. Он сам умирал от рака. И сам мужественно вел дневник своих ощущений. И все же за неделю до смерти он понял, что ошибочно принимал свои видения за прорыв к всеведению, на самом деле он познавал только проявления собственной психики...

Применение наркотиков, как внешнего средства изменения сознания, имеет столь же древнюю историю, как и использование алкоголя. Причем цель их применения практически не отличалась от целей психоделической революции.

Религиозное, мифологическое сознание первобытного человека населяло мир невидимыми духами и сам мир разделяло на несколько этажей. Реальный, земной мир существовал лишь на одном из них, срединном. Связь миров, связь живых и мертвых, людей и духов осуществлялась с помощью колдунов, шаманов, магов, жрецов. Эти избранные люди, владея внутренней способностью изменять свое сознание, широко применяли уже знакомые средства: алкоголь, галлюциногены из грибов, ритмическую музыку, пение, танец, магические заклинания, призванные настроить психику на иной, неземной лад. Даже секс, как одно из средств изменения сознания, был в арсенале жрецов. Нам известны античные оргии, вакханалии, сатурналии, средневековые карнавалы, где привычный мир на время выворачивался наизуанку, алкогольное опьянение и беспорядочные сексуальные связи носили оттенок мистический, религиозный, были призваны объединить в едином безумии разобщенных людей, открыть новые истины, укрепостить жесткие социальные рамки.

Н. Н. Велеская в солидном труде «Языческая символика славянских архаических ритуалов» пишет так: «Функции музыки восходят к представлению язычников о ней как посреднике двух миров, средстве обще-

ния с предками, а также с богами... Одна из функций танца — средство установления связи между предками и потомками, способствующее приобщению души к сонму предков... Основные элементы языческих оргиастических действий: смех, хмельное питье, музыка, песнопения, танцы, игры, сексуальная свобода. Все они имели форму, строго определенную ритуалом...»

Как видите, все сводится воедино. И что из того, что наш современник, уставив стол бутылками с яркими этикетками, «ловит кейф» под громкую ритмическую музыку, объясняя это совсем иными мотивами? Суть явления остается прежней, ибо психика человека, несмотря на резко изменившийся внешний мир, остается одной и той же. И мозг наш не изменился, и биохимия законов своих не переменяла.

Американский философ У. Джемс писал: «Наше нормальное, или, как мы его называем, разумное, сознание представляет собой лишь одну из форм сознания, причем другие, совершенно от него отличные формы, существуют рядом с ним, отделенные от него лишь тонкой перегородкой».

Бессознательный или осознанный поиск иных форм сознания и лежит в основе многих психических побуждений, в частности — наркомании и пьянства. Полуграмотный ханурик, напившийся «бормотухи», и утонченный эстет, придумавший «разумное» обоснование наркомании, практически не отличимы друг от друга в своих подсознательных побуждениях.

По утверждению философов, человек всегда стремился к удовольствию и избегал страдания. Значит, применение психотропных средств должно привести к удовольствию или к ожиданию такового. Но вот удивительный парадокс: чаще всего первая рюмка спиртного и первая сигарета не приносят ничего хорошего — кружится голова, тошнит, организм активно сопротивляется вторжению чужеродных опасных веществ. Не так-то просто приучить животных к алкоголю и табаку, для этого нужны терпение и настойчивость, ибо природа лучше «знает», что можно, а что нельзя. Но как же мы «обуздываем» естественный протест? Да очень просто! Если вокруг тебя люди, почитающие за доблесть выпить бутылку водки и оставаться при этом на ногах, если вокруг курят одну сигарету за другой, не испытывая ни тошноты, ни головокружения, то ты невольно, особенно если психика не окрепла и жела-

ние быть не хуже других сильно, начинаешь считать себя неполноценным, маленьким, слабым.

Происходит первый логический перевертыш. Абсолютно здоровый человек, выпив, как все рядом с ним, стакан вина, бежит тут же в туалет с приступом рвоты, переносит насмешки и искренне считает себя хуже других. Это уже потом, при развитии заболевания, когда алкоголь парализует защитные центры мозга и заставляет выдавать черное за белое, зло за благо, наступает состояние кратковременной эйфории, ощущение удовлетворения. Путь назад, к естественной реакции отторжения яда, уже отрезан. Но даже если, благодаря особенностям биохимического обмена, человек все равно не получает удовольствия, он продолжает считать себя «белой вороной» и с помощью самовнушения и психической индукции — внушения других пьющих, подчас достигает некоторой степени эйфории.

Роль индукции при этом очень велика. Подавляющее большинство пьяниц не любит пить в одиночку, и одна из причин этого заключена в невозможности взаимной индукции, «заражения» друг друга общим для компании настроением. Облегчение контактов между людьми в этом случае происходит не из-за какой-либо мистической способности алкоголя преодолевать барьеры, а по той причине, что психика людей под действием одной причины нивелируется, сводится к общему среднему, не говоря уж о торможении высших отделов мозга.

Вот еще один кажущийся парадокс диалектики. Способность людей к преодолению своих инстинктов, к волевому управлению своей психикой возвысила их выше всех на Земле. Но эта же способность и губит их, толкает на самоуничтожение, на убийство других людей...

Выбор средства для изменения сознания происходит по разным причинам. Но сейчас для нас одна — главная. Состояние опьянения относительно кратковременно, через несколько часов, дней происходит возвращение к норме, выздоровление после острого отравления. Человек продолжает полноценно работать, жить по-прежнему, и эта ловушка — кажущаяся безвредность алкоголя, начинает играть роль всех подобных ловушек. Бездна наказанности развращает, это давно известно. Вор, совершивший десять краж, всегда пойдет на одиннадцатую. Вступив в компромисс с сове-

стью, легко навязать ей примирение с очередной подлостью.

Никому не придет в голову испытать галлюцинации с помощью добровольного заражения сыпным тифом. Абсурдно, не так ли? Или пожелать временно забиться, разбежавшись и ударившись головой о стенку... При нормальной психике этого не происходит. Тогда как, применяя алкоголь, наркотики, снотворные лекарства, человек твердо знает, на основании своего и чужого опыта, что возвращение к норме ему гарантировано. Организм поднатужится и справится с ядом. Ведь никто, твердо знающий о том, что употребление метилового спирта ведет к слепоте, а то и к смерти, не станет добровольно пить его. Цена опьянения слишком велика — жизнь и здоровье, причем платить придется в самый короткий срок.

Немедленное наказание действует предостерегающе.

Отсроченное, растянутое на много лет, — развращающее.

Объестся беленой можно только случайно и по незнанию. Хотя при отравлении ею и возникают галлюцинации, но цена за это слишком велика. И право же, никто из выживших не подойдет к кусту белены ближе, чем за десять шагов.

Значит, выбор средства четко зависит от той цены, которую приходится платить немедленно или в ближайшее время.

Именно этот фактор — отсроченное наказание — привел к широкому распространению алкоголя и табака.

Можно избежать или отсрочить наказание внешнее — насильственное вмешательство других людей и закона, но никому еще не удавалось избежать наказания внутреннего — расплаты своего собственного организма, выведенного из равновесия. И чем быстрее оно наступает, чем выше цена дурмана, тем реже встречается та или иная патология.

Лечение алкоголизма, в частности, и основано на нестратимости расплаты, причем не умогнительной, отсроченной на неопределенное будущее время, а сиюминутной, карающей сразу же после выпивки. Большой, прошедший курс лечения тетурамом, не сможет безнаказанно выпить даже стакан пива — перестроенная биохимия его организма тут же ответит сокрушающим ударом. Страх перед возможной смертью оказы-

вается сильнее пагубной страсти. Это и есть диалектически оправданное насилие, хотя и унижающее, как любое насилие, но направленное не во зло, а во благо. Страх перед наказанием удерживает от многих преступлений.

Рассуждая в этом направлении, можно вывести общую закономерность: чем ближе расстояние между преступлением и наказанием, тем менее вероятно правонарушение. А самое близкое наказание — то, которое находится внутри тебя.

Залогом существования любого живого существа на Земле является его способность сохранять равновесие. Весь процесс жизни — это постоянная борьба за достижение равновесия — анатомического, биохимического, психического. Резкий сдвиг в ту или иную сторону может привести к распаду, гибели. Организм — самоорганизующаяся система. При недостатке жидкости, например, он сигнализирует ощущением жажды, при нехватке органических и минеральных веществ — голодом, при опасности — включает страх и так далее. Все это придумано не нами и от нашей воли практически не зависит. Но и при избытке тех или иных безусловных благ организм реагирует однозначно — протестует. При насильственном приеме больших количеств той же животворной влаги возникает отторжение — рвота. Переедание тоже грозит наказанием, ибо все это ведет к нарушению равновесия — гомеостаза.

Отсюда можно вывести триаду: избыток — норма — недостаток. Причем острый недостаток может при определенных условиях переклестнуть норму и перейти в избыток. И наоборот. Эта триада вполне применима и к нашей узкой теме, ибо алкоголь резко сдвигает равновесие, гомеостаз, не только психической, но и, главное, биохимический. И эта способность к сдвигу — источник многих бед.

Если опьянение вызывает эйфорию, повышенное настроение, то наутро может возникнуть настроение пониженное — депрессия. Если алкоголь при длительных запоях ведет к глубокому сну, то неминуемо возникнет мучительная бессонница. Если в состоянии опьянения чувствуешь себя физически здоровым, уверенным в себе, непогрешимым, веселым, то после начинаешь ощущать разбитость во всем теле, головные боли, тошноту; чувство вины гложет тебя, раскаяние в словах и поступках доводит до отчаяния.

Гомеостаз нарушен. Допущенный избыток приводит к недостатку. Лимит, отпущенный природой, израсходован. Возникает эффект переразвития: взлет переходит в падение, лето — в осень, юность — в старость, любовь — в ненависть, и так далее. Это — неустрашимый закон природы, бытия, Вселенной.

Позволю себе сравнение: вы на необитаемом острове, совершенно пустынном. Вы знаете, что через две недели вас спасут. У вас есть запас пищи и воды ровно на этот срок. Как вы поступите? Разделите еду и питье на равные доли? Или, не задумываясь, уничтожите все за пять дней? А потом будете медленно умирать от жажды и голода?..

Или более жизненная аналогия. Вы получили сто рублей. До аванса, как известно, еще две недели. Что вы делаете? Разумно рассчитываете свои расходы так, чтобы хватило до аванса, или транжирите деньги за два дня?.. Так порой и происходит, к сожалению. И делают так далеко не мудрые люди, а уж пьяницы на каждом шагу.

Не надо забывать простой вещи: приподнятое настроение после рюмки вина отнюдь не привнесено извне алкоголем. Эйфория возникает за счет той разумной, отмеренной на экономный расход дозы нормального, хорошего настроения и черпается из внутренних резервов. И если человек растратил многолетние «запасы радости», отпущенные ему надолго, то расплата неизбежна. Еще никому не удавалось безнаказанно раскачивать маятник гомеостаза по своей прихоти. В любом случае и при любых обстоятельствах.

Глава третья

ПОРТРЕТ И РОДОСЛОВНАЯ

О нашем недруге мы можем узнать практически все. Для сбора разведанных не понадобятся ни спутники, ни резиденты, ни смелые разведчики. Он просто не таится от нас, он настолько могуществен, что губит нас открыто, среди белого дня, и помощники его, помогающие ему убивать, настолько многочисленны, что наш враг давно стал почти неуязвимым. Мы знаем не только его бесчисленные облики, но и истинное лицо, знаем его родителей и сами охотно способствуем

его рождению. Он безнаказанно вмешивается в нашу жизнь, почтительным гостем участвует в наших торжествах, надевает смиренную одежду утешителя в черные дни наших бед и падений, крестит детей, благословляет на брак, поминает умерших, вторгается на встречи друзей, служит гонимым за выполненную работу, знахарем при болезнях, собеседником и переводчиком. Но истинная роль его — нахлебник, объедающий и обворовывающий нас, профессиональный отравитель, убийца-маньяк, враг номер один под маской друга.

Любая энциклопедия опишет его портрет с исчерпывающей скупостью анкеты.

Итак, Спирт Винный, фамилия — Этанол. Псевдонимы и клички многочисленны. Национальности не имеет. Возраст древний. Бесполой, но более любим мужским полом. Официальное имя восходит к латинскому *spiritus* — дух. Как дух, постоянного места жительства не имеет, вездесущ и многоязычен. Анатомия проста: C_2H_5OH . Родители — дрожжи, бактерии, плесень. Крестная мать — биохимия, крестный отец — человек. Основной способ рождения — брожение.

Брожение известно людям с незапамятных времен и тысячелетия человек использовал его для изготовления спиртных напитков.

Спиртовое брожение, как говорят справочники, это процесс окисления углеводов, в результате которого образуется этиловый спирт, углекислый газ и выделяется энергия. Сбраживаться могут только углеводы, и причем весьма избирательно. Дрожжи сбраживают только некоторые 6-углеродные сахара.

Следует добавить, что брожение — происходит у нас в организме, так сказать, в норме. То есть определенное количество этилового спирта, очень небольшое, постоянно циркулирует в крови. Вывод из этого важен: этиловый спирт, являясь естественным продуктом обмена веществ, легко проникает во все клетки, в том числе — в головной мозг. Он — свой в организме. И ему ничего не стоит под маской своего совершать любые диверсии в организме.

Естественно, что впервые человек применил на практике секрет брожения там, где в природе встречаются 6-углеродные сахара, то есть где растут виноград, фрукты, ягоды. И все же именно виноград дал имя вину, именно он восхвалялся в мифах средиземномор-

ских народов, он служил основой для опьяняющих напитков.

По всей вероятности, виноград — одно из самых древних культурных растений. Он начал культивироваться чуть ли не раньше ячменя и пшеницы. И цель была вполне однозначная — для приготовления вина.

В тех краях, где не росла лоза, люди приспособили для этой цели ягоды и плоды. А там, где было развито бортничество, люди научились сбраживать разбавленный водой мед для приготовления опьяняющих напитков.

Там же, где не было винограда и диких пчел, пришлось осваивать более сложную технологию ферментации и сбраживания крахмала — пивоварение.

Как известно, идеи носятся в воздухе. Но в том же воздухе носятся в огромном количестве микроорганизмы, в частности — дрожжевые грибки. Немудрено, что открытие свойств брожения произошло независимо в разных местах земного шара. Но подобно тому, как очевидная для нас идея колеса миновала американский континент, так и спиртовое брожение осталось незамеченным в некоторых областях земли.

Вот данные из сводной таблицы, опубликованной в первом томе большого труда «Страны и народы». Речь идет о характерных для тех или иных районов Земли продуктах питания. Сюда же попали, как мы видим, и дурманящие напитки...

Восточная Европа — пиво, брага, медовуха, водка. Северо-Западная Европа — пиво, джин, виски, фруктовые вина, сидр. Средиземноморье — вино виноградное. Балканы — вино, фруктовая водка, буза. Африка — пальмовое вино, просяное пиво. Юго-Западная, Средняя Азия — водка, вино. Центральная Азия — молочная водка, кумыс, айран. Субарктическая, Северная и Северо-Восточная Евразия — грибы-галлюциногены. Южная Азия — пальмовое вино, фруктовое вино. Восточная и Юго-Восточная Азия — пиво, вино, водка из риса. Океания — напиток из кавы. Латинская Америка — водка пальмовая, из агавы, грибы-галлюциногены.

Можно привести сотни названий алкогольных напитков и способы их приготовления, но это огромное количество все равно не перейдет в новое качество, ибо их роднит основа — брожение и цель — опьянение, каких бы словесных кружев ни наплели вокруг.

Поэтому остановимся подробнее на иных «родственных» алкоголя, коль скоро они названы на равных правах со спиртными напитками. Это позволит нам лучше понять первоначальную, самую древнюю цель применения людьми психотропных веществ.

На островах Полинезии употребляли перечное растение, из корешков которого готовили наркотический напиток — «кава», не содержащий алкоголя. Папуасы маринд-анима тоже знали каву, только использовали не одни лишь корешки, но все растение, благодаря чему получали значительно более сильный наркотический напиток — «вати». Острый и горький напиток вызывал не только опьянение, похожее на алкогольное, но и парализовал на время ноги. Причем женщинам и детям пить вати было запрещено. Этот запрет не только разумен на наш современный взгляд, но и указывает на ритуальный, потаенный смысл напитка, доступного лишь посвященным. Такой же запрет был у папуасов-киван. Они из сока другого растения делали напиток «гамоду». Ему придавалось магическое значение, его разбрызгивали при разных обрядах.

Магия наркотических растений наполняла ритуалы многих народов. Жрецы майя и ацтеков использовали для этой цели сок кактуса, содержащий сильный галлюциноген — мескалин. Это «приближало» их иллюзорно к духам и богам. Народы Сибири, живущие в тайге и тундре, алкоголя не знали. И все же вещества, изменяющие сознание, были найдены и там. Это был мухомор. Настоя или порошок из него служил шаманам для более полнокровного общения с духами. Применять мухомор запрещалось всем, кроме избранных — шаманов.

А теперь мы подходим к очень важному вопросу — к родоначальнику, к праматери, к первопричине многих и многих живых до сих пор обычаев — к проблеме Сомы.

Но сначала цитата из уже приводимой работы Н. Н. Велецкой: «Хмельное питье — ритуальный напиток, связанный с культом предков, приобщением к ним... Важнейшую же предназначенность раскрывают связи его с идеей бессмертия, вечного возрождения, восходящей к древнеиндоевропейским представлениям о напитке бессмертия, которое наиболее яркое выражение получило в ведийских гимнах Соме».

Предки индоевропейских народов (а значит, и сла-

вян) придавали ей огромное ритуальное значение. В Ригведе сказано о том, что бог Индра вышел из бока матери-Земли. С момента рождения он оставался в тайном укрытии, но вскоре отведал Сому, которую нашел на груди матери (то есть растущую на земле), или в другом варианте — которую принес орел (птица горная или степная). Выпив Сомы, он вырос до гигантских размеров, и Небо и Земля, охваченные ужасом, разлетелись в разные стороны, а Индра заполнил пространство между ними — воздух. Вступая в битву с другом — Вритрой, Индра выпил три кубка Сомы и победил. Сома была священна. У нее был свой бог, позднее ставший богом Луны.

Тот же самый напиток под именем хаума (хоума) был известен другой ветви индоарийцев — ариям Ирана. Хаума был божеством авестийцев — приверженцев древней религии Ирана. Более поздняя религия — зороастризм также включила в свои ритуалы этот напиток.

Залогом бессмертия богов Древней Греции было постоянное употребление чудесного напитка — нектара.

И... русские мифические напитки — живая вода и зелено вино, давшие силу богатырям.

Учитывая древнюю общность индоевропейских народов, можно предположить, что Сома, хаума, нектар и зелено вино — всего лишь разные названия одного, древнего, ритуального напитка.

До сих пор продолжают споры, что же на самом деле представлял из себя этот напиток, в частности — Сома. Источником ее называли ревень, иные полагали, что это просто пиво. Р. Уоссон предположил, что Сома — это один из видов мухомора. Но современные зороастрийцы (парсы в Индии и гебры в Иране) делают хауму из эфедры — широко известного в современной медицине растения. Это дало основание считать эфедру источником Сомы. Как помните, орел принес Сому Индре, а орлы не живут в лесах, где растет мухомор. Тогда как эфедра растет именно на открытых местах, в горах и степях. Симптомы отравления соком эфедры сходны с описанием древних текстов. И сейчас из эфедры получают эфедрин — лекарство, повышающее артериальное давление, возбуждающее нервную систему. Кстати, одним из запретных дошиггов является именно эфедрин.

Ареал распространения эфедры совпадает с возможной прародиной индоевропейцев. Это Карпаты, Кавказ, Великая степь, Центральная Азия. Расселившись по Европе и проникнув в Южную Индию, этим народам пришлось искать заменитель Сомы — эфедры. Им и стал алкоголь в виде вина, пива, ягодных настоек.

Но так или иначе, древние народы Земли использовали вещества, изменяющие сознание, независимо от источника их получения и химического состава, с одной целью — ритуальной.

Найденные эмпирически вещества для изменения сознания наверняка вызывали мистический ужас древнего человека. Субъективно он ощущал головокружение, повышенное настроение, его посещали видения, он чувствовал себя сильным, всезнающим, всемогущим, способным общаться с богами и духами. А после наваливалась разбитость, усталость, тошнота и немощность духа, словно невидимая сила покинула пределы тела. Посторонние видели странную метаморфозу, происшедшую с их соплеменником, — он вдруг начинал покачиваться при ходьбе, смеяться, гневаться без причины, изрекать странные слова, петь, приплясывать. В общем, то, что привычно для нас с детских лет (уву!), увиденное впервые, не может не поразить воображение. Просто мы разучились удивляться, пьяный человек стал давно привычен.

Наверняка зрелище пьяного европейца так же поражало «дикарей», пока они сами не были приучены к зелью...

Древняя психокультура — умение достигать волевым усилием изменения сознания избранными людьми — шаманами, жрецами, колдунами, волхвами, вызвало преклонение простых, не умеющих это делать, людей и образование касты жрецов. Ну, а внешнее средство — алкоголь и наркотики, только усилило их влияние. Оттого сначала применение этих средств было скрыто от непосвященных, запрещено наложением табу и передавалось от колдуна к колдуну в строгой тайне. Этот этап сохранялся у шаманов Сибири. Следующий этап — посвящение всех взрослых мужчин в сакральное действо, что мы видим на примере папуасов. Разоблачение и разглашение великой тайны в более поздние времена носит, как это ни странно, оттенок демократизма, лишение жреческой элиты ее при-

вилегий в этом вопросе. Аналогичный виток спирали мы прослеживаем в эпоху Реформации, когда духовенство было лишено единоличного права обращения к богу. Библия переводилась на народные языки, каждый мог самостоятельно вступать «в контакт с богом».

Итак, средство для общения с богами и для уподобления себя богу найдено. Естественный вывод отсюда — боги и духи должны постоянно пить эти напитки, чтобы сохранить свою божественную сущность. Так появилась вера в Сому, хауму, нектар, зелено вино, дарующие божественную сущность, бессмертие.

Не менее зримо, чем в мифологии греков и индийцев, это видно на примере русского фольклора — разрозненных осколков древней славянской мифологии. В качестве гипотезы я и предлагаю отождествить зелено вино и живую воду с Сомой, хаумой, нектаром.

Живая, воскрешающая из мертвых жидкость упорно проходит через русский фольклор. Обычно ее приносят ворон — посланник богов (орел у греков и индийцев). В более поздних сказках мы видим красноречивую замену живой воды обычной водкой. Так, сказка под номером 123 из сборника Афанасьева повествует о том, как королевич освободил лешего, а тот в награду привел его в избу и налил стакан водки. Тут же королевич ощутил в себе приток огромной силы. Следующий стакан еще более увеличил силу. Тогда леший пацедил водки из другого крана и сила поубавилась.

В сказке номер 125 водка заменена более древним напитком — зеленым вином. Результат тот же — Иван-царевич легонько метнул камень в полторы тысячи пудов.

Былины об исцелении Ильи Муромца говорят то же самое. Неведомые калики перехожие (перседетые боги — обычный мотив в мировом эпосе) не только исцеляют парализованного Илью, но с помощью браги паделяют его пчеловеческой мощью.

Аналогичные мотивы мы видим в эпосе другого индоевропейского народа — осетин, в «Нартах».

Примеры можно умножать, каждый раз находя новые и новые оттенки. Но вывод отсюда проистекает общий: существование у славян-язычников веры в некий напиток, дарующий силу, здоровье и могущество,

равное богам. Причем живая вода дает это могущество, а мертвая вода (водка из другого крана, брага из другой бочки и т. п.) — убавляет силу. Быть может, кроме своих других функций (восстановление разрушенного тела) мертвая вода служила противоводом живой воды — ослабляла ее действие. Это очень интересный факт славянской мифологии, практически уничтоженный христианством.

Писатель В. Крупин в своей повести «Живая вода» доносит более позднее уподобление живой воды — водке. Он приводит легенду о том, как мужик отправился на небо за живой водой, а принес оттуда водку. Это — поздняя замена древней Сомы, зелена вина более понятным напитком.

Но почему именно «зелено вино»? В поисках аналога мы остановимся в недоумении, ибо алкогольного напитка, вина с зеленым цветом, славяне не знали. Сам эпитет «зеленый» происходит от слова «зелье», что первоначально означало любое растение, траву. А настойки на травах, обладающие зеленым цветом, стали известны людям значительно позднее, после открытия спирта. Но вполне возможно, что зелено вино — это зеленый сок, выжатый из эфедры, или настой ее, отвар — аналог Сомы. По всей видимости — это название священного напитка более древнее, и уж по крайней мере — более живучее, дошедшее до сегодняшнего разговорного языка. А кто же такой зеленый змей? Не источник ли это зелена вина, некая трава, и скорее всего — именно эфедра, зеленые побеги которой, лишенные привычных листьев, но покрытые чешуйками, напоминают змеиное тело?

Но, быть может, это осколок мифа о боге или культурном герое древних славян по имени Зеленый Змей? Змей, змея, дракон издавна служили предметом поклонения у самых разных народов. В глубоких погребах драконов и змей хранятся сосуды и бочки с живою водою, в пылу битвы они бросаются туда, чтобы испить ее и набраться силы. «Предание глубочайшей древности!» — восклицает Афанасьев, комментируя эти мифы. Он отмечает также тождественность змеи-медянки огненному Перунову цветку и траве-медянице. На прямую связь травы и змеи указывает такая сказка: весельчак-пьяница поехал в змеиное царство, чтобы взять лекарство у змеи для исцеления царевны. Он выкрадывает его у огромного змея, лежащего кольцами так, что

хвост сходил с пастью. Обратите внимание, что герой — пьяница. Только не надо принимать этот факт с точки зрения современного человека. В дальнейшем мы увидим, что лишь в позднее время пьяница стал синонимом алкоголика. Раньше это слово было заменой более древних слов — волхв, колдун, чародей, которые отличались от обычных людей именно своей ненормальностью. Под давлением христианства и с утратой языческого мировоззрения произошла перемена «формы пирожка», но «начинка» осталась прежней. Это тоже характерно для живого развития языка.

Бесчисленны русские сказки, где героем является именно дурак — человек, отличный по своему складу психики от признанной нормы, по отнюдь не глупый человек! Шаманы народов Сибири иногда носили на себе этот отпечаток психической аномалии. Вполне возможно, что выбор волхвов у славян тоже проводился по этому признаку.

(И, быть может, по более далекой ассоциации, залогом безопасности Гамлета была именно эта нарочитая странность, как отголосок табу на языческих жрецов у кельтов и германцев?.. И вседозволенность шутов-«дураков» при дворах государей? Ведь, насколько известно, шуты были только в Европе?..)

Интересна этимология слова «дурак». Этимологический словарь А. Г. Преображенского возводит это русское слово к словенскому *dur* — нелюдимый, дикий; сербохорватскому *dūriti* — сердиться, беситься; польскому *dur* — бессознательное состояние, тиф; литовскому *radurmai* — неистово; древнепрусскому *durai* — дикий, нелюдимый. С замечанием «трудно сказать» автор приводит также санскритское *dhivāratī* — вредить соблазном, *dhivāgas* — демон.

Вполне возможно, что первоначальная «начинка» слова «дурак» означала колдуна, ведуна, волхва, вставшего в священное безумие, способного общаться с духами. При этом он мог использовать магические напитки — зелено вино, а позднее — как заменитель — спиртной напиток, то есть становиться «пьяницей» в первом, ритуальном значении этого слова.

Когда источник Сомы был забыт, а область расселения славян вышла за ареал эфедры, это название было перенесено на другое психотропное вещество — алкоголь.

Пьяный человек, пьяница, человек с искусственно измененным сознанием (от острого до хронического) мог служить моделью подобного всемогущего героя, сумевшего прорваться в мир духов, в царство мертвых, чтобы там обрести силу от предков. Характерна в этом смысле былина «О Василии Пьянице». Сюжет ее таков. Царь Кудреванко окружил Киев. Илья Муромец был в отъезде. По всей видимости, Добрыня Никитич и Алеша Попович сознавали свою слабость перед сильным враждебным войском и не решались вступать в битву. Добрыня сообщает князю Владимиру, что в кружале, в царевом кабаке есть Вася, горький пьяница, который может спасти Киев. Владимир сразу же бежит к кружалу и будит Василия. Василий отвечает, что не может подняться, «нечем мне молодцу оправиться». Владимир велит целовальнику дать ему «чару зелена вина в полтора ведра». Выпить ему пришлось трижды. Потом он поднялся, стал похаживать, плечами пошевеливать, руками приразмахивать. «А еще был я старик да девяносто лет, еще стал молодец я двадцать годов». На пиру он еще выпил зелена вина, взял в помощники Добрыню и Алешу, пошел на «высок балкон» и убил каленой стрелой Кудреванку. А потом и все войско разогнал. Характерен конец быliny. Владимир предлагает спасителю Киева любую казну, но Василий отвечает: «Мне не надобна твоя да золота казна, а только дай мне вина ведь пить безденежно, да покуда мне-ка нынче смерти нет».

Рассматривая эту былинку с точки зрения борьбы с пьянством, мы непременно уйдем от скрытого, древнего смысла ее. Впрочем, для самого рассказчика этот смысл тоже утрачен. Но ведь недаром «зелено вино» встречается только в древних слоях русского фольклора — в былинах и сказках. В более поздних пословицах и песнях напитки называются своими именами: вино, водка, пиво, брага. Наслоения позднейших эпох исказили былинку, но древнейшая суть ее заключена в представлении о том, как волхв, испив живой воды, зелена вина, обретает неземную мощь, молодость и бессмертие. И русские богатыри пили зелено вино, и бесконечные пиры у Владимира сопровождались обильными возлияниями, очень похожими на пиры олимпийских богов, постоянно пьющих нектар, чтобы сохранить свою божественную сущность. И древнегерманские боги во главе с Одинем тоже постоянно пиро-

вали. И древнеиндийские... Случайно ли это? Почему только индоевропейские боги любили пиры и возлияния? Об этом — в следующей главе.

А позднее, когда мы будем рассматривать причины и поводы пьянства, то более зримо увидим, насколько дурную службу сыграло это магическое представление о священном напитке богов. Несмотря на забвение нами корней своих, корни эти живы и по-прежнему питают наши привычки и обычаи.

Глава четвертая

НЕВИДИМЫЕ КОРНИ

Не только индоевропейцы, но и все народы мира знали магические напитки, подобные Соме, только в этой роли уже зачастую выступает алкоголь в виде вина и пива.

В Древнем Египте считали, что вино даровал людям Осирис, это он первым подпирал лозу и давил виноград. Один из мифов говорит о том, как бог Ра, сжалившись над людьми, решил прекратить их истребление, начатое кровожадной богиней Хатхор. Он разлил на полях, где она проходила, красное пиво, и Хатхор, вкусив напитка, перестала замечать людей. Примечательно не только то, что богиня, напившись допьяна, уже ничего не желала, но и сам факт магической замены крови красным пивом.

Шумерский миф о боге вод и мудрости Энки и его жене Нинмах, богине земли, донес до нас иной аспект применения вина. После сотворения человека они устроили пир для всех богов, на котором Энки и Нинмах выпивают много вина и становятся чересчур деятельными. Нинмах берет глину и создает шесть типов людей, отклоняющихся от нормы (!). Потом сам Энки творит существо очень странное: Нинмах говорит ему — он не отвечает, дает хлеб — он не тянется к нему, не может сидеть, стоять, сгибать колени. Нинмах проклинает Энки за такое творение, и тот покорно принимает проклятие.

Вполне возможно, что уже более чем 4000 лет назад люди знали о связи между алкогольным опьянением во время зачатия с рождением уродов... А уж полная неспособность к творчеству при опьянении отражена достаточно ясно.

Еще один шумерский миф говорит о том, как к Энки пришла в гости богиня любви — Инанна. Энки устраивает пир и, опьянев, дарит Инанне более ста божественных законов. Та принимает их с великой радостью и поспешно уплывает на небесной ладье. Когда Энки протрезвел, то увидел, что законы исчезли из хранилища. Он спрашивает об этом вестника и тот отвечает, что Энки накануне сам подарил их Инанне. Энки горько сожалеет об этом и посылает погоню.

Здесь мы видим точное описание алкоголизма: безудержное хвастовство, расточительность и полное забвение того, что было, после протрезвления. Даже утренние угрызения совести характерны...

Мифология древнего Ханаана (современной Палестины до прихода туда еврейских племен) доносит до нас ритуальное применение вина. Текст, посвященный магии плодородия, проводит рефреном строки: «Вкушайте от всякой пищи, пейте от влаги любого вина!» Другой текст начинается с описания пира богов: «Они взяли тысячу кувшинов вина, десять тысяч смешали смешли...»

Во многих мифологиях боги то и дело предаются пирам. В этом не только залог их собственного бессмертия, но и плодородия на земле. Подражание богам, жертвы им вином и пивом первоначально служили людям в ритуальных целях.

Древнееврейская мифология приводит свои примеры. Притчи ветхого и нового заветов говорят о виноградной лозе и ветви, виноградной лозе у воды, возделанном винограднике, о дереве виноградном, о злых виноградарях, о превращении воды в вино и так далее.

Магическая замена крови вином дошла до наших дней в христианском обряде причащения (евхаристии), где вкушают хлеб и запивают вином.

Средневековые толкователи библии не могли решить однозначно: злом или благом считать вино и его источник — виноградную лозу. Иудеи считали, что лозу создал бог, но с известной только ему целью. Они полагали, что древо познания добра и зла — и есть виноградная лоза. (Параллель этому мы видим в известном выражении римской эпохи: «Истина — в вине!») Другого мнения придерживались богомилы (секта православия). В богомилском сказании «Видении Варуха» сказано о том, что лозу посадил не господь, а Сатанайл, но после потопа уже с благословенья божьего

ее снова посадил на земле Ной, и потому осуждение с нее снято. Но в память своего происхождения вино превращает в животное того, кто пьет без меры.

Ной, спасшийся от потопа, «родоначальник всех племен и народов», не похищает огня у бога, не приносит знания и ремесла, подобно Прометее греков. Он прославился тем, что открыл применение вина и на радостях напился до бесчувствия. Старшие сыновья, увидев отца голым, отвернувшись, деликатно покрывают его одеждами, а младший Хам открыто смеется над пьяным. Протрезвев, Ной благословляет старших и проклинает младшего сына... Подобная критика пьяных отцов и по сей день кончается примерно тем же...

Мифологии Древней Греции и Рима дошли до нас в относительно полном виде и, пожалуй, наше знание мифологии как таковой ограничивается только Грецией и Римом. Но на их примере мы можем судить о забытых и уничтоженных верованиях других родственных народов, в частности, и русского.

Дионис (Вакх, Бахус) был олицетворением винограда, вина и веселья. Он изображался в венке из виноградных листьев, с кубком вина в руке. Культ его отмечался так называемыми вакханалиями, с неистовыми танцами, музыкой, неумеренным пьянством, с сексуальной свободой. Дионис был окружен менадами — женщинами, одетыми в звериные шкуры, в венках из плюща, с жезлами-тирсами в руках, возбужденными вином и плясками. Обсумевшие пьяные менады разорвали на части великого певца Орфея...

Мозаика на Кипре показывает Диониса на повозке, запряженной двумя пантерами. Рядом — два пьяных человека. Надпись поясняет, что это первые пьяные люди на земле. Дионис — сын Зевса и фиванской царицы Семелы, подобно Осирису и Ною, подарил людям виноградную лозу и научил пить вино. Первого человека, которого он обучил этому, звали Икарый.

Согласно Еврипиду, Дионис — неутомимый весельчак и бродяга — прошел почти весь известный в то время мир. На родине Александра Македонского этот бог почитался особенно рьяно. Вакханалии в его честь здесь проходили буйно. Религиозное действо воспринималось настолько серьезно, что его зачастую возглавляла сама мать Александра. Македоняне видели его и пленительным и страшным одновременно. Этот бог ставил человека перед выбором: или безоговорочно

предаться темной, дурманящей страсти, или познать его уничтожающий гнев. (Ведический бог Индра ставил перед людьми такую же дилемму: или пей Сому, или будешь утоплен в реке, вышедшей в гневе из берегов).

Нису, где Дионис якобы провел детство, искали в различных уголках земли, повсюду, где росли виноград и плющ, а название страны сопоставлялось с его именем. Александр Македонский, последовательно возводя в культ Персея и Геракла — своих «предков», на границе с Индией неожиданно обнаружил местечко, название которого было созвучно со словом «Ниса». Он тут же повелел: считать этот город основанным Дионисом и даже более того: объявил, что этот бог когда-то победоносно прошел через всю Индию. Македонянам было приказано «состязаться» с Дионисом и повторить его путь. Царь удалился из Нисы в окружающие лесистые горы и гимнами, зеленым плющом и пышным пиром воздал почести Дионису — своему очередному «предку». В этом виделся свой смысл: войско устало в непрерывных битвах, и вторжение в незнаемую страну требовало «идеологической обработки», чтобы божественным авторитетом подкрепить власть царя. Это сыграло свою роль при штурме крепости асакенов, расположенной в петле Инда. Крепость была взята.

Элевсинские мистерии в честь Деметры, Персефоны и Диониса, проводившиеся в городе Элевсине, были общегосударственным афинским праздником. Коллективное изменение сознания с помощью вина, пляски, музыки и сексуальной свободы, позднее названное языческим и непотребным, пройдет через века в виде римских сатурналий, средневековых карнавалов Европы, славянских мистерий в честь Купалы, современных карнавалов Кубы, Бразилии и других стран, а также «балдежа» и «кейфования» наших современников под громкую музыку, в мелькании цветных бликов, в темной и теплой полутьме «злачных мест»... Бог умер, и могилу Диониса показывают в Дельфах, но первобытная недобрая мощь его по-прежнему довлеет над миром...

По сравнению с мифами Египта и Шумера поэмы Гомера сравнительно молоды, считается, что они записаны в VIII веке до нашей эры. К этому времени в Греции уже происходит размывание границ ритуаль-

ного применения вина, оно становится «демократическим» напитком, ведь от времен общиндоевропейского единства прошло много веков, но отголоски более древних запретов доносятся достаточно ясно. Жертвоприношение богам носило весьма материальный, первобытный характер. Если в христианстве жертву богу приносят символической свечой, а в некоторых восточных культах — ароматом курительных палочек и цветов, то греки сжигали быков, баранов и совершали возлияния вином, полагая, что дым от сгоревшего мяса и пар от пролитого вина воплотится на Олимпе в первоначальном виде. По всей видимости, это мыслилось, как транспортировка материи из бытия мира людей в бытие мира богов с помощью дематериализации ее, превращения в бестелесную форму. Собственно говоря, свет от свечи и аромат от горящих палочек — лишь более утонченная форма перехода материи в иное, нематериальное состояние.

Жертвоприношение у греков понималось — как совместная трапеза богов и людей. Причем оно совершалось не только для богов, но и для умерших людей. Вино и мясо были основными формами жертвы (как и у средневековых китайцев и некоторых народов Южной Сибири). Эпитет «пурпуровый», характерный у Гомера для вина, переносится также и на напиток богов — нектар, что лишнее раз выражает позднюю замену древней индоевропейской Сомы вином. Тантал, сын Зевса, царь Спиды, был жестоко наказан богами именно за то, что воровал у них нектар и амброзию. Это явный отголосок тех времен, когда Сомо-нектар была напитком избранных — богов и жрецов, дающая им, и только им, бессмертие, запретное для простых смертных.

Герои Гомера при клятве верности соединяли руки и совершали возлияние — проливали часть вина на землю — магически заменяли кровь вином. У многих народов до недавнего времени побратимство и клятва верности сопровождалась смешиванием крови, договоры и страстные признания в любви тоже писались кровью. Сожжение трупов в Греции было обычным, как и у других индоевропейских народов до принятия христианства, а у индийцев сохранилось до сих пор. Причем сожжение сопровождалось жертвоприношением. Так, при сожжении трупа Гектора:

..Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Все, где огонь разливался пылающий...

В другом месте «Илиады» об этом сказано более ясно:

Но и богов — приношением жертвы, обетом смиренным,
Вин возлияньем и дымом курений смягчает и гневных...

Олимпийские боги часто пировали, сопровождая пиры обильным питьем нектара. Подражая богам, пировали и люди. (Собственно говоря, боги пировали, «подражая» людям, но эта логическая перестановка причины и следствия обычна для мышления). Именно в этом магическом уподоблении богам — зеркальном отражении мира ирреального в реальном — и заключался первоначальный смысл совместных пиров, забытый уже в эпоху Гомера и тем более в наше время. Угощение вином и сдой стало жестом гостеприимства, а совместная трапеза воспринимается как символ единения людей. В этом, вторичном, смысле и стоит понимать такие строки «Илиады»:

И вот Агамемнон предлагает Мернону:
— Идомений, тебя средь сонма героев ахейских
Чествую выше я всех, как в боях и деяниях прочих,
Так и на празднествах наших, когда благородным данаям
К пиру почетного чермного чашу вина растворяют;
Где предводители прочие меднодоспехих данаев
Пьют известною мерой, но кубок тебе непрестанно
Полный стоит, как и мне, да пьешь до желанья сердца...

Мы видим, что еще сохранено древнее понятие о том, что вино (Сому) позволено пить только избранным, но «демократизация» уже наступила, и остальным, неизбранным, позволено пить лишь «известною мерой». Для почетных же гостей кубок «полный стоит», из него можно пить «до желанья сердца», как и самому хозяину пира.

Вот еще одна цитата:

Целую ночь кудреглавые мужи ахейцы по стану
Вкруг пировали, а Трой сыны и союзники — в граде...
...Мужин вино проливали из кубков; не смел ни один
Пить, не возлив наперед всемогущему Кронову сыну.

Это воюющие стороны устраивают перемирие и ритуальные пиры, склоняя богов на свою сторону, но пить не смеют, пока не совершат возлияние — жертву Зевсу.

Ритуальное возлияние вина существовало у многих, если не у всех народов. Помните, папуасы разбрызгивают наркотический напиток при своих обрядах? Это

можно видеть и на примере скандинавской мифологии, и китайской, и осетинской в «Нартах», и у язычников Руси. Тризна — сожжение трупа — сопровождалась возлиянием вина и меда обильными жертвами, так же, как в «Илиаде», что говорит не только о древнем родстве различных и далеких сейчас народов, но и об одинаковых законах человеческого мышления.

Берсерки — неистовые викинги, презирающие смерть, входящие в иступленное состояние духа во время битвы, отождествляли себя с богами и верили, что погибший в бою сразу же попадет на пир к Одину. Переход из бытия в иныбытие облегчался этим состоянием иступления — моделью божественного духа, приближением к его постоянной сущности. Согласно Геродоту, скифы — предки героев «Нартов», презирали людей, умерших от болезни или старости, а старик, доживший до седых волос и не погибший в бою, отвергался богами.

Древние славяне, скорее всего, тоже разделяли это первобытное представление. Русская древняя поэзия донесла до нас устойчивое сравнение воинского пыла с опьянением. «Слово о полку Игореве» сравнивает битву со свадебным пиром: «Тут кровавого вина не достало, тут пир докончили храбрые русичи: сватов напояли, а сами полегли за землю Русскую...»

Смертная битва, бой за родную землю воспринимались нашими предками — как человеческое жертвоприношение, угодное богам. Оросить своей кровью родное поле, усеять его костями — означало умереть почетной смертью. Единоборство перед большой битвой было магическим предсказанием исхода боя, приношением в жертву богам не только противника, но и себя. До наших дней дошло это высокое понятие. «Принести себя в жертву», «пожертвовать жизнью» во имя других всегда служило мерилom преданности и любви к родине. Осмысленная жертва ради высокой цели — знак не только доблести, но и залог бессмертия в памяти родичей. Эти языческие понятия не стерлись под тяжким гнетом чуждого русскому народу христианства, не послушались наши предки, да и отцы наши рабского совета подставлять щеку под удар, не смирялись они, жертвуя собой, а дрались до конца за землю русскую, усеивая ее костями и орошая кровью... Благодаря этому мы и живы как народ, и страшно представить, что было бы с нами, если бы христианство, насаждавшее

смирение и отказ от национальной культуры, до конца вошло в кровь и плоть наших предков...

Все это, впрочем,— тема совсем другой книги. Сейчас нам важно понять, как древние языческие представления славян сыграли не только благородную, но и пагубную роль в формировании наших современных взглядов и обычаев, связанных с винопитием...

Законы мышления — общие для всего человечества. Как известно, в этнографии широко применяется метод изучения обычаев современных народов, оставшихся на стадии «первобытности», для экстраполяции в прошлое более развитых цивилизаций. Применим и мы этот метод для нашей узкой темы.

В качестве примеров возьмем обряды пародов Сибири. Правда, они были изучены и записаны в конце прошлого века и в начале нынешнего и наверняка успели подвергнуться влиянию других народов, но все же можно увидеть удивительное сходство с обрядами древних греков времен Гомера.

Так, теленгиты Алтая верили в существование хозяина тайги, в дерево-шаман. Это была ель со сросшейся кроной, которую русские называют ведьминой метлой. Если это дерево срубить, то начинают умирать дети в семье. Чтобы смягчить гнев хозяина тайги, надо принести ему в жертву араку — молочную водку. Тувинцы-тоджинцы также, встретив дерево-шаман, брызгали на него араку, говоря при этом: «Хозяин, дай мне удачу, хорошую добычу, не сделай меня несчастным». Хозяину вод, которого тувинцы представляли в виде женщины, приносили жертву не аракой, а чаем и молоком. Древний магический запрет на священный напиток для женщин и детей прослеживается и здесь.

Алтай-кижи «угощали» покойника на третий, седьмой, сороковой дни после смерти. В течение семи дней ставили для него чашку с жертвой — мясом, чаем, вином. Кумандинцы, похоронив, кропили могилу аракой. Хакасы-качинцы после похорон разводили огонь у головного конца могилы, на широкий камень, лежащий рядом, наливали вино и приговаривали: «Ешь отсюда, пей отсюда». Затем около могилы ели мясо и пили вино. Дома снова пили вино и ели мясо.

Тувинцы-шаманисты на седьмой и сорок девятый дни после смерти общались с умершим через шамана. Он расспрашивал умершего о том, как покойник себя

чувствует, не обижен ли он на кого-либо, а в конце через огонь «угощал» его едой и аракой.

Тофалары клали у ног умершего оружие, утварь, табак и водку...

Как видно, обычаи народов Сибири по своей сути почти не отличаются от воззрений греков гомеровской эпохи. Жертвы богам, духам и душам умерших совершались вином и мясом, а посредником при этом чаще всего служил огонь, переносящий приношение из материального мира в мир иной.

И русские поминки — не что иное, как дожившее до нашего времени первобытное представление о том, что мертвых надо снабдить всем необходимым на трудном пути в иной мир, и задобрить к тому же, чтобы они не вернулись, не забрали с собой кого-либо из живых. После похорон, на третий, девятый и сороковой день русские люди устраивают поминки, где много едят и пьют. Помните такое выражение: «Напиться, как дурак на поминках»? Но, быть может, дурак — это не просто глупец, а отголосок язычества — человек-перевертыш, волхв, связующее звено между миром людей и миром богов?.. Русские люди тоже оставляют жертву покойнику — стакан с водкой, прикрытый куском хлеба. А в родительский день (древнюю радунницу) на кладбище не только сами пьют, считая это обязательным, но и проливают часть спиртного на могилу.

При подведении итогов главы еще раз подчеркнем очень важный факт: применение одуряющих психотропных веществ (в том числе и спиртных напитков) у древних народов и у относительно современных нам первобытных племен всегда носило ритуальный, магический оттенок. Жрецы, маги, колдуны, волхвы для приведения себя в состояние экстаза широко использовали не только психокультуру, пост и самоистязание, но и различные вещества, изменяющие сознание отнюдь не для сомнительного удовольствия, как это делают современные наркоманы и пьяницы, но для вполне определенной прагматической цели: для облегчения перехода «души» на иной этаж мира, для уподобления себя духам и богам, для встречи на «нейтральной полосе» с высшими силами, чтобы испросить у них прощение или милость.

Первоначальное предназначение опиума, гашиша, сока эфедры и, кстати, — табака, было именно таким.

Общность происхождения наркоманий и алкоголизма лишний раз подчеркивает, что в наше время борьба с ними должна быть комплексной, в том числе — и борьба с курением табака.

Глава пятая

ПРИЧИНЫ И ПОВОДЫ

Сейчас много пишут о замещении алкогольных ритуалов безалкогольными. О том, какие трудности ожидают на этом пути, видно хотя бы из рассмотренного выше. Слишком глубокие корни у этих обычаев, уходящие в такую незапамятную древность и в такие устойчивые стереотипы мышления, что вырвать их за короткий срок будет очень тяжело. По крайней мере, надо ясно представить себе, что борьба будет нелегкой.

Не только тысячелетие христианства, но и десятилетия атеизма не выветрили из нас язычества. Вскрыть корни наших обычаев не только интересно и познавательно, на мой взгляд, но и необходимо, чтобы лучше понять самих себя, чтобы найти пути к преодолению вредных ритуалов. Трудно бороться с неизвестным врагом, тяжело драться в темноте, надо узнать недруга как можно лучше, высветить его сильные стороны, найти слабые, уязвимые места.

Давайте попробуем разобраться, что означает обычай чокаться. А ведь это очень стойкий русский обычай. Существует мнение, что он идет из тех времен, когда на пирах опасались отравления и, чтобы уравнивать шансы между жертвой и отравителем, ударяли кубки друг о друга, и вино при этом переливалось из бокала в бокал. Возможно, что это было и так. Но ведь чокаются все, невзирая на длинный стол, уставленный закусками. Все знают, что «чокаться» имеет два значения — прикоснуться со звоном бокалами и — свихнуться, слегка сойти с ума. Трудно судить, что здесь первично, а что вторично. Но, быть может, «чокнуться» можно только после хорошей выпивки, а быть может, наоборот — не чокнувшись, пить нельзя. Надо сначала выполнить ритуал подготовки в иное состояние сознания, иначе будешь наказан духами. Детский стишок «чок-чок, зубы на крючок» — быть может, уце-

левший осколок от магического заговора? В говорах Сибири есть такое слово «чомер» — черт. Не берусь утверждать, что эти слова родственные, но вполне вероятно, что смысловая связь между ними есть: дурак — чокнутый — дух с того света — волхв... К тому же не стоит забывать, что черт — персонаж не славянской мифологии, пришедший к нам из восточных верований, но аналогичный злой дух (упырь?), несомненно, существовал и в дохристианскую эпоху...

А теперь зададим себе простой вопрос: когда люди пьют? Когда выпивка считается чуть ли не обязательной, освященной традицией, а когда справедливо осуждается общественным мнением?

На первый взгляд, причин много, даже слишком, а по общему мнению, пьют без причины только алкоголики. Да и то они стараются найти таковую, любыми силами обосновать свою тягу. Один пьющий даже объяснял свое пристрастие страшным логическим перевертышем: «Пью оттого, что утром голова болит, а выпьешь — становится легче». То есть он считает причиной пьянства не первичный толчок (для него он естествен), а сам запой! Кольцо замыкается, и нет в нем ни начала, ни конца. О настоящих пьяницах мы поговорим позднее, а теперь остановимся на тех, кого пьяницами не считаем.

Родился ребенок, как это дело не обмыть? А дни рождения? А покупка новой вещи, особенно дорогой? Любой праздник? Какой же Новый год без шампанского? Одержали победу — грех не выпить на радостях. Умер близкий человек — надо помянуть и выпить с горя. Потерян смысл жизни, вокруг — пустота, нечем заняться, дурные мысли лезут в голову — надо выпить с тоски. Встретились друзья — как не выпить за встречу. Усталость, холод, легкое недомогание — может, выпить? Плохое настроение — почему бы не поднять его? Очень хорошее настроение — можно бы еще его улучшить... И так далее...

Я нарочно свалил все это в кучу. Помните рассуждение древних греков о незаметном переходе отдельных зерен в кучу? Вот перед вами эта куча — узаконенное традицией пьянство, из которого очень легко шагнуть в подзаборное прозябание. Давайте попробуем рассортировать ее по зернам и, взглядевшись в каждое из них, — найти общие корни.

А сначала разделим на отдельные кучки:

1. На радостях.
2. С горя.
3. От пустоты жизни.
4. Ложные мифы.

Итак, кучка первая — питье на радостях. Редко, кто пьет в одиночку, обычно предпочитают собраться компанией, причем хорошим тоном считается прийти на праздник в нарядной одежде, в чистую убранную комнату, сесть за стол, накрытый красивой скатертью, уставленный вкусной едой, налить хорошее вино в хрустальный бокал, выслушать тост и сообща выпить.

Налицо традиции, обычаи, ритуал, корни которого забыты, но сам он, почти не изменяясь в своей сути, пришел к нам из глубины тысячелетий. Мы уже выяснили, что пир, совместная трапеза считались коллективным жертвоприношением, средством объединения людей в общем действе — принятии пищи и дурманящих напитков, неким выведением среднего среди разрозненных людей, приведением к общему знаменателю их сознания, а отсюда — общий шаг навстречу миру богов, которые постоянно пребывают в поглощении нектара и амброзии — напитка и пищи, дарующих бессмертие и сохранение божественной сущности.

Пир людей — это подражание пиру богов, магический ритуал, признанный свести земной мир и тот свет на нейтральной полосе для переговоров и лучшего взаимопонимания. Пир — это приближение к порогу, за которым начинается неведомый и невидимый мир, управляющий людьми и Вселенной.

И, как уже говорилось выше, — музыка, танцы, флирт, переходящий в сексуальные связи, — все это лишь составные части пира, общего жертвоприношения, коллективного изменения сознания.

Причины пира разнообразны, но все они сводятся к одной — пить на радостях. Даже если трое, скинувшись, пьют из горлышка бутылку за углом после аванса — это тоже остаток ритуала, тоже пир. Так о чем же надо договориться с богами? Что просить у них, когда и так есть повод для радости? Если уже и без того что-то новое пришло из неведомого инобытия в реальный мир: родился ребенок, куплена обнова, построен дом, спущен со стапелей корабль. Ведь это не вымаливание грядущей милости, а утверждение уже полученной.

Итак, первая причина пира — благодарность. Не знающий истинной причины удачи, первобытный человек был склонен считать ее даром высших сил, подарком духов и богов. Проследить обратный путь от следствия к причине не так уж и легко, как это нам кажется. Первобытный охотник надеялся не только на свою силу, но и на везение, и был склонен считать, что оленя ему послали духи в награду за правильное поведение и вкусную жертву. Оттого так сильны запреты, табу, приметы у первобытных племен, что случайное совпадение принималось за закономерность и, возведенное в ранг закона, повторялось и закреплялось сознательно. Ведь даже причина рождения ребенка была непонятна у некоторых племен. При коллективном браке, когда не было индивидуального отцовства, а все дети считались общими, полагали, что женщина беременеет от лая собак, от света луны, от восточного ветра и так далее.

Христианская церковь сохранила этот пережиток в молитвах бездетных женщин о даровании ребенка и в обещании обета. И ведь исполняли обеты, боясь, что бог разгневается и отнимет свой дар. А сколько монастырей и церквей построено в благодарность богу за дарование победы!

Благодарность делается задним числом, после получения дара, но цель все же лукавая: задобрить щедрое божество, чтобы оно не сочло тебя неблагодарным, а то ведь разгневается, отнимет, накажет за жадность, и уж в следующий раз ничего от него не получишь!

Это лукавство настолько живуче, что и среди нас, атеистов, сохранилось в первозданном виде. Только благодарят не духов и богов, а конкретных живых людей. Есть даже специальный термин — «отблагодарить». Принесение дара до исполнения желаемого считается взяткой, а после — совершенно невинной благодарностью. Начиная от вежливого «спасибо», кончая дорогим дефицитом. Но цель-то одна и та же: принести жертву доброму дяде, чтобы он не рассердился, не отнял свой дар и повторил бы в будущем свои щедроты. Натуральный обмен «ты — мне, я — тебе», круг пужных людей, благодарность, граничащая с взяткой, приняли уродливые формы и бороться с этим нелегко. Даже больные на операционном столе умудряются открытым текстом обещать хирургу земные блага при

удачном исходе... Так сказать, материально стимулируют врача...

Коробки конфет, букеты цветов и бутылка шампанского или коньяка стали привычными и почти никого не коробят, не оскорбляют. Подарить бутылку, «поставить пузырь», дать на пол-литра — стало расхожей валютой, универсальной платой и сантехнику, и профессору.

Или вот такая форма пира, как банкет. Точнее, та его разновидность, которую пускают в ход после успешного завершения большого дела. Самый яркий пример, граничащий с взяткой, — это банкет, устроенный новоиспеченным кандидатом или доктором наук. Все — на свои деньги, приглашенные — недавние оппоненты, руководители, нужные люди. Цель его — не только отблагодарить за милость допущения в круг избранных, но и закрепить хорошее отношение к себе, обеспечить покровительство в будущем.

Иная разновидность банкета-пира — в честь юбилея, праздника, завершения общей работы и так далее. Смысл подобного пира почти такой же — отблагодарить судьбу за то, что юбиляр дожил до круглой даты, что построен завод, судно, дом. Периодические праздники, особенно — ежегодно, в своей основе имеют древнее поклонение какому-то богу. В частности, исчезнувшие у нас именны были призваны напомнить святому о существовании его земного тезки и польстить небесному заступнику, чтобы он там, на «дипломатическом приеме у бога», смог замолвить словечко.

Более скромные семейные торжества, как правило, связаны с рождением и появлением чего-то нового, не существовавшего ранее в доме. Наиболее яркий пример — рождение ребенка. С этой даты, каждый год, день в день по календарю, происходит странное действие — приходят гости, приносят подарки и устраивается пир во всех его формах, от самых скромных до пышной. Особенное приращение люди имеют к датам, которые можно разделить на пять, а еще лучше — на десять. Древняя магия чисел так же всепильна в нашем электронном веке, как и тысячелетия назад. На днях рождения и прочих юбилеях пир несет ту же ритуальную окраску — отблагодарить судьбу и закрепить уже достигнутое, чтобы в будущем дары богов были не менее щедрыми, а лучше — более обильными. «С Новым годом, с новым счастьем!» — говорим мы друг другу колдовскую фразу, подсознательно полагая, что произ-

произнесенное слово должно материализоваться из небытия в реальность.

Итак, вторая причина пирса — закрепление. То новое, что появилось в мире людей из мира духов, что воплотилось по милости высших сил, нуждается в закреплении, в прочной привязке, иначе рожденное может уйти назад. В древности и у многих «диких» народов существовали многочисленные и запутанные на наш взгляд магические ритуалы при рождении ребенка. Его надо было охранять от злых духов, склонить к покровительству добрых. Любой ритуал делится на два основных действия: магию поступков и магию слова. И не думайте, что все это исчезло бесследно из нашей жизни. Вот вы в гостях или на банкете. Хозяин или самый уважаемый человек встает, поднимает наполненный бокал и начинает говорить. Он произносит тост. Пришедший к нам с Кавказа обычай предлагает для этой роли специального человека — тамаду. В своей первоначальной основе эта роль принадлежала вождю племени, старейшине, колдуну. Это он осуществлял связь магией слова с миром богов. В метафорической цветистой форме (очень характерной для заклинаний и молитв) он расписывает все мыслимые и немыслимые добродетели юбиляра и желает ему таких невероятных благ, что тост превращается в пышную фантазию. Мы не думаем об истинной сути этого, но искренне считаем, что без тоста пир превращается просто в пьянку. Тост для нас служит оправданием. Но мы, в отличие от древних людей, понимаем его чуть ли не буквально — направленным именно на того человека, о котором говорится. Вот, к примеру, цитата из повести Ап. Макарова «Последний день лета»: «Более всех присутствующих речью тамады был удовлетворен Вовик, не привыкший к застольному красноречию, не искушенный в праведном его лицемерии, он совершенно буквально воспринял каждый тезис тоста. Чего никак нельзя было сказать об Андрее, знавшем цену образности, принятой за обеденным столом».

Все это так в нашем понимании, но цель тостания: он обращен не к людям, а к богам, духам. Вся магия слова держится на том, что произнесенное слово должно материализоваться. Иудейско-христианский бог создал мир с помощью слова. «Вначале было слово», — убеждает нас евангелие. В мифах некоторых народов первозданный человек называет имена еще не

существующих животных, и они тут же возникают из небытия. Тост и паделяет того человека, на которого обращена магия, не только существующими качествами и добродетелями, но и не присущими ему, лишь желательными, с явной целью вызвать их к жизни с помощью слова. Назвать и закрепить, введя в заблуждение богов, выдать желаемое за действительность и, убедив их в этом, добиться материального закрепления невесомого слова. Тамада — это колдун, шаман, начинающий камлание, вступающий на нейтральную полосу между миром людей и миром богов, а магическими средствами служат слово и напиток. Слово — проявитель, напиток — закрепитель желания. В более поздние времена все участники пира одновременно выпивали этот напиток, чтобы общими усилиями повлиять на строптивых духов.

Итак, колдун приближается к миру богов, благодарит их за дар, просит о закреплении его на земле и — по принципу «проси больше, хоть что-то дадут» — спрашивает блага для племени в невероятных размерах. Образно говоря, он входит в инобитие и подталкивает оттуда дар, обрывает его связи с тем миром, отрезает обратный путь. А заодно заговаривает зубы духам.

Ну вот, нашли мы корни одной «кучки» — почему люди пьют на радостях. Как видите, поводы для этого до сих пор считаются уважительными, несмотря на полное забвение истинного смысла пира. И самое печальное, что эти поводы широко используют люди, которых никто не считает пьяницами, а уж они сами себя — никогда! Возможно, что эта подавляющая прослойка «ритуальщиков» является не только постоянным резервом для пополнения алкоголиков, но и, как это ни странно, самым упорным защитником так называемого культурного питья. «Такова традиция», — говорят они, чокаясь бокалом с шампанским, и упорно, изощренно отстаивают свое право на этот бокал. И сами не замечают, как шампанское постепенно меняется на вино, сначала на «хорошее», потом на портвейн, на водку, а лет через десять такого «ритуального стажа» они разливают в подворотне бутылку «чернил» и, чокаясь, говорят друг другу: «Такой уж обычай, после работы — не грех...»

Ступени падения чаще всего пологие, но именно «ритуальное» питье на радостях является стартовой

площадкой для стремительного полета вниз, когда неожиданное горе сломит человека...

Почему человек пьет с горя? Пиров здесь не бывает, исключая поминки — пограничное действо, призванное обеспечить умершему хорошую жизнь на том свете и оградить себя от возвращения в мир людей его духа.

Все это так, но утрата человека всегда невосполнима, особенно для близких, и оттого субъективное чувство горя, тоски, безвозвратной потери естественны и вечны. У многих народов, в том числе у славян (у поляков до X века н. э.), существовал обычай ритуального убийства вдовы, чтобы она и на том свете сопровождала мужа. Убивали лошадей, рабов, домашнюю прислугу, позднее это было заменено на бескровные жертвы, пока они не сузились (у русских) до стакана водки, горстки риса и цветов на могиле. Плач вдов был не только выражением горя по умершему мужу, но и плачем по своей собственной жизни. Если ее и не приносили в жертву, то зачастую она не имела права выйти замуж повторно, а если и имела, то не было возможности. В непрерывных войнах практически всегда существовал перевес женщин над мужчинами. Вся тяжесть одиночества ложилась на плечи вдовы, подчас — до самой смерти.

Основа горя — потеря. Близкого человека, здоровья, смысла жизни, имущества. Не так-то легко «философски» относиться к неизбежной в будущем потере, всегда в нас живет вера в то, что беды нас минуют, что мы не такие, как все, ведь есть же примеры, когда люди безбедно прожили до самой смерти, так отчего бы и нам с вами так не прожить?.. Магия слова снова убаюкивает нас. Мы с интересом читаем бесстрастную статистику чужих бед и смертей, любим фильмы и книги с острым сюжетом, но подсознательно создаем защиту — с нами это не случится! А ведь отлично знаем, что мы такие же люди, как и все, и столь же подвержены любым мыслимым бедам, происходившим с другими людьми. Знаем, что первое место среди смертности от болезней занимают сердечно-сосудистые заболевания, второе — злокачественные опухоли, третье — последствия алкоголизма, но за этими цифрами не видим живых, таких же, как мы, людей, не умеем поставить себя на их место. Вот когда клюнет «жареный петух», тогда другое дело! Сразу же бросаем пить, курить, соблюдаем

режим дня, бегаем по утрам, преодолевая одышку, занимаемся ритмической гимнастикой, аккуратно принимаем лекарства, сушим травы и прочее, прочее. Инстинкт самосохранения активно включается в борьбу за жизнь. А если нет «петуха»? Тогда живем — как привыкли, не замечая, что давно уже идем по дороге, ведущей к болезни и гибели. В том-то и беда наша, что склонны делать уроки только из своих ошибок, а чужие так и остаются чужими.

Но так или иначе, чувство потери, необратимой и невозполнимой — самое тяжелое чувство, подчас доводящее до самоуничтожения. «Жить не хочется» — это не просто метафора, это реальное ощущение бессмысленности своего существования, бесполезности, полной беспросветности и абсурда. Это жуткое ощущение требует избавления, освобождения от него, утolenия боли или хотя бы ее уменьшения.

Потеря может сопровождаться чувством вины, подчас несуществующей. Кажется, что если бы вовремя принял меры, успел бы спасти, предостеречь, помочь, то можно бы отвести беду, а сейчас поздно... Начинаются терзания совести, нашего вечного мучителя и судьбы. Они еще более усугубляют горе, становятся неотвязными, незатихающими. Каждый знает, до какого остервенения доводит зубная боль, не ослабевающая ни на минуту. Готов выполнить любое предписание, самый глупый совет, лишь бы избавиться от нее. А боль души, ощущаемая физически, как тяжелый груз, лежащий под диафрагмой (камень на сердце), не менее неистова, и в отличие от зубной боли, к врачу не пойдешь, ибо обращаться к психиатру считается еще более постыдным, чем к венерологу. Блажен тот, кто не испытал этой муки! Она кажется бесконечной, неторопливое течение времени растягивает ее, и хочется уйти в спячку, в анабоз, забыться, перешагнуть через время, проснуться через год, когда все само собой образуется. Мы верим, даже бессознательно, что лучший врач — время, что наша психика включит механизм забвения и мы постепенно исцелимся. Но сколько ждать этого блаженного дня?! Хочется поторопить время, ускорить лечение, заглушить боль.

Степень горя от потери зависит и от возможности восполнения, возмещения ее или замещения чем-либо иным, адекватным по ценности. Самая страшная потеря, которую ничем нельзя восполнить, смерть близко-

го человека, особенно ребенка, отдается болью до конца дней. Распад привычных связей, в частности, развод, всегда мучителен. Особенно для мужчины, хотя бы он сам настаивал на нем. Развод — это разрез по живому, без наркоза и милосердия. Живьем отрываешь от себя часть души, а взамен остается пустота, наполненная болью и мукой. Дело не только в разбуженной ревности, об этом разговор особый, и не в обидах, чаще всего взаимных. Намного страшнее тот вакуум, что образуется после распада семьи. Не берусь судить о справедливости наших законов, дающих предпочтение женщине (в том числе неписаных, полагающих, что мужчина должен уступить более слабому), согласен также, что ребенку больше нужна мать, согласен и с тем, что мать по природе своей больше привязана к ребенку, чем отец, согласен даже, что женщина лучше воспитает. Но что остается мужчине? Хорошо, если женщина не лишает отца возможности видеть и воспитывать ребенка, хорошо, если мужчина выбивает вовремя клин клином — заводит другую семью... А если этого нет? Если он лишается практически всего, чем жил раньше, лишается надежды на будущее?

Причины разводов разнообразны, и я далек от мысли защищать мужчин и обвинять женщин, но объективная истина упряма — величина потери, невозможной утраты у мужчин всегда больше. Вот он живет в общепитии, привыкший к размеренной семейной жизни, окунается в мир одиночек, разобщенных и разных, ибо если семья выбирается добровольно, то соседи по общепитию подбираются случайно. Это еще большая удача, если попадутся добрые отзывчивые люди, а если пьяницы? Успевшие опуститься, сдаться на поругание злой судьбе, люди? Я твердо убежден, что пьянство — психологически заразная болезнь, врожденный иммунитет к ней очень редок, особенно у мужчин, и рано или поздно от рюмки к рюмке он осужден падать все ниже и ниже... Пустота требует заполнения, боль нуждается в утолении.

А у женщины остается ребенок, боль после развода утоляется любовью к нему, великий инстинкт женщины — забота о другом, побеждает пустоту, к тому же чисто материальные причины, привычка к бережливости, не позволяют женщине тратить деньги на спиртное. Проблема пьющих мужей явно не проста. Несомненно, что часть браков распадается из-за пьянства

мужей. Часто бывает и так, что женщина вступает в брак с уже заболевшим человеком, и лишь наша ужасная неграмотность в этом вопросе приводит к большему и большему распаду и разладу. Бывает и так, что муж начинает пить после свадьбы, причин этому тоже очень много. Наше невежество зачастую приводит к усилению необратимой болезни и к разрыву человеческих связей. И не секрет, что пьянство начинается после развода, для утешения боли. Но лишь тогда, когда не найдено другое средство. Найти иную точку в жизни, провести переоценку ценностей, обрести точку опоры — это путь к спасению, истинному, а не обманчивому и смертоносному, как алкоголь.

В самом себе прежде всего надо найти точку опоры. И в других людях, на которых можно опереться. Сильная личность всегда найдет выход, не унижаясь до «болеутоления» обманчивым вином. Но если человек от рождения слаб волей, разумом, лишен цели, то путь его вниз, к самоуничтожению, трагически определен. Милосердие основано на силе, на понимании другого человека, на умении войти в его душу, ощутить его боль, как свою собственную. Помочь слабому — основа благородства человеческого. Это требует труда, жертв, боли, это нелегко. Не потому ли намного легче оттолкнуть слабого, обиженного, больного, что это не требует усилий?.. Мы часто клеймим пьяниц, но согласитесь, как мало у нас милосердия к ним, желания по-настоящему помочь, даже силой, вопреки их желанию. Мы отталкиваем их, ограждая свой покой от посягательств. Я не призываю быть добреньким к ним, ибо активная доброта не сродни подачке. Не подавать нищему копеечку, а вытащить его из нищеты, не успокаивать свою совесть, а беречь ее постоянно...

А если потеряно здоровье? Хорошо, если есть надежда, пусть обманчивая, на медицину и врачей? А если стал инвалидом, навсегда, без надежды, если знаешь, что болен раком? Никакой протез не заменит живой плоти, никакое лекарство не спасет от рака. Безнадежность — вот центр боли души. Хорошо, если ты сильный духом, если рядом близкие люди, жертвующие собой ради тебя, а если нет?..

Последняя война не только унесла миллионы жизней, но и потом, в дни мира, собирала и собирала свой страшный урожай. Еще мое поколение, выросшее и осознавшее себя более чем за десять лет после конца вой-

ны, помнит инвалидов на самодельных тележках, помнит спившихся, опустившихся калек и бобылей, потерявших на войне всех близких и не павших иной, лучшей судьбы. Война сначала уничтожала физически, потом добивала болью душевной. Семена смерти, брошенные в душу людей, прорастали болью, требовали обильного полива, уничтожение превращалось в самоуничтожение...

Самоубийство бывает разным. Я не говорю о способах, речь не об этом. Но оно может быть мгновенным и растянутым на годы. Водка и вино — тоже яд, только замедленного действия. Это лишь сначала они выступают в роли целителя боли, потом все больше и наглее начинают умерщвлять душу и тело. Веселье пьяницы — страшное веселье, оно похоже на собственные поминки, на пир во время чумы. Вслед за вечерним весельем идет ночное забвение, тяжелый хмельной сон, а утром наваливается тяжесть на отравленную душу. Рука привычно тянется к стакану, чтобы облегчить муку душевной боли, новая порция яда вливается в тело, настроение поднимается, рефлекс закрепляется. Ловушка захлопнулась!

Потом уже не будет подачки в виде хорошего настроения, будет только боль и пустота, смертная тоска, желание забыться и умереть. Напиться до стадии наркоза, заснуть, проснуться и снова напиться! И тупая надежда на чудо, на возвращение того целительного ощущения легкости, которое раньше приходило вслед за стаканом вина. Никаких подачек больше не будет. Человек в западне, приманки убраны, перед ним одна дорога — на кладбище!

Но самое скорбное в том, что окружающие начинают обращать внимание на пьяницу только на этой стадии. Когда он начинает гневаться без причины, когда уходит в запой на несколько дней, когда ему не хочется жить, страшит одиночество, заброшенность и неприкаянность. То есть на той стадии, когда обратить вспять болезнь невозможно, а остановить крайне трудно. Именно тогда больные попадают к наркологу. А это почти то же самое, что пытаться лечить рак на третьей стадии. Еще можно сделать радикальную операцию, но возможно, что она не приведет к успеху, и возможно, что сама операция укоротит жизнь. Нет сомнения, бороться за человека никогда не поздно. Необходимо

драться за него, но вот беда — он сам не признает себя больным, не идет навстречу, упирается что есть сил, так и поровит скатиться ниже, поближе к могиле. Психическая перемена уже произошла, логические перевертыши вступают в силу, черное становится белым, водка — благом, врач — врагом.

Большая часть самоубийств, уже не растянутых на годы, а конкретных, реальных, совершается во время запоев. Обычно в состоянии похмелья, когда чувство вины приводит к жуткой депрессии, к угнетению и настойчивому нежеланию жить. А если и без того существуют причины для горя и тоски, то это ощущение толкает к последнему шагу. Не все самоубийцы являются психическими больными, не все слабаки, и кощунственно презирать их за слабость. Ибо никто не может измерить ту глубину отчаяния и раздражающей душу боли, ту безмерную пустоту, заполнившую жизнь, что по сравнению с этой мукой смерть кажется желанным избавлением.

И ведь именно алкоголь приводит к этой душевной муке, именно он, приходящий на помощь под лицемерной маской спасителя, уводит за собой в могилу отчаявшегося.

Это он отнял сначала весь запас радости, предназначенный на долгое экономное расходование, пропил его, прокутил, сжег, а взамен оставил беспричинную тоску и боль. В том-то и дело, что чаще всего причины для тоски уже нет. Объективно нет. А субъективное, внутреннее ощущение такое, будто произошло огромное горе, в котором виноват ты сам, и невозможно исправить его, и некому помочь. Чтобы заглушить отчаяние, приходится опять прибегать к прежнему средству. Кольцо замыкается...

Но не забывайте о простой вещи: человек, не приученный к спиртному, никогда и не прибегнет к нему, как к обезболивающему лекарству. Он постарается изменить реальность. А вот для пьяницы, хотя он себя таковым не считает, подсказка всегда найдется — пойти в магазин и надраться до чертиков. Лживая логика больного сознания, ложные мотивы поступков раскручивают цепь причин и следствий по искаженной спирали. Подсознательное желание сводится к одному — уйти от реальности, отстраниться от радикальных решений, изменить не окружающий мир, как источник

страданий, а свое сознание, чтобы не так остро воспринимать это страдание.

Желание забыться, уйти как можно дальше от реальности, заснуть и не чувствовать, не видеть, не слышать — это опасные симптомы психического расстройства. Начинается замещение инстинкта самосохранения стремлением к самоуничтожению, еще не осознанным, не названным по имени, по растянутым и растущим день ото дня, от выпивки к выпивке.

Пережить мертвый сезон, перешагнуть время — это не только психический атавизм, оставшийся нам от животных, но и обостренное чувство самосохранения, переходящее в свою противоположность. Вот стихи С. Кирсанова, написанные во время болезни:

Хоть бы эту зиму выжить,
пережить хотя бы год.
под наркозом, что ли, выждать
свист и вой непогод.
А очнуться в первых грозах,
в первых яблонь дыму,
в первых присланных мимозах
из совхоза в Крыму...

Уходить в спячку при неблагоприятных условиях умеют не только животные, но и люди. Разница лишь в том, что животные переживают смертоносную полосу переменчивого внешнего мира. А люди — столь же смертельную зону психических перегрузок. Защитные «механизмы» выключают эмоциональные «датчики и анализаторы», воля к сопротивлению перерождается в непреодолимое желание бежать или, наоборот, — затаиться, замереть, зарыть голову в песок. Наши реакции при этом почти не отличаются от поведения различных животных при опасности. Они или активно вступают в борьбу, или спасаются бегством, или затаиваются, стараясь стать незаметными. Человек не только последняя ступенька эволюции, но и «животное синтетическое», вобравшее в себя много явных и скрытых черт своих предшественников.

Сильная личность начнет искать выход, активно преодолевать трудности, рискуя жизнью, поставит перед собой альтернативу, древнюю, как сам человек: свобода или смерть.

Человек с другим складом психики постарается спастись бегством. И не только буквально, физически, но и в переносном смысле — психически, социально.

И еще один тип реакции на опасность — смириться, раствориться, приспособиться к окружающей среде, переждать время.

История знает многочисленные примеры подобных реакций не только для отдельных людей, но и для народов, государств. Не всегда побуждает только сильнейший, иногда и слабый, гибкий успевает приспособиться и выжить.

Русь выстояла благодаря бесконечной жертвенности и стойкости. Путь ее — путь сильного. Древний Рим погиб как государство, но сколько народов вобрало в себя его язык, культуру! Древние славянские племена на Дунае растворили в своей крови завоевателей-болгар, сохранили свой язык и лишь чужое имя оставили за собой. А сколько раз захватывали Китай орды кочевников? Он вбирал их в себя, перемалывал, не силой, а слабостью заставлял принять свой язык, свою культуру, свой образ жизни.

И лишь один путь губителен и упирается в тупик, откуда нет выхода. Это — самонзоляция, бегство, ведущее к упадку и вырождению. Мы не знаем причин, из-за которых племена людей из Азии переселились в Австралию. Но знаем печальный результат — они так и остались на уровне каменного века, оставшись без благотворного культурного обмена.

Так вот, бегство внутрь себя, поиск спасения в изоляции, забвении, сне, почти всегда приводит к гибели скорее, чем активная борьба или попытка измениться. Каждый из нас, сам об этом не подозревая, повторяет модели поведения, возникшие на Земле миллионы лет назад. Самоустрашение от жизни социальной легко переходит в физическое самоуничтожение. Ломка жизни, утрата ценностей, потеря смысла и цели может привести к подобному. Воля к сопротивлению сломлена, эмоции подавлены, тайный и всесильный раб поднимается из глубины души и захватывает ключевые позиции.

Очень точно, в одной фразе выразил подобное состояние души писатель Ан. Ким в одном из рассказов: «По утрам мне не хочется просыпаться, вечером хочется скорее уснуть, махнуть на все рукою...» Это — опасный симптом, ведущий или к временному уходу от жизни, чтобы переоценить старые ценности и, набравшись сил, снова включиться в активную борьбу, или — к неумолимой гибели.

Мы привыкли оценивать глубину катастрофы по ее масштабности, размаху, по тому, как она захватывает тысячи и миллионы людей, лишая их одновременно былых ценностей и надежды на ожидаемое будущее. Все это так. Но и в мирное время «микркатастрофы» личности, незаметные на общем фоне, достигают такой субъективно ощущаемой боли, подводят к такой бездонной пропасти, что удержаться на краю невероятно трудно. Поймите меня правильно, по все же, когда вокруг сотни и тысячи подобных тебе собратьев по несчастью, боль не столь остра — ты не один в беде, все вместе пытаются преодолеть ее. Но если вокруг (хотя бы внешне) — благополучно живущие, довольные собой люди, когда тебе кажется, что все отвернулись, все заняты собой и до тебя нет никому дела — все это невыносимо тяжело.

Вот тут-то и начинается «естественный отбор». Судьба проверяет тебя на излом, на разрыв, на устойчивость к вибрации, на потопляемость. Истина жесткая, но придумана не мной: сильный выживет, закаленный и умудренный страданиями, он станет добрее и терпимее к другим людям. Слабый или погибнет, или сломается, сделается «негодным для дальнейшего употребления», озлобится, сделает неверные выводы своим слабым умом, возненавидит всех людей и будет мстить им без разбора, подло и неустанно. Разделение людей на эти две категории, конечно же, весьма условно. Вариантов «выживания» бесконечно много и каждый из них неповторим.

Но один из вариантов, точнее — группа их, смыкается с темой нашей книги вплотную. Это поиск «обезболивающего» средства, ловушка для слабых, иллюзорная дорога, похожая на мираж.

Сразу же подчеркну две вещи. Первая: прибегание к спиртному в качестве обезболивающего душу лекарства резко отличается от ритуального применения вина на радостях. Никаких магических корней искать здесь не стоит. И вторая — искать спасения в стакане с вином будет лишь тот, кто уже приучен к нему, у кого сформировался рефлекс — выпивка поднимает настроение и заставляет забыть дурное.

Если горе сломало до привыкания к спиртному, то человек будет искать другой выход, правда, он не всегда встанет на путь сопротивления и борьбы, ибо существует много других ловушек и тупиков. И самый

печальный из них — спастись в бегстве. Уйти в себя, сосредоточиться на своих переживаниях, брезгливо поизвеличить себя и очернить других — это путь слабого, дорога раба.

Давно вошел в употребление английский термин — «эскапизм», бегство. Формы этого бегства бесчисленны, от паркомании до открытого террора, но основа почти всегда одна и та же: неумение и нежелание жить в гармонии с миром, с людьми, не изменять общество и себя вместе с ним, а отстраниться, бежать, по пути уничтожая всех и все.

Можно искать спасения даже в любви, вернее, в той ее разновидности, не задевающей душу, что принято называть развратом. Любовная страсть, как одно из сильнейших данных природой средств изменения сознания, как ни странно, смыкается с пьянством. Зачастую в бытовом смысле они и идут рука об руку, ибо алкоголь на первых порах усиливает половое влечение, притупляет моральные запреты, усыпляя социальное начало в человеке и возбуждая биологическое.

Отделение пьянства от магических древних ритуалов аналогично выделению эротики из процесса размножения.

Исключая обезьян и нас с вами, как их потомков, нет иных животных, отделяющих средство от цели: сексуальное чувство от необходимости размножения. Эротика сознательно выплескивает вместе с водой ребенка, если хотите — в буквальном смысле. Награда, схожая с приманкой, данная нам природой авансом за будущие муки деторождения и воспитания, нарочито и весьма ловко выкрадывается нами из мышеловки. Взять у природы и не дать ничего взамен — наша неизбывная забота. Оттого и бывает так много трагедий, особенно женских, что не успевают вовремя убежать из захлопнувшейся ловушки. Природа мудра и неотвратима...

Впасть в духовную спячку, смотреть на мир сквозь мутное бутылочное стекло — это извращенный способ защиты от трудностей. С любой точки зрения это деяние абсурдно и ведет в тупик. Но подчеркну еще раз — чтобы регулярно прибегать к этому средству, нужно сначала привыкнуть к нему. А пути привыкания таятся в наших ритуалах и мифах. Особенно в одном: «Какой же ты мужик, если маленько не выпьешь!» Кто из нас не слышал этой классической фразы провокатора?

И как ни странно, она исходит не только от собутыльников, а от женщин, даже от жен! Дремучее невежество сначала способствует привыканию мужчин к спиртному, а потом так же жестоко отталкивает заболевших от себя.

Ситуация сложилась такая, что впору применить фразу, сказанную хулителям распутницы: «Кто без греха, брось первым камень!» Вряд ли найдется кто-то, не скованный религиозными запретами, кто бы не попробовал вкуса вина, шампанского или пива к двадцати годам. Пьянство — болезнь постепенная, коварная, развивающаяся под сотней невинных масок. Именно ритуалы, пришедшие к нам из первобытной дикости, дают первый толчок.

Магические ритуалы и первобытные табу до последней поры защищали женщин и детей от пьянства. Неписанный моральный закон не одобрял, когда женщина тянулась к рюмке. Вспомните папуасов, не ведающих о своей мудрости, но запрещающих употребление наркотических напитков женщинам и детям. Явно ошибочно объяснять подобные запреты с нашей, современной точки зрения. Пытаются объяснить это рационально: мол, женщина, — хранительница так называемого очага, родовой памяти и прочее, прочее. Пожалуй, дело не только в этом. Мужчины присвоили себе функцию общения с духами и тщательно охраняли свою привилегию от женщин, считающихся «нечистыми» для этого общения, способных оскорбить высоких духов.

Всеобщая эмансипация, увеличение доли городского населения в последние годы, забвение магических запретов древности, еще хранимых неосознанно в деревне, привело к тому, что женщина вырвала из рук мужчины не только брюки и короткую стрижку, не только руководящие социальные роли, по и рюмку с вином, и сигарету, и сексуальную инициативу. И что греха таить, часто она, «хранительница», толкает мужчину на первый роковой шаг. Наивные девушки не только считают слабаком и рохлей непьющего юношу и отдают предпочтение «настоящему мужчине», умеющему выпить бутылку, но и сами полагают за необходимость «пропустить по маленькой» и закусить сигаретным дымом, особенно если это входит в ритуал общения — в уютном баре, под модную музыку, в часы отдыха.

Горько писать об этом, но вкус правды не всегда

сладок. Почва для возможного падения в пропасть готовится в невинные времена студенческих пирушек и домашних торжеств. А дальше пути могут быть самыми разными. Но никто и никогда не сможет вычислить грань перехода ритуального бокала в болезнь. Никто не гарантирован от этого! Преодолеть границу между привычкой и болезнью можно в любом возрасте. И это практически не зависит ни от исходного здоровья, ни от общего количества спиртного, ни от пережитых страданий.

Залить горе вином, завить горе веревочкой, «залить бельма» — это не только путь слабого, но уже продолжение начатого пути со все увеличивающейся скоростью. Стремление к самоубийству, к стиранию себя с лица земли возможно только на удобренной, подготовленной почве. Разлом в душе лишь резко усиливает стремление облегчить муку привычным зельем, прибегнуть к наркозу, к обезболиванию.

Нас учат с детства помогать слабым, жалеть обиженных, защищать оскорбленных. Это чудесные качества, но как часто они остаются лишь на страницах книг и на экранах телевизоров. Быть читателем и зрителем не так уж и трудно, чужая жизнь, выданная за реальность — где-то там, вдалеке, до нее ни дотронуться, ни вмешаться. Потребление искусства и литературы подчас сводится к подглядыванию в замочную скважину, к нездоровому интересу к чужой жизни. Мы редко делаем выводы из прочитанного и увиденного, «жареный петух» клюет кого-то другого, придуманного...

Намного легче и безопаснее «болеть» перед экраном телевизора за футбольную команду, чем самому выйти на поле. Легче гневно осуждать пьяниц и прогульщиков, чем вмешаться в их жизнь, помочь делом, подтолкнуть к верной тропе, заслонить от пропасти. Не слишком ли много болельщиков, пинавших мяч разве что в розовом детстве, но знающих назубок имена игроков и шансы команд на победу и поражение?..

Не всегда боль души является пусковым механизмом медленного самоубийства. Бывает и так, что боль была и ушла, бывает и так, что вообще ничего нет — ни радости, ни горя, день идет за днем, год за годом, привычные заботы не тяготят, налаженный быт и ра-

бота сменяют друг друга, будни идут за буднями, впереди, в обозримом будущем — такая же чередка дней и ночей. Пусто... Знакомая картина?

В общем-то все нормально, стабильно, дети подрастают, жена верная и спокойная, в доме все есть, не хуже, чем у других, хорошая работа, неплохой достаток, если поднатужиться — можно купить машину, построить дачу, летом — на юг... Это — лучший вариант.

Все есть, но чего-то не хватает. Сам не знаешь — чего. Может, мебель сменить? Сменил, поразовался с месяцем внешней новизны, потом то же самое. Может, хобби завести? Тоже нетрудно. Что там собирают люди? Яркие бумажки с зубцами, маленькие картонки с репродукциями картин, круглые кусочки меди с гербами и цифрами... Начал, увлекся, потом и это надоело.

Однообразие раздражает, быт заедает, хочется нового, красивого, необычного. Ждешь не дожدهшься выходных дней, — можно пойти на рыбалку, в свой сад — сменить работу на других работой на себя; ждешь отпуска, копишь деньги и вот — вырываешься в иной мир. Другой климат, иные люди, такие же, как ты, вырвавшиеся из будней, из плена и рабства. Море, солнце, легкость знакомств, тело наливается силой, душа рвется к радости. И снова — привычные стены, знакомый путь на работу, надоевшие лица, голоса, слова, которые можно предсказать с большой точностью... Хочется праздника, хочется изменить взгляд на мир, повернуть его под иным углом, радостным и беспечальным.

Есть и худшие варианты, когда жизнь, на твой взгляд, вообще не ладится, то, о чем мечтал — не сбывается и явно уже не сбудется. Талантами судьба не наградила, кажется, что тебя обижают, обходят, затирают, жена изменяет, дети грубят, голова лысеет, впереди — болезни, смерть... Тоска.

Русский язык богат оттенками этого состояния души. Грусть, печаль, уныние, кручина, скука, тоска, горе и т. д. Все это не синонимы, а тонкие обозначения разных, хотя и близких состояний души.

И вот, уже приобретен рефлекс за годы приобщения к ритуалам. Ты знаешь, что, выпив вина, сердце возвеселится, речь потечет раскованнее, люди станут ближе и понятнее, пустота в душе наполнится радостью... Сначала ждешь праздника, потом сам идешь ему навстречу, торопишь, ищешь повода... Стоп! Оче-

редная ловушка захлопнулась. Ты не один, вокруг тебя всегда найдутся такие же люди, страдающие от пустоты жизни, не умеющие заполнить ее ни любовью, ни стремлением к цели, ни творчеством, к которому они не способны, ни трудом, который их тяготит. Емкое русское слово «субутильники» обрастает плотью. А дальше — вопрос времени, ибо алкоголь — это не морфий, не героин — расплата растягивается на годы, возмездие приходит постепенно, незаметно, ты успеваешь привыкнуть к плавному изменению в психике, оно кажется тебе обычным, естественным, уже не хватает стакана вина, уже и бутылки мало, уже предпочитаешь водку, ибо она сильнее «шибает», уже одного дня выпивки мало, утром чувствуешь разбитость и с новой силой нахлынувшую тоску, надо снова влить в себя малую толику спиртного, уже и субутильники не нужны... И все это считаешь естественным и нормальным, и только иногда, мучаясь по утрам, видишь годы, наступающую старость и с печалью думаешь, что в юности было не так, сил было побольше, выпить мог больше и утром встать здоровым. А пьешь ты, мол, так же, как и все люди... Ложные защитные мифы, созданные болезнью, вступают в роль адвокатов, усыпителей совести.

Пить от пустоты сердца и души становится обыденностью, и бороться с этим можно только путем замещения пустоты чем-либо цепным и безвредным. Совершенно справедливым представляется в качестве социального противодействия пьянству развертывание систем замещения: развитие спорта, мер по укреплению семьи, создание клубов, обществ, поощрение инициативы, безобидного собирательства всяких пустяков, вроде марок и этикеток и прочее...

Множество бытовых мифов окружают нас в повседневной жизни, одни из них умирают, другие рождаются, становятся на время широко распространенными и приобретают характер аксиом и неписаных законов. Зачастую они становятся модными. Явление моды неоднозначно и захватывает самые различные уровни жизни. Модной может быть не только одежда, но и музыка, артисты, философские учения, лекарства, идеи, обычаи, слова, нормы поведения, даже болезни. На протяжении не столь уж долгого периода времени мы были свидетелями восхождения на пьедестал моды и последующего исчезновения таких тем для «светского

разговора», как телепатия, Бермудский треугольник, летающие тарелки, снежный человек. Давно привыкли к полетам космонавтов, но все еще склонны преувеличивать значение сауны или, скажем, лекарственных трав. Все еще довлеет над многими не слишком-то обоснованное мнение о том, что все лекарства — это отравы, «химия», а вот настои из травок или мумие — и мертвого поднимут...

Примерно ту же природу имеют мифы, связанные с алкоголем. Причем они очень живучи и, как любое явление моды, основаны на иллюзиях, опираясь то на негласный авторитет народного обычая, то на суждение «все так делают». Нельзя недооценивать это явление массовой психологической «инфекции» и даже более того — надо использовать его в качестве союзника в борьбе с пьянством. Переворот системы ценностей на другой знак может быть сильным оружием. Если сигарета и бокал вина станут непрестижными, немодными, то многие, особенно молодежь, чуткая к моде, задумаются, стоит ли начинать пить и курить.

Есть такой распространенный миф о том, что спиртные напитки разделяются на хорошие и плохие, благородные и «плебейские». Мол, дешевый портвейн, «чернила», пить нехорошо, а тот же португальский портвейн в красивой бутылке с яркой этикеткой — престижно и достойно. Пижоны не прочь выпить хитроумный коктейль под вычурным названием, а смесь водки и вина брезгливо отвергнут, назвав ее «ершом», если ее предложат в подворотне. Нас ловят, как глупую рыбу на красивую блесну!

Мудрые виноделы и торговцы давно уяснили слабое место людей — тщеславие и легкомысленность. Силовую вонь называют «букетом», пагубный блеск вина — «солнцем в бокале», идиотизм — «истиной в вине». Нарисовав красивую этикетку и украсив ее рисованными медалями, назначат такую ни с чем не сопоставимую цену, что покупатель невольно проникнется уважением к пойлу и выложит кровные денежки. Магия слова всесильна, когда дремлет разум! Химическая формула спирта и смертоносное действие его не изменится от упаковки, и бешеная стоимость «шкарного» коньяка «Камю» взвинчена только по нашей с вами глупости!

Или есть такое мнение, что полезно выпить «с устатка». Пришел с работы, уставший, раздраженный,

опрокинул грамм сто — и все, мол, прошло... А ведь на самом деле, любой из нас, если критически осмыслит свои ощущения при этом, легко поймет, что алкоголь не снимает напряжения, а лишь маскирует его эйфорией, преходящей и обманчивой. Усталость снять может только отдых, разрешить проблемы могут только активные действия, а не уход в свой черепаший панцирь.

«Выпить для сугрева» — тоже считается уважительной причиной. Но и здесь субъективное ощущение тепла, вызванное расширением подкожных сосудов, обманывает человека, а в действительности тело активно отдаст свои запасы тепла, не получая ничего взамен. А если еще и выпить на морозе, то легко представить, чем все это может закончиться. Настоящий сибиряк или северянин никогда не прибегнет к этой самоубийственной уловке.

Еще не так давно среди врачей существовало мнение, подтвержденное авторитетами, что вино может служить в лечебных целях. В Англии родилось даже направление в медицине, названное по имени автора этой теории броунизмом. Система Броуна давным-давно исчезла из употребления, как и многие другие методы в медицине, например, кровопускание. Но в народе стойко держится мнение о том, что при начавшейся простуде полезно выпить водки с перцем. Вера в этот метод «лечения» основана на том же психологическом эффекте, как и вера в вещие сны. Если один — из сотни — другой снов сбудется, мы сразу же выделим его и запомним. А остальные сны, не вещие — забудем. Так и при болезни. Если организм вопреки нашей медвежьей услуге справится с болезнью, то мы припишем исцеление действию алкоголя. Если он не поможет, то легко забудем и все свалим на коварную хворь. Начавшаяся болезнь мобилизует силы организма на борьбу, а мы тут же ослабляем его порцией яда. Выпить при этом — значит предать своего верного слугу и хозяина — наш организм.

И еще один миф — выпить для аппетита. Даже есть такой вид панитка — аперитив, содержащий полынь. Действительно, горечь полыни усиливает выделение соков, улучшая пищеварение. Но при чем здесь алкоголь? Ибо если вначале спирт раздражает слизистую желудка, заставляя ее защищаться от агрессии выделением желудочного сока, то после это легко может

перейти в хроническое воспаление — в гастрит, а потом и в язву, в рак...

Но вот еще один «узаконенный» повод, настолько распространенный, что искоренять его намного труднее, чем иные причины для выпивки. Это встреча друзей, приятелей, родственников. По всей видимости, этот повод можно отнести к ритуальному, позднее обросшему мифами. Обычай побратимства, как мы знаем, сопровождался взаимными жертвами, сначала кровью, потом вином и мясом. Осколок ритуального пира диктует нам привести себя в одинаковое психическое состояние. Иллюзия единства, вызванная одинаковым безумием, уравнивает людей, приводит их психику к единому среднему. Языки развязываются, души распахиваются, взаимная индукция раскрепощает. Но если вдуматься, то никаких разумных контактов не происходит. Вслушайтесь в разобщенный гул голосов в такой компании. Каждый говорит свой монолог, никто никого не слушает, не понимает, никому не сочувствует. Алкогольная эйфория, близкая стадии возбуждения при наркозе, создает обманчивое веселье. Разумное общение просто невозможно. И ведь сами участники пира наутро говорят друг другу: «Мало ли что не скажешь спьяну!» Недаром столь невыносимо для пьяных присутствие на пиру трезвого человека. Да и трезвому среди пьяных неуютно. И все же какое чувство превосходства возникает у него, непьющего!

Один из самых опасных мифов, идущий из глубины тысячелетий, — это утверждение, что здоровый человек может много выпить — и не опьянеть. Вспомните главу, где говорилось о магическом зеленом вине. Герои былин и сказок выпивают по несколько ведер напитка и обретают невиданную мощь. Перенос функции зеленого вина на обычное вино сослужил дурную службу. Остатки магических ритуалов, представления о «божьем суде» живы до сих пор. Даже образованные, неглупые люди мыслят в этом вопросе древними категориями. Кто из нас не читал, не слышал, а то и не видел сам, как возникают споры, совершенно абсурдные на первый взгляд, — кто больше выпьет? Это не просто безумие, рожденное лихостью русского человека. Это — магическое представление о духовной мощи волхва, получающего силу у предков, у всемогущих духов. Это — «божий суд», позволяющий отделить ложь от правды, преступника от невинного. Африканский кол-

дун дает выпить ядовитый настой подозреваемым в преступлении. Считается, что невиновный останется жить, а преступник умрет. Обычно преступник, непреклонно верящий в правоту этого метода, рассказывался еще до своей смерти. Вполне возможно, что чаша с цикутой, данная Сократу,—тоже отголосок древних, уже позабытых греками, ритуалов. В Древнем Риме существовала так называемая децимация — войско, обвиненное в трусости, выстраивалось и каждый десятый, независимо от своей личной вины или невиновности, предавался казни. В монгольском войске тоже был в ходу подобный жестокий обряд. И даже более того — он дожил до нашего века.

Ритуальное самоубийство — не пустое сочетание слов. Добровольное принесение себя в жертву (буквальное, физическое) часто встречается не только в мировом фольклоре, но и в летописной истории. И зачастую перед человеческим жертвоприношением жертву поили дурманящими напитками, чтобы ее сознание сблизилось с миром духов, а не только для облегчения смертного ужаса. Так поступали жрецы майя — поили жертву соком кактуса-галлюциногена. Так поступали древние чукчи — в голодные месяцы они съедали своих стариков, добровольно согласившихся отдать свои жизни (и тело!) ради спасения племени. Они тоже поили их дурманящим напитком из грибов.

Смерть от опоя в наше время несет подчас иную социальную окраску. Как современную легенду можно услышать и сейчас о ком-либо, оставшемся в живых после выпивания на спор трех бутылок водки.

Позднее, когда мы станем разбирать клинику алкоголизма, то более подробно остановимся на этом опасном симптоме — повышении так называемой толерантности к алкоголю. Но скажу сразу же, пока без доказательств — тот, кто много пьет и не пьянеет, — отнюдь не здоровый человек, а совсем наоборот — твердо перешедший в первую стадию алкоголизма, болезнь хроническую и почти необратимую. Утрата рвотного рефлекса — порог болезни, которую можно лишь остановить, но не обратить вспять.

Приобщение людей к алкогольному бескультурию начинается именно с этих ложных мифов, узаконенных традицией, неведь когда придуманных норм поведения. В непьющей семье чаще всего и вырастают непьющие дети. Но «дурная компания» может за отно-

сительно короткое время разрушить воспитание в семье, посредством «психологической инфекции», индукции, стремления подражать, быть не хуже других, не выделяться из среды.

Помните школьную физику? В перенасыщенный раствор соли опускают крошечный кристаллик, и тут же он начинает расти, захватывая окружающее пространство в своем росте. Подобный центр кристаллизации во всей своей реальности существует и в микросоциальных группах людей. Достаточно гласному или скрытому лидеру такой группы возвести в эталон мужской доблести и чести беспробудное пьянство, как постепенно окружающие, человек за человеком погружаются в бессмысленную трясину. Не у каждого хватает силы противостоять «кристаллизации», отнюдь не каждый осведомлен о пагубности и коварстве медленного и неотвратимого падения, обычно кажется, что всегда есть время остановиться, оборвать в любой момент начавшееся влечение к спиртному, выйти сухим из воды. Увы! Это всего лишь одна из наших вечных иллюзий...

Подобный «лидер» не всегда осознанно толкает окружающих на путь пьянства. Чаще всего он просто не может пить один, ибо стойкий миф о том, что в одиночку пьют только алкоголики, накладывает свой запрет. Если он нуждается в утреннем опохмелении, то ему кажется, что все остальные болеют, а остальные полагают, что раз так делает лидер, то уж им и подавно надо... Кольцо замыкается. Но все же в самой сути болезни скрывается желание заразить других, не быть белой вороной, окружить себя такими же, чтобы не так остро мучила совесть за свою неполноценность. Психологический механизм при этом разительно напоминает ситуации из детективных романов, пришедшие туда из реальной жизни. Шайка отпетых преступников принуждает повичка пойти на «мокрое дело», чтобы он не «оставался чистеньким», чтобы и он был связан с ними общей кровью и грязью... Или как втягивают подростков в преступление? Кормят, поят, дарят разные вещи, дают деньги, а потом заставляют оплачивать долг, вынуждают украсть, ограбить... Иногда слабый и ничтожный человек, заразившийся по своему недомыслию венерической болезнью, начинает сознательно «мстить» всем людям, стараясь заразить как можно больше здоровых. Увы, приходится учитывать и подобное...

Но ведь такая же нетерпимость к «чистеньким» встречается и в нашей обыденной жизни. Вот вы в гостях, на шумной свадьбе. Попробуйте налить себе в бокал лимонада... Думаю, что каждый ответит, какие реплики и протесты придется ему выслушать тут же. Происходит удивительный парадокс! Здоровый и мудрый человек оказывается ненормальным среди пьющих. У Г. Уэллса есть рассказ «Страна слепых». Нормальный человек попадает в замкнутую долину, где живут слепые люди. Они не ведают о том, что мир можно воспринимать иначе, чем они, считают здорового человека уродом и хотят ослепить его. Это лишь поговорка «В королевстве слепых и кривой король» успокаивает нас надуманной ложью, на самом деле все наоборот...

Вспомните, пожалуйста, об этих простых аналогиях, когда даже лучший ваш друг станет наливать вам стакан вина. Вспомните и встаньте на путь сильного, зрячего — пусть не он заражает вас своей болезнью, а вы его своим здоровьем. Не бойтесь стать белой вороной, намного легче покатиться вниз, чем тащить за собой наверх других. Помните, что только вначале бывает тяжело, потом, когда вы будете не один, стремление к полной трезвости начнет распространяться по принципу цепной реакции. Но кто-то должен начать первым. Непьющие люди, убежденные в своей правоте, всегда ощущают моральное превосходство среди пьющих, подобно чемпиону каратэ среди слабых и неуклюжих людей.

Еще один странный миф об алкоголе говорит о том, что выпивший и пьяный человек очень потешен, что с ним всегда происходят разные комичные истории, которые так приятно рассказывать в компании, как добрый анекдот. Ну вот, например, идет пьяный, качается, никого не трогает, споткнулся и упал с размаху в лужу. Смешно? Увы, как это ниглупо. Или в гостях начинает что-то бормотать, а потом утыкается лицом в салат и засыпает. Вы никогда не слышали, как пьющие люди утром с видимым удовольствием рассказывают подобные истории? Кто сколько выпил накануне, какие шутки отколол, какие хохмы видел?..

В основе любого комического явления лежит несоответствие между привычными нормами и непривычными, между формой и содержанием, ожидаемым и действительным. Проанализируйте любой смешной анек

дот — и вы легко поймете, что природа смеха таится именно в неожиданности. Ну вот, взятый наугад: «Ах, дорогая, у меня, оказывается, муж — пьяница!» — «Что же ты за него замуж вышла?» — «Я не знала об этом, но вчера он явился домой трезвым!»

Или вот в фильме «Кавказская пленница» смешно уже название. Смешон старый автомобиль с эмблемой «Волги», смешны уроки твиста, сеанс одновременной игры в домино, огромный шприц в руках Шурика... И смешон пьяный Шурик, жалеющий птичку, а позднее направленный в психиатрическую лечебницу с мнимой белой горячкой. Не будем ханжами, все это действительно смешно. Все зависит от личного видения мастера, от расставленных акцентов. Печаль и скорбь, возникающие при посещении психиатрической больницы, остались за кадром. Они просто не вписывались в фильм, и потому сам сюжетный ход, описывающий побег Шурика, тоже комичен. Законы жанра диктуют сюжет. Замечательный фильм Э. Рязанова «С легким паром» весь построен на том, что пьяный герой садится в самолет и улетает в другой город. Убери это — и фильм развалится... А нам смешно...

Стоит порой довести привычную ситуацию до абсурда — и бытовое, заурядное превратится в комическое. Давайте смоделируем такую ситуацию. Предположим, что два подвыпивших студента-агронома решили почтить память Тимирязева. Они подошли к его памятнику и молча положили цветы у подножья. Нормальная, привычная ситуация, не так ли? Но вот они решили забраться на памятник и расцеловать великого ученого в обе щеки. Подсаживают друг друга, карабкаются на высокий постамент, скользят, падают. Глупо? Несомненно. Но ведь смешно. Можно усмотреть в этом поступке кощунство, но их помыслы чисты и искренни. Именно это несоответствие между искренним почитанием и способом выражения его рождает комическую ситуацию. Причем трезвому, психически нормальному человеку это просто не придет в голову.

И в этом, как ни странно, таится одна из ловушек алкоголя. Не каждый из нас обладает врожденным чувством юмора и в лучшем случае способен лишь повторять чужие остроты, но престижность остроумного человека достаточно высока. Нам не нравится быть смешными и нелепыми, и мы всячески избегаем подобных ситуаций, но в пьяном виде наши минусы перехо-

дят в плюсы, пусть даже в субъективном ощущении. Поскользнулся и упал. Тут же краска стыда заливает лицо. А если был пьян? Тогда смешно. Окружающим. И совсем не стыдно. Тебе самому. Исчезновение стыда во время опьянения — стойкий и постоянный симптом. Гротескное, необычное поведение пьяного человека и наше неразумное одобрение начинают нравиться, требуют повторения. Очередная ловушка захлопывается, ложный миф опять оборачивается печальной действительностью.

В заключение главы о поводах и причинах пьянства нелишне вспомнить латинское выражение *casus belli* — повод к войне. Формальный повод для объявления войны, не имеющий ничего общего с действительными причинами. Все несправедливые захватнические войны начинались именно с этого казуса белли.

И все алкогольные ритуалы и мифы — не что иное, как повод к войне против себя, против ближних своих, против общества.

Глава шестая

ОСНОВА — БИОХИМИЯ

А теперь придется вторгаться в более сложную область, где не обойтись без медицинских и химических терминов. Чтобы уяснить суть болезни, уже не хватит общих рассуждений о пользе или вреде, о происхождении того или иного обычая, а надо будет попытаться раскрыть физиологические, генетические и биохимические основы действия алкоголя на наш организм.

Есть такой термин — этнология — учение о причинах болезни. Казалось бы, причина алкоголизма ясна — спиртные напитки. Но вот здесь-то и кроются бесчисленные лазейки для поисков самооправдания, ибо каждый человек неповторим не только лицом своим и психикой, но и обладает уникальным набором генов, особенностями биохимии, и нельзя судить по истории болезни одного больного об остальных. В быту так и происходит. Реакция человека на алкоголь, как на любое внешнее воздействие, настолько индивидуальна, что, оправдывая себя, можно найти пример, отличный от собственного, тем самым обеляя совесть. К сожалению, эту логическую ошибку совершали и авторы ста-

тей в периодике, бичующие алкоголизм. С совершенно искренними намерениями описывали действительный случай из практики и на основании его строили общие выводы. Или, по крайней мере, давали такую возможность читателю. Описывали, например, случай с совершенно непьющим человеком, который в тридцать лет выпил рюмку водки и в короткий срок так к ней пристрастился, что стал алкоголиком. Или рассказывали «типичную картину», выявленную у подростка, который в 15 лет попробовал пива и за год совершенно спился. Все это так, примеры взяты из жизни. Есть и более яркие, если хотите. Но типичные ли это? Нет. А вред от подобных примеров очевиден. Ибо каждый читатель тут же приведет сотни иных примеров, совершенно противоположных, и не испугается, нет, а наоборот — обрадуется! Ибо, если он пьет, «как люди», и до сих пор не спился, значит — он совершенно здоров!

До недавнего времени причину алкоголизма видели в злоупотреблении спиртными напитками. Выходит так, что употребление — это норма, а вот злоупотребление — патология. Но никто еще не сумел указать ту грань, где кончается первое, а где начинается второе. Игра слов продолжается.

Современные авторы кроме действия самого алкоголя выделяют еще три группы факторов, способствующих болезни: 1. Социальные. 2. Психологические. 3. Индивидуальные биологические (физиологические, биохимические).

К социальным факторам относят следующие: алкогольную политику государства, социальное положение человека, его экономическую обеспеченность, образование, семейное положение, этническую и религиозную принадлежность, обычаи окружения. Особенно важное значение имеет влияние микросоциальной среды, «алкогольный климат». Обычаи и влияние этой среды определяют не только отношение к спиртному, но и формируют личность.

Среди психологических предпосылок болезни очень важны личностные особенности, чаще всего — врожденные, и, прежде всего, способность приспособливаться к обстановке, противостоять среде, разрешать конфликты и переносить эмоциональное напряжение. Алкоголь способствует расслаблению, часто вызывает положительные эмоции. Он способен снимать напряжение, подавляя тревогу, страх, чувство вины, удовлетво-

ренности, что у слабых людей часто служит первой приманкой в ловушке болезни. Но и более сильные люди могут стремиться искусственно стимулировать положительные эмоции, вызывать у себя хорошее настроение, не довольствуясь просто нормальным.

Большинство ученых сходятся в мнении, что основным мотивом потребления алкоголя является желание снять напряжение, устранить эмоциональный конфликт либо искусственно вызвать радужное настроение. Но подобный результат зависит не столько от спиртного, сколько от биохимических особенностей человека.

Давно отмечено, что к повторным выпивкам чаще прибегают люди, у которых алкоголь вызывает повышенное настроение. Возникает рефлекс — удовольствие хочется повторить. Если настроение снижается — возникает развитие обратного рефлекса и заболевание может не развиваться. В чем же отличие в биохимии мозга у разных людей? Индивидуальное отношение к алкоголю отчетливо прослеживается и у животных, что позволяет проводить исследование этого явления.

В опытах на животных с самораздражением «центров удовольствия» установлено, что алкоголь стимулирует эти структуры. Однако эффект одних и тех же количеств алкоголя весьма индивидуален. При свободном выборе между спиртом и водой крысы ведут себя по-разному. Удаётся выделить группы крыс, предпочитающих алкоголь, группы, полностью отвергающие его, и группы с одинаковой тягой и к тому, и к другому. Можно выделить также животных с различной исходной устойчивостью к алкоголю, с разными типами образования похмельного синдрома и т. д. Ученые вывели генетические линии крыс с первичным предпочтением алкоголя, отвергающих спиртное, и крыс с высокой устойчивостью к нему. Эти работы убедительно доказывают генетически обусловленную расположенность к алкоголю.

Но какие конкретные биохимические механизмы отвечают за различные реакции на алкоголь? Одним из важнейших факторов является скорость разрушения алкоголя в организме, которая зависит от фермента алкогольдегидрогеназы (АДГ). Количество, активность и типы активности его очень различны у разных людей и животных. От этого зависит скорость разрушения и выведения алкоголя из организма, а также образование разного количества ацетальдегида — продукта раз-

рушения алкоголя, которому многие ученые отводят важную роль в развитии болезни. Изначальная склонность к спиртному зависит также от наследственной недостаточности обмена аминокислот, жирового обмена, гормонального фона и прочих особенностей, большинство которых также генетически обусловлены. Это — фундамент, и лишь от внешних условий зависит, какое здание будет возведено на нем. Вот тут-то и накладываются социальные и психологические факторы. Здесь и кроется огромное разнообразие форм болезни, ибо, как в калейдоскопе, сочетания разных причин образуют свой неповторимый рисунок — следствие. Нетрудно сделать из этого простой вывод: если исключить из общества первую и главную причину — сам алкоголь, то заболевание не разовьется даже у самого неблагоприятного по наследственности человека. А люди, обладающие здоровой наследственностью, прекрасно обойдутся без этого отнюдь не главного в жизни продукта.

Алкоголь безусловно токсичен, и употребление его приводит к изменению во всех органах и системах. Но основой алкоголизма служат те воздействия спирта, которые формируют основные симптомы заболевания — влечение к спиртному, алкогольный абстинентный синдром (похмелье), измененную толерантность к нему (устойчивость).

Все другие нарушения, вызванные алкоголем, относятся к следствиям его токсического действия.

Такой подход очень важен, ибо позволяет отделить причины от следствий, первичное от вторичного, главное от второстепенного.

Основное место в развитии заболевания принадлежит изменениям в центральной нервной системе. Именно от этого зависит перемена влечений, мотиваций, эмоционального фона, развитие психической патологии. Почему это происходит? Почему именно мозг, наш главный раб и повелитель, подвержен в первую очередь губительному действию спирта? Все опять упирается в биохимию.

Алкоголь легко проникает через гематоэнцефалический барьер («фильтр», защищающий мозг), и в первую минуту устанавливается равновесие между его концентрацией в крови и в мозге. Но он не только легко проникает через этот фильтр, но и снижает его проницаемость для других токсинов.

Активность АДГ, разрушающей алкоголь, в мозге очень низка. Некоторые авторы вообще отрицают возможность окисления спирта в мозге. Эти биохимические особенности создают условия для непосредственного и более длительного воздействия алкоголя на мозг.

Наряду с этим в мозге находят высокую концентрацию ацетальдегида — продукт распада спирта, принесенного с кровью из других органов.

Нарушаются окислительные процессы в ткани мозга, обмен белков и аминокислот, играющих важную роль в процессах памяти и обучения. Максимальное торможение синтеза белка наблюдается в период выраженного похмелья, в чем каждый пьющий убеждается на своем печальном опыте: нормальное мышление, а тем более обучение новому фактически невозможно. Отсюда и забвение эпизодов предшествующей пьянки — они просто не «записались» в мозг.

Алкоголь действует на нейромедиаторы — вещества, с помощью которых переносится возбуждение между клетками мозга. Отсюда — нарушение мышления, изменение эмоций, раздражение центров удовольствия и центров негативных эмоций. К медиаторам относят адреналин, норадреналин и серотонин. Они имеют непосредственное отношение к регуляции эмоций, влечений, мотиваций и связаны с развитием психической патологии. Одним из основных звеньев действия алкоголя на эту биохимическую систему является активация высвобождения и разрушения норадреналина. Избыточным высвобождением его можно объяснить фазу психического и двигательного возбуждения в опьянении. Вслед за этим снижается концентрация медиатора, что приводит к подавлению психики и к глубокому сну.

Маятник гомеостаза резко качнулся в сторону избытка, это неминуемо ведет к обратному движению — недостатку. Лимит исчерпан, надо платить угнетением за возбуждение. Настроение и работоспособность снижаются. Опохмеление — небольшая доза спиртного — вызывает новый выброс норадреналина, состояние ненадолго улучшается, но избыток опять ведет к недостатку, ибо «сусеки» выметены почти дочи́ста, наступает ухудшение, еще более тяжелое. Так развивается биохимическая зависимость — временное улучшение после опохмеления заставляет выпивать вновь и вновь. Наступает запой...

Кстати сказать, норадреналин, помимо всего проче-

го, вызывает резкий спазм сосудов — поднимается артериальное давление, что грозит большой бедой — инфарктом, инсультом — внезапной смертью. При психическом возбуждении также увеличивается выброс норадреналина — так и происходят инфаркты и инсульты: понервничал — и катастрофа. Механизм практически один.

Но усиленный расход норадреналина под влиянием длительного потребления алкоголя по принципу обратной связи ведет к усиленному синтезу его. Усиление синтеза норадреналина становится одной из причин развития устойчивости (толерантности) к алкоголю, так как разрушение избытка медиатора требует все больших и больших доз спиртного. Это и есть биохимическая основа одного из мифов: много пьет, а не пьянеет, значит — здоровый мужик. Да как раз — уже заболевший, уже с измененной биохимией мозга!

А если бросить пить? Но биохимия уже перестроена, уже вырабатывается повышенное количество медиаторов, в частности, предшественника норадреналина — дофамина. А разрушить его нечем... Развивается подсознательная тяга к спиртному. Больной алкоголизмом может не пить, но влечение к спиртному у него остается! Чтобы вернуть биохимическое равновесие к норме, нужно усилие воли, нужно время.

Можно привести точные цифры. У больных без явлений похмелья концентрация дофамина была на 48% выше нормы, с алкогольной абстиненцией вырастала до 108% выше нормы, а в состоянии белой горячки — до 358%!

Позднее мы будем говорить о лечении алкоголизма, но уже сейчас ясно, что основное звено в этой болезни — изменения биохимии мозга. И поэтому совершенно оправдано применение лекарств, устраняющих перекос в обмене веществ мозга. В частности — апоморфина, влияющего на обмен дофамина. Апоморфин — одно из средств так называемой условно-рефлекторной терапии. Я хорошо знаю неприязнь больных к «таблеткам» и «уколам», но платить надо по большому счету. Если спирт — химическое вещество, вторгается в биохимию мозга, то и возвращение к норме возможно только с помощью химических же веществ. Поэтому совершенно напрасны надежды на иные способы — в частности, на гипноз и иглоукалывание, они могут лишь закрепить лечение, но не заменить его. Они и

применяются на практике после длительного воздержания от спиртного, когда равновесие относительно установится.

Не зря причислили алкоголь к наркотическим веществам. Это не произвол медиков и законопедов, вынужденных якобы применить психологический прессинг — объявить спиртное вне закона. Основа этого решения — биохимическая.

Доказано, что в процессе разрушения алкоголя и взаимодействия его с медиаторами образуются вещества с морфиноподобным действием — тетрагидрохинолины. Не так давно открыты так называемые опиатные рецепторы и существование опиатной системы в организме. Необходимость ее не вызывает сомнения. Природа ничего не дает зря, про запас. Норадреналин и адреналин, как известно, тоже выделяются не напрасно при опасности: суживаются сосуды на случай возможного ранения, обостряется реакция, сердце сильнее гонит кровь по телу, смертельная угроза заставляет искать выход в короткий промежуток времени.

Так и опиатная система в организме нужна, как противодействие боли. Если боль служит предостерегающим сигналом и вынуждает искать спасения от болезни или раны, то избыток ее явно вреден. Боль и служит пусковым механизмом для выделения опиатов — эндорфинов и энкефалинов. В частности, секрет иглоукалывания и заключается не в таинственных точках и меридианах, а в выделении опиатов при раздражении кожи иглой или электричеством. Изучение опиатной системы показало, что она имеет отношение также к формированию эмоций, мотиваций, нарушений психики и, конечно же, — к возникновению наркотической зависимости при использовании морфия и других аналогичных наркотиков.

«Эксплуатация» этой защитной системы и приводит к нарушению равновесия. То, что природой дано на пользу, при неумеренном расхищении оборачивается смертельным вредом. Введение практически любого лекарства в больших количествах тут же нарушает биохимическое равновесие, особенно — лекарства, сходного по строению с естественными веществами организма. Если мы способны, независимо от желания, выделять в ответ на боль опиаты, то введение пивлеопия приводит к резкому сдвигу гомеостаза. Цель-то

достигнута, но какой ценой! Хорошо, если применение наркотиков кратковременно (после операции), в этом случае организм сумеет оправиться от удара и восстановить равновесие. А если человек применяет опиум не для устранения боли, а для достижения побочного эффекта его — эйфории? Тогда естественный, данный природой механизм из-за ненужности просто выйдет из строя со всеми вытекающими последствиями. Подобный же эффект наблюдается при применении некоторых гормонов для лечения астмы. Приступ удушья снимается, все верно, но надпочечники перестают со временем вырабатывать свои собственные гормоны. Возникает зависимость от лекарства, чаще всего трагическая, пожизненная. Такой же биохимический механизм возникает и при слишком ретивом лечении бессонницы: спотворные вещества усыпляют мозг, но естественные «усыпители» за ненужностью перестают выделяться мозгом, и круг замыкается.

С биохимической точки зрения фактически доказано существование общих звеньев в механизмах формирования наркоманий и алкоголизма. Скорее всего, таким общим звеном являются опиатные системы, данные нам во благо, но употребляемые во зло.

Разумеется, сказанное выше о биохимических причинах развития алкоголизма не исчерпывает всей полноты проблемы. Многие пока неясно, не открыто, по пунктир, намеченный биохимией, начинает обрисовывать сложный рисунок причин самоубийственной болезни.

Мы наследуем от предков не только цвет глаз и особенности характера, но и неповторимые различия в обмене веществ. Как нет людей с одинаковыми отпечатками пальцев, так нет и с одинаковыми наборами белков. И совершенно естественно, что реакция организма на алкоголь из-за наследственно обусловленных различий в обмене веществ у каждого человека будет неповторимой, хоть на малую малость не похожей на другие.

А диапазон сочетаний факторов может быть очень широким: от полной неспособности усваивать и обезвреживать алкоголь до высокой устойчивости к нему, вызванной повышенным уровнем фермента АДГ. Вполне вероятно, что на протяжении веков и тысячелетий у народов, издавна применявших спиртные напитки, постепенно происходил естественный отбор, как происхо-

дит он под действием других причин — холода, жары, разреженного воздуха, инфекций. Люди, не имевшие врожденной толерантности к алкоголю, но вынужденные из-за обычаев применять его, или быстро спивались и умирали, или не успевали оставить потомство. Или потомки были слабыми, и, рано или поздно, эта генетическая ветвь отсекалась.

И еще один фактор должен быть принят во внимание. Пищевые обычаи. Народы Севера Азии и Америки в основном питались мясной пищей, которая усваивается относительно полно и не нуждается в длительном переваривании... Тогда как растительная пища, богатая крахмалом и клетчаткой, частично подвергается брожению в кишечнике, и в кровь человека поступает хоть небольшое, но постоянное количество этилового спирта. А спирт должен разлагаться ферментом. Таким образом у мясоедных народов этого фермента практически не было за ненадобностью, и народы, не знавшие спиртных напитков, просто не имели биохимической защиты от них. Эти гены им были не нужны. И трагедия индейцев Северной Америки и многих других народов произошла по вине европейцев, вольно или невольно приучивших мясоедные племена к спиртному. Многие свидетели отмечают, как происходит привыкание и развитие пристрастия к «огненной воде» у таких племен. И отсюда — вымирание, деградация народа.

Аналогичное врожденное отсутствие иммунитета ярко выразилось, в частности, после завоевания Америки. Завезенная корь, почти не опасная для европейцев, вызвала массовые эпидемии среди индейцев. Изоляция материков привела и к изоляции генофонда. Впрочем, американский континент «отомстил» Европе сифилисом и табаком...

В подтверждение своих слов сошлюсь на авторитетных авторов. Вот цитата из труда Ч. Дарвина «Происхождение человека»:

«Новые пороки и болезни крайне губительны; по-видимому, в каждой нации новая болезнь ведет за собой много смертных случаев, пока особи, наиболее восприимчивые к ее вредному влиянию, не вымрут малопомалу; то же можно сказать о вредных последствиях употребления спиртных напитков и о непреодолимой склонности к ним, встречаемой у стольких дикарей».

А вот выдержка из книги Ф. Нансена о путешествии по Сибири. Речь идет о пенцах:

«В этих милых и гостеприимных детях природы особенно поражает то, что они, вообще владеющие собой в высшей степени, почти никогда не выходящие из себя и стоически переносящие страдания, совершенно не переносят водки — как и прочие первобытные народы, — чем, к сожалению, многие пользуются».

Но следует сделать поправку на время. Раньше так и считали, что «первобытные» народы врожденно склонны к пьянству. Это очередной перевертыш, скорее всего невольный. Не склонность к пьянству, а быстрая капитуляция защитных биохимических систем, призванных бороться с алкоголем. А вот пользовались этим, к стыду «цивилизованных» прищельцев, на самом деле многие. Практически бескровное освоение пространств Сибири и Севера было только на пользу местным народам, если бы не водка, завезенная сборщиками ясака, а потом и скупщиками пушнины. За бутылку водки можно было обменять меха, особенно если охотник успел пристраститься к спиртному. Многие изменилось с тех пор в тайге и тундре, но все же и сейчас одним из главных условий расцвета северных народов явилось бы полное запрещение спиртных напитков на этой обширной территории. И русскому населению, живущему там, это явно не пойдет во вред...

Глава седьмая

РАЗВИТИЕ БОЛЕЗНИ

Классификация алкоголизма, как болезни, до сих пор отличается разноречивостью. Так и должно быть, ибо даже если одна причина вызывает заболевание, например, вирус гриппа, то следствия у разных людей могут быть самыми разными: от полной невосприимчивости до смертельного исхода. А в случае с алкоголизмом таких причин много, и комбинаций их с разными, не похожими друг на друга людьми чуть ли не бесчисленны. Но общие закономерности существуют. Из всех возможных классификаций я буду опираться на принятую в советской наркологии, разделяющую болезнь на три стадии. Хотя и нелегко установить, где кончается одна, а где начинается другая, как и в любом случае постепенного перехода количества в каче-

ство, но сами стадии описаны с исчерпывающей полнотой и безусловно применимы для диагностики каждого конкретного случая.

Но сначала — небольшая оговорка. До сих пор существует ничем не обоснованное мнение, что клинику алкоголизма следует держать в относительной тайне от людей. Эта точка зрения полагает, что больные, выучив наизусть все симптомы, начнут обманывать нарколога, скрывать заболевание и уклоняться от лечения. Может быть, все это и так, но, во-первых, никто не держит в сейфах литературу для медиков и при желании можно прочитать все нужное, и во-вторых — диагноз ставится не только на основании рассказа больного о себе — это как раз и учитывается в последнюю очередь, ибо больной алкоголизмом, как и любой психической патологией, склонен к недооценке своего состояния, к скрыванию симптомов, и всегда всеми силами пытается уклониться от лечения. Полная гласность и здесь является залогом оздоровления людей, как, скажем, в случае с венерическими заболеваниями. А то ведь даже люди с высшим медицинским образованием подчас не осведомлены о клинике такого заболевания, как алкоголизм! И что греха таить — больные бывают и в среде медиков... Поэтому давайте-ка начистоту.

Основа болезни одна: алкоголь. А неисчерпаемый пока фонд пополнения ее жертв составляют практически все люди, совершенно здоровые до поры до времени, все те, кто подчиняется обычаям и традициям среды, идущим еще из каменного века.

Нет и не может быть безобидного питья даже по самым уважительным поводам, ибо уважительных причин для самоубийства или для заражения чумой, на трезвый разумный взгляд, не существует.

Здоровый человек реагирует на алкоголь однозначно — как на яд. Кружится голова, поташнивает, меняется настроение, организм отторгает яд обычным способом — рвотой. Сохранность рвотного рефлекса при отравлении алкоголем — устойчивый признак еще не изменившейся психики и биохимии организма. Бутылка сухого вина, выпитая за вечер, вызывает такую бурную реакцию протеста, что приходится расплачиваться за свою глупость головокружением и рвотой. Сто граммов водки обычно служат порогом, превышение которого грозит нам немедленным наказанием. Наш мудрый ор-

ганизм предупреждает, противится, сечет нас розгами, а мы, как упрямые подростки, дслаем все назло ему и даже стыдимся нашей «неполноценности», как деревенский юноша стесняется своего здорового румянца, словно сама болезнь, к которой мы так слепо стремимся, окружена ореолом мужественности, возведена в ранг нормы. Никто, кроме нас с вами и нашего вопиющего невежества, не виноват в том, что рано или поздно меняется биохимия, психика, и постепенно мы замечаем, что столь досадная рвота ушла в прошлое безвозвратно, а двести граммов водки, выпитые под закуску, вызывают приподнятое настроение и желание выпить еще...

Так преодолевается первая грань, разделяющая здоровье и болезнь. Начинается первая стадия алкоголизма. Заметьте, не пресловутое пьянство, которое считается в быту простой дурной привычкой сродни манере грызть ногти. Нет, это уже болезнь со всеми своими симптомами, синдромами и последствиями.

Здоровые люди предпочитают сладкие ароматные вина, им нравится вкус, запах, само же опьянение не является целью. Потом приходит черед шампанского, кислых сухих вин. Углекислый газ способствует быстрому усвоению алкоголя, легкое опьянение начинает нравиться, терпкий вкус вина приносит удовольствие. На этой стадии человек может задержаться долго, практически всю жизнь, особенно если у него врожденно надежная защита. Она характерна для большинства европейских женщин, склонных по природе своей подчиняться господствующей морали, осуждающей женское пьянство. Мужчины преодолевают эту грань легко и незаметно, ибо та же мораль рисует образ крепкого здорового мужчины, умеющего выпить стакан водки залпом и не теряющего головы. Поэтому позднее ими предпочитают крепкие вина и водка. Вкус и запах уже не важны, главное при этом — цель, а не средство, опьянение, а не путь к нему. Только соображения престижа заставляют еще предпочитать коньяк, дорогие вина в красивых бутылках, коктейли с мудреными названиями. А потом и престиж не важен...

Итак, главное — опьянение, изменение сознания. Как и почему это происходит? Алкоголь — яд психотропный, меняющий биохимическое равновесие мозга. Глубина отравления зависит прежде всего от количества спирта и массы тела. Условно разделяют опьянение

на три степени: легкую, среднюю, тяжелую. Различие между ними зависит от концентрации алкоголя в крови.

Думаю, что каждый знает, как по-разному проявляется опьянение у разных людей. И все же общие закономерности есть, и наркологи выделяют три типа опьянения: простое, измененные формы и патологическое опьянение.

Простое опьянение — самое распространенное. Этот вид и протекает достаточно однотипно, особенно если пьют в компании. При легкой степени улучшается настроение, возникает чувство бодрости и удовольствия (так называемый «кофейный эффект»). Все видится в розовом свете. Неприятности воспринимаются проще и спокойнее, хочется говорить, усиливается мимика и жестикуляция, внимание легко отвлекается, мысли без труда перескакивают с темы на тему. Критическое отношение к себе и к другим снижается, возрастает число ошибок при работе. Учащается пульс, усиливается аппетит, половое влечение. Через несколько часов настроение возвращается к норме или появляется вялость, сонливость, переходящая в естественный сон.

Если на этом не остановиться и продолжать пить, то опьянение переходит в среднюю степень. Сразу же обратите внимание на простую истину: вершина хорошего настроения, эйфория, уже достигнута ранее, лучше не будет, но человек, продолжающий пить, все же стремится к большему, а достигает только одного, неизбежного — перевала через вершину и перехода к спуску, подчас — к быстрому падению вниз по склону. Лимит исчерпан, за избыток придется платить недостатком. Повышенное настроение то и дело прерывается отчетливым раздражением, обидой, неудовлетворенностью. Свои возможности переоцениваются, появляются упреки, чаще всего не обоснованные. Движения растормаживаются, хочется танцевать, при разговоре размахивать руками, раздражение легко переходит в драку, смех — в слезы. Речь громкая, ибо ухудшается слух, а если звучит музыка, то и она включается на полную мощность. Одновременно речь становится более замедленной, слова подбираются с трудом, мысль легко теряется, повторяется, опьяневший может рассказывать одну и ту же историю, не замечая этого. Внимание с трудом переключается, реакция на окружающее фрагментарна и не адекватна. Именно на этой степени у здоровых людей происходит отторжение

яда — рвота. Но наряду с грубостью и плоскими шутками, опьяневший еще способен на точные замечания в адрес окружающих и самого себя, чувство юмора обычно сохранено. Опьянение переходит в глубокий сон, при пробуждении ощущаются последствия интоксикации: слабость, вялость, снижение аппетита, дурное настроение или раздражение, жажда, снижение работоспособности.

При продолжении наступает тяжелая степень. Чаще всего — это глубокий сон, наркоз, так называемая алкогольная кома.

Урежается дыхание, снижается артериальное давление, температура тела. В просторечье эта фаза называется очень точно — «вырубиться». После пробуждения последствия дают о себе знать еще несколько дней, все происшедшее обычно забывается, возникает так называемая наркотическая амнезия. Именно в этой стадии возможны смертельные исходы — смерть от опоя или вследствие переохлаждения, травмы. При неудобной позе во время комы возможно нарушение кровообращения в руках и ногах, что влечет за собой необратимые изменения в тканях и ампутацию.

Все описанное выше относится к реакции на алкоголь и относительно здорового человека, и больного алкоголизмом. Только больной никогда, если его не ограничить, не остановится на легкой степени, он всегда будет пить как минимум до средней, а то и до тяжелой, если условия позволят.

Следующий вид опьянения разделяется на несколько форм, названных измененными. Обычно они наблюдаются при невыявленных психических нарушениях, чаще всего при психопатиях (пограничных между нормой и патологией состояниях психики), иногда на фоне ранее перенесенной черепно-мозговой травмы, при раннем начале алкоголизма или при уже запущенном, при переутомлении, недосыпании, недоедании. Именно при измененных формах опьянения встречаются тяжелые общественно опасные действия. Алкоголь при этом служит проявителем скрытой психической патологии, он растормаживает спящую болезнь, ибо без опьянения человек ведет себя нормально, и поведение его не выходит за рамки социальных норм. Чтобы не обременять читателя специальными терминами, я опущу названия форм и просто опишу их под номерами.

1. Состояние хорошего настроения выражено слабо

и легко сменяется преходящими вспышками резкого недовольства, раздражения, злобы. Вспышки непродолжительны, чередуются с относительным успокоением, но неизменно повторяются.

2. Стойкое состояние напряженности, недовольства, угрюмости, неприязни, злобы. Опьяневший становится придирчивым, язвительным, задиристым, ищет повода для ссор. Такое состояние может сохраниться на несколько дней и после опьянения.

3. Поведение опьяневшего рассчитано на зрителей. Всеми силами человек пытается привлечь к себе внимание, речь возбужденная, напыщенная, жесты «театральные». Нередко человек наносит себе легкие повреждения, делает попытки к самоубийству, в уверенности, что его остановят. Без зрителей ничего подобного не происходит. В высказываниях преобладают обвинения в адрес других, самовосхваление или же напротив — преувеличенные самоупреки. Патологическая фантазия принуждает «откалывать такие номера», чтобы на них обратили внимание, запомнили, удивились, воспротивились. Эта форма очень характерна для женского алкоголизма и для мужчин с истероидными чертами характера.

4. Эйфории практически нет. Настроение подавлено. Возможна слезливость, жалость к самому себе, тоска, ощущение безвыходности, тревога, мысли о самоубийстве. Опасность самоубийств в этом состоянии велика.

5. После легкой эйфории возникает сонливость, быстро переходящая в сон.

6. Настроение повышено, беспечное, благодушное, прерываемое вспышками раздражения. Возбуждение сопровождается «озорными поступками», назойливым приставанием, неуместными шутками, смехом. Возможно кривляние, паясничанье.

Следующий вид опьянения, названного патологическим, уже относится к ведению психиатров, даже более того — судебных психиатров, потому что алкоголь служит толчком к развитию острого психоза, который может закончиться тяжким преступлением, чаще всего убийством. После этого развивается резкое психофизическое истощение и полное забвение событий.

Описанное выше встречается не так уж и редко. Думаю, что многие смогут вспомнить те или иные фор-

мы, виденные в быту. Обычно о таких «неудобных» людях отзываются как о «неумеющих пить» и стараются избегать совместных попок. Но дело-то в том, что алкоголь обостряет уже развившуюся психическую патологию или проявляет врожденную, скрытую.

А теперь пора перейти к самой болезни — к алкоголизму. Еще раз подчеркну, что основа ее и неисчерпаемый фонд — наши ритуалы и обычаи, связанные с вином. Заболеть может фактически каждый, никто еще не может предсказать, когда именно у конкретного человека привычка перейдет в болезнь. Да и есть ли смысл в таком предсказании, даже основанном на строго научных фактах? Намного проще, дешевле и надежнее совсем не пить. Или бросить, пока не поздно. Пока не сдвинулось биохимическое равновесие и не изменилась психика. Легче предотвратить болезнь, чем ее лечить. Это общий закон медицины. Но пока болезни нет, а есть лишь привычка, кажущаяся естественной, отмсчать праздники и встречи друзей с вином и водкой, то этот период, порой короткий, порой длинный, можно назвать инкубационным, ибо болезнь уже поселилась в теле, но до поры ничем себя не проявляет.

Сейчас мы начнем разбираться в симптомах первой стадии алкоголизма, и вы сами убедитесь, что многие из них вы наблюдали, если не у себя, то у других, знакомых людей, и никому не приходило в голову считать их алкоголиками. Еще бы, ведь человек не совершает социально опасных деяний, никому не мешает, нормально работает, любит жену и детей, в запой не уходит, а если и выпивает, то лишь по «уважительным» причинам.

Итак, первая стадия алкоголизма.

В половине случаев она формируется у тех, кому нет 25 лет, в остальных — до 35 лет, но возможно начало заболевания в любом возрасте. Совершенно ничем не обоснован миф о том, что если к 30 годам не спился, то потом уже ничего не грозит. Известны случаи, когда болезнь начиналась и после 50 лет. Как и любая болезнь, эта стадия распознается с помощью характерных симптомов. Одним из важных является первичное влечение к алкоголю. В этой стадии оно проявляется еще в легкой форме, зависящей от ситуаций, связанных с возможностью выпить. Все чаще такие ситуации активно используются и даже выскива-

ются, как повод для выпивки. Внешнее влечение проявляется инициативой в подготовке застолья, устранении возможных препятствий. Возникают приятные эмоции, связанные с предыдущими выпивками, настроение повышается, поведение оживляется, а препятствия раздражают. На этой стадии первичное влечение может быть подавлено усилием воли или обстоятельствами, не позволяющими выпить. Больной еще легко может переключиться на деловые интересы или развлечения. Но за период длительного воздержания от выпивки происходит так называемая «аккумуляция напряжения», желание каких-то иных ощущений, подсознательное стремление изменить сознание. При первом же удобном случае больной не отказывается выпить. Обычно в быту это называется «выпить для разрядки». Все верно, в больном организме накопился дофамин, требующий для своего разрушения алкоголя. Он и создает это напряжение, а спиртное его снимает. Причем больной считает, что для разрядки ему необходимо совсем немного — пара рюмок, но редко кто остановится на этой дозе, если бутылка не допита. Первичное влечение еще не несет печати фатальности, чаще всего оно возникает лишь в ситуациях, традиционно связанных с возможностью выпить, но иногда появляется при житейских неприятностях, ссорах в семье, на работе. Больной при этом может или сознавать свою тягу к спиртному и даже бороться с ней, или легко найти компромисс с совестью, сославшись на «уважительный» повод.

Очень важным симптомом на этой стадии является снижение количественного контроля. Защитный рвотный рефлекс исчезает. Вслед за первыми дозами спиртного хочется выпить еще, достичь средней степени опьянения и даже тяжёлой. Внешними проявлениями этого служат торопливость с очередным тостом, стремление выпить все купленное спиртное, неразборчивое отношение к виду напитка. Но при необходимости выполнения на следующий день ответственной работы или при отрицательном отношении окружающих к пьянству больной может ограничиться небольшими дозами.

Нарастающая толерантность к алкоголю проявляется в том, что привычная доза уже не вызывает прежних состояний опьянения. Дозу приходится увеличивать в 2—3 раза, а то и больше. Именно на этой

стадии мы застаем пресловутых «крепких мужиков», способных выпить бутылку водки и удержаться на ногах. «Организм окреп», — говорят при этом и искренне верят абсурду, тогда как произошло обратное.

Наркотические амнезии, то есть забвение наутро отдельных эпизодов пьянки, проявляются в виде так называемых палимпсестов. Слово это означает пергамент, на котором соскоблен ножом текст и написан новый, но отдельные слова и буквы старого все же можно прочесть. Полного забвения происшедшего еще нет, воспоминания отрывочны, как запись на испорченном магнитофоне.

На первой стадии не бывает запоев, обычно пьют один день, но относительно часто. Абстинентного синдрома, то есть похмелья, тоже нет. При передозировке спиртного наутро наблюдается интоксикация, выраженная тошнотой, слабостью, дурным настроением, но повторная выпивка не приносит облегчения, а лишь усиливает болезненное состояние.

В социальном отношении сдвигов практически нет. Лишь в семьях, где нетерпимо относятся к пьянке, возможны ссоры. Но обычно жены полагают, что их мужья пьют, как все, по уважительным причинам, и спокойно «дожидаются» наступления второй стадии, когда им самим в первую очередь придется хлебнуть горя.

Вторая стадия незаметно вытекает из первой и по своей клинике довольно разнообразна. Длительность ее обычно от 10 до 15 лет. Именно на второй стадии больные и их родственники начинают обращаться к врачу из-за начавшихся социальных конфликтов: вытрезвитель, прогулы, запои, пьяные драки, скандалы в семье, пропивание вещей, употребление одеколона и прочего. Прежние симптомы нарастают, увеличиваются, становятся ярко выраженными, появляются новые, болезнь выходит на долгую прямую, ведущую к вырождению и смерти.

Первичное влечение проявляется более интенсивно, возникает не только в связи с ритуалами, но и независимо от них. Больные сами находят мотивировки для выпивки и охотно используют любые ситуации. Выделяют два варианта влечения при этом. При первом варианте влечение сопровождается борьбой мотивировок «пить или не пить», при втором борьбы нет, большой просто не задумывается об этом. «Запасы стыда и со-

вести», и без того небольшие, быстро растрачиваются. Но при борьбе желаний больной ясно осознает вред выпивки и опасность последствий, он отчетливо понимает неестественность своего желания: борясь с ним, старается не попадаться на глаза своим обычным партнерам, обходит стороной магазины. При отсутствии борьбы больной поступает как и все бессовестные люди: лжет не только другим, но и самому себе, объясняя причину выпивки то нежеланием «подвести» друзей, то семейными и служебными огорчениями. Первичное влечение при этом может достигать такой силы, что его можно сравнить лишь с голодом и жаждой.

Количественный контроль не просто снижен, а утрачен навсегда. Прием одной дозы вызывает неодолимое желание выпить еще. Такая доза называется критической, а влечение из первичного превращается во вторичное. Этические и социальные запреты уже не кажутся непреодолимыми. Больные или пренебрегают ими, или продолжают пить в иных условиях — в новых компаниях, уйдя из дома, или в одиночку, в том числе и скрытно.

Толерантность продолжает повышаться, достигает максимума и на протяжении ряда лет остается постоянной — выходит на так называемое плато. Для достижения опьянения больные употребляют свою наивысшую дозу, доходя до тяжелой степени, обычно — крепкие напитки, предпочтение отдается водке, реже — крепленым винам. Впрочем, выбор напитка зависит от ситуации, а не только от желания.

Новая совокупность симптомов — абстинентный синдром, является одним из главных, определяющих эту стадию. Протекает он весьма разнообразно, что дает возможность больным всегда найти себе оправдание, сославшись на отличие своего похмелья от виденного у других. Поэтому перечислю наиболее характерные симптомы, встречающиеся или по отдельности или в комбинации друг с другом. После однодневного пьянства синдром ограничивается пониженным настроением, потливостью, слабостью, сухостью во рту, сниженным аппетитом, часто бывают расстройства пищеварения: поносы, запоры, тошнота, рвота, головная боль, бессонница или поверхностный сон, боли в области сердца. После многодневного пьянства поднимается артериальное давление, лицо опухает, руки подрагивают. Практически невозможно сосредоточиться, способ-

ность к умственному труду резко снижается. Мысли разорванные, скудные и короткие. Психические расстройства могут проявляться в виде тревоги, чувства напряженности, самоупреков, так называемой «утренней раскаянки», когда стыдно за вчерашний день, кажется, что успел совершить что-то дурное, пока был пьян; мнится, что тебя осуждают, даже незнакомые люди на улице смотрят на тебя с укором, шепчутся о тебе, смеются. Зачастую подавленное настроение переходит в тоску, в чувство безвыходности, нежелание жить. Возникает раздражение с неприязнью к окружающим, прежде всего — к близким людям.

Главное отличие абстинентного синдрома от обычной интоксикации — не только осознанная потребность в опохмелении, но и субъективное улучшение после приема спиртного. Обычно начинают опохмеляться под действием примера уже заболевших людей. Потом и на самом деле эффект улучшения закрепляется и повторяется уже сознательно.

Напрасно полагать, что если утром не опохмеляешься, то потребности в этом нет совсем. Чаще всего опохмелению мешают микросоциальные причины: надо идти на работу, закрыт магазин, кончились деньги и прочее. Поэтому оно происходит во второй половине дня, чаще всего после работы, вечером.

Изменяется форма употребления спиртного. Возникают запои. Длительность их может быть различной, и это тоже зависит от многих причин: кончаются деньги, начинаются скандалы дома, надо идти на работу и прочее. Обычно думают, что если человек ушел в запой, то он пьет по две-три недели — ежедневно, не ходит на работу и ночует под забором. Да, бывает и такое, но чаще всего запои начинаются постепенно, сначала не превышают двух-трех дней, носят характер «алкоголизма конца недели», во время отпуска могут резко удлиниться до нескольких недель, причем выпивка происходит ежедневно, и совсем не обязательно беспробудное пьянство — больной общается с людьми, загорает, «отдыхает, расслабляется», но выпивает ежедневно, маскируя потребность в опохмелении повторной выпивкой.

Условно разделяют две формы больших запоев: постоянную и перемежающуюся. При постоянной форме больной пьет ежедневно и долго, от нескольких недель до месяца. Наибольшая доза спиртного приходится на

вторую половину дня и вечер, перерывы непродолжительны и связаны не с ухудшением состояния, а с внешними причинами. Обычно кончаются деньги и терпение близких, если последние еще не покинули больного. При перемежающейся форме на фоне постоянного пьянства возникают периоды резкого увеличения доз спиртного или даже полного прекращения на несколько дней.

Запой не обязательно связан с полной социальной дезадаптацией больного, ибо он может каждое утро приходить на работу, дожидаться ее окончания, а вечером снова напиваться. И так может длиться очень долго, с усилением пьянства в выходные дни. Нетрудно понять, с каким нетерпением он ждет конца работы и как он эту работу делает. А подчас и не дожидается, а пьет прямо на рабочем месте...

Причина любого запоя прежде всего заключена в замыкании болезни в порочный круг. Выпивка приводит к похмельному состоянию, которое снимается или смягчается повторной выпивкой. Потребность в опохмелении — самый важный и безошибочный признак второй стадии алкоголизма. Улучшение состояния после опохмеления — главный симптом. Если здоровый человек или больной на первой стадии испытывает утром последствия интоксикации, но облегчения после выпивки не получает, то вторая стадия пока не наступила.

Именно на второй стадии начинают проявляться изменения личности. Прежде всего выходят наружу и заостряются скрытые особенности психики, возможно и появление отдельных черт личности, связанных непосредственно с алкоголизмом. Размах эмоций усиливается от возбужденного состояния до полного безразличия к жизни, эмоции огрубляются, интеллект снижается, способность к восприятию новых знаний резко падает, критика к заболеванию утрачивается. Прежде всего теряются моральные запреты, приобретенные в обществе, а именно — стыд. За ним идет черед совести. Все это пока не приводит к полной алкогольной деградации, и изменения личности обратимы при отказе от спиртного.

Третья стадия конечная, дальше ее только смерть. Болезнь запущена до предела, все ее проявления усиливаются до самых тяжелых вариантов. Для диагностики этой стадии снижение толерантности к алкоголю

так же важно, как абстинентный синдром для второй. Именно за этой стадией в быту и признается название давно уже развившейся болезни: алкоголизм.

Первичное влечение чаще всего выражено в самом тяжелом варианте — без борьбы совести, уже умершей окончательно. Больной пренебрегает всеми этическими запретами, он может выпить где угодно, порой в самых неподходящих местах. Повода, даже формально, уже не требуется.

Утрата количественного контроля ярко выражена, любая, даже незначительная доза спиртного вызывает непреодолимое желание выпить еще. При этом утрачивается и так называемый ситуационный контроль. Уже ничто не может удержать больного от выпивки, а стремление добыть спиртное заставляет делать долги без надежды на возврат, продавать вещи, воровать, мучить близких. Больной пьет или в одиночку, или в компании случайных людей, иллюзия общения уже ни к чему.

Снижение толерантности проявляется в том, что больной пьянеет от меньших, чем обычно, доз. Происходит отказ от крепких напитков, в частности, от водки, теперь пьют крепленые вина.

Изменяется, уже стойко, картина опьянения. Преобладает раздражение, придирчивость, недовольство, доходящее до злобы, чаще всего в адрес близких людей. Мучает бессонница, засыпание возможно только после очередного приема спиртного.

Забвение прошедшего чаще всего полное. Человек живет в полусне, зачастую в полубессознательном состоянии. Обучение новому невозможно, быстро забывается все то, чему учился на протяжении жизни.

Появляются так называемые истинные запои. В отличие от запоев на второй стадии, начинающихся обычно из-за внешнего толчка, на третьей никаких причин и мотивов не требуется. Резко обостряется первичное влечение, запои долгие, с каждым днем дозы снижаются, пока больной уже не может пить. Потом возможно полное воздержание от спиртного до следующего запоя.

Иногда больные пьют ежедневно, небольшими порциями, находясь в состоянии непрерывного опьянения на протяжении долгого времени. Тяжелые проявления абстинентного синдрома возникают только после пре-

крашения пьянства, что вынуждает больных пить беспрерывно.

Изменения личности достигают степени алкогольной деградации. Усиливается эмоциональное огрубление, исчезают семейные и общественные привязанности, утрачивается критическое отношение к себе, снижается память и интеллект. Психопатии, проявляющиеся ранее лишь при опьянении, становятся стойкими, определяющими личность больного. Свойственен грубый цинизм, бестактность, назойливая откровенность, стремление очернить окружающих. Возможно необоснованное бахвальство.

Деградация развивается, характерно преобладание беспечного благодушного настроения. У больных нет никаких секретов, обо всем говорят в шутливом тоне. Они склонны к так называемому алкогольному юмору, их речь состоит из шаблонных шуток и избитых словечек.

При наиболее тяжелом варианте деградации преобладает вялость, пассивность, интересы утрачены. Эти больные более всего склонны к паразитическому образу жизни.

Замедленное самоубийство подходит к концу. Преждевременно увядающие, «изношенные» полулюди постепенно утрачивают все связи с окружающими, становятся никому не нужными, обременительными даже родным, и часто смерть их вызывает лишь облегчение, безжалостное, но справедливое...

Алкоголизм у женщин заслуживает особого разговора, ибо особенности физиологии и психики накладываются на течение болезни, изменяя ее. В последние десятилетия в развитых странах непрерывно растет число женщин, больных алкоголизмом, явно обгоняя по темпам роста заболеваемость у мужчин. Древние магические запреты, перешедшие в мораль, утрачивают свое действие, увеличивается участие женщин во всех областях, где они выполняют те же функции, что и мужчины. Изменяется жизненный уклад, появляется социальная и экономическая независимость, меняется система ценностей. Эта современная ситуация получила названия — «нарушение социального места» и «нейтрализация пола». Те вредные социальные факторы, от которых раньше женщина была защищена в узком кругу семьи, стали действовать на нее так же, как и на мужчину. Считается, что одним из главных факторов, заставляющих женщину прибегать к спиртному, явля-

ется постоянное физическое и психическое напряжение. Чтобы его снять, используют алкоголь. Механизм, уже известный для мужской части населения. Цена, которую приходится платить за эмансипацию, подчас превышает выгоды завоеванной «свободы»: распад прежних форм семьи, нарастающее отчуждение и одиночество, утрата вековых ценностей, несоответствующее биологически перенапряжение женской психики, подражание не только социальным ролям, но и нездоровым традициям мужского пола. Наряду с социальными причинами в происхождении женского алкоголизма имеются и чисто биологические: личностные, психологические, генетические.

По статистике, больше женщины, больных алкоголизмом, среди лиц с начальным и неполным средним образованием, а также связанных с обслуживающей сферой, в первую очередь — с торговлей и общественным питанием. В последнее время увеличивается число пьющих женщин с высшим образованием, некоторые авторы считают, что их на самом деле намного больше, так как они особенно тщательно скрывают свою болезнь.

Пьянству у женщины способствует и семейная неустойчивость: конфликты с мужем, разводы, вдовство, неопределенность семейных отношений.

Общество осуждает пьянство женщины неизмеримо больше, чем пьянство мужчин. Для внутреннего преодоления этого морального запрета необходимы более выраженные психические аномалии, роль которых в развитии алкоголизма у женщины чрезвычайно велика. Это могут быть истероидные черты характера, робость, неуверенность в себе, ранимость, постоянно пониженное настроение. Последняя особенность заметно усиливается после 30—35 лет, то есть к периоду, когда у женщин резко повышается риск заболеть алкоголизмом. Это наложение биологического ритма на социальные факторы часто становится губительным в судьбе женщины. Начинается постепенное увядание, нет той радости, что выплескивалась через край в двадцать лет, хочется продлить юное восприятие жизни, и одним из средств для этого, обманным, тупиковым, служит алкоголь.

Роль наследственности при этом также очень велика. Среди отцов пьющих женщин чаще выявлялись жестокие, возбудимые, деспотичные лица. Среди мате-

рей, напротив,— терпеливые, робкие, послушные, ранимые женщины. Больные женщины были нередко похожи на матерей. Отмечено также, что среди родственников-мужчин преобладали алкоголики и психопаты, а родственники-женщины страдали психическими заболеваниями, доводящими до самоубийства.

По статистике, алкоголизм у женщин развивается чаще всего в возрасте от 30 до 50 лет, то есть намного позднее, чем у мужчин, особенно повышен риск во время менопаузы.

Опьянение у женщин часто сопровождается возбужденностью, драчливостью, плаксивостью, они склонны к нанесению самоповреждений и к попыткам к самоубийству. Эйфория быстро сменяется расторможенностью и склонностью к раздражению и назойливости.

Опьяневший мужчина считает в компании неуместным сохранять нормы поведения, пьющие же женщины поступают наоборот. Поэтому очень часто пьянство у женщин бывает скрытым, преобладают не привычные условия для выпивок, а желание не привлекать к себе внимание.

Большинство авторов отмечает ускоренное развитие болезни у женщин. Это приводит к тому, что стадии алкоголизма, обычно четкие у мужчин, теряют свою очерченность и как бы наслаиваются одна на другую. Очень характерно и постоянное стремление женщин уклониться от лечения.

Похмельный синдром отличается длительным подавленным настроением, и опохмеление часто связано с желанием избавиться от него, а не облегчить физическое состояние, как бывает у мужчин.

Считается, что у пьющей женщины быстро наступает снижение интеллекта, морального и социального облика. Прогноз заболевания вообще более неблагоприятный, лечение затруднительнее. Женщины редко сами принимают решение лечиться, для этого необходимо активное принуждение или давление серьезных обстоятельств, в частности, угроза лишения материнства. Болезнь, поселившаяся в теле и душе, быстро приводит к самоустранению сначала из общества, а потом и из жизни.

Все это так, но женщина, не приученная к вину, не станет искать в нем спасения и успокоения. Для этого необходимы годы «нормального» традиционного приобщения к спиртному. Не только хорошее в человеке,

но и дурное начинается с детства и юности. Невинные семейные застолья по праздникам и дням рождения, на которых взрослые пьют, едят и поют песни, могут вызвать в душе ребенка неверное понимание этого, как атрибута здоровой взрослой жизни. Фильмы и книги, принятые без критического отношения, рисуют «красивую жизнь», сопряженную с шикарными туалетами и машинами, с полутемными барами, где неотразимые красавцы угощают своих избранниц шампанским и экзотическими коктейлями. Мало понимания губительности всего этого, намного труднее найти что-то иное, по своей притягательности способное заменить искушение приобщиться к «красивой жизни»...

Поэтому особенную тревогу вызывает алкоголизм у подростков и юношей. В развитых странах за последние десятилетия он увеличивается ускоренными темпами, причем уменьшается разрыв между юношами и девушками. Условно разделяют этот нелегкий возраст на два этапа: подростки — от 14 до 18 лет, и юноши — от 18 до 20 лет. Приобщение их к спиртному начинается в разное время, но к окончанию школы выпивали уже более 90% и ощущали опьянение. Такие больные поздно обращаются за помощью, ибо они и их ближайшие родственники считают пьянство подростка не заболеванием, а дурной привычкой.

Из причин биологических и физиологических, способствующих развитию алкоголизма у подростков, отмечают перенесенные в детстве черепно-мозговые травмы, задержки в физическом развитии, психическую заторможенность или возбудимость в первые годы жизни, черты легкой дебильности, психопатии. Особенно важна роль последних, так называемых пограничных состояний — на грани между нормой и собственно психическими заболеваниями. Побудительными мотивами к выпивке служат желание испытать состояние с веселым настроением, или «от нечего делать», или демонстрация с целью привлечь к себе внимание, или для преодоления робости и неловкости в общении.

Вторая группа условий зависит от неблагоприятных микросоциальных факторов, частота которых в семьях больных достигает 90%. Главное при этом — алкогольное окружение: пьющие отец или мать. Позднее на первый план выходит «алкогольная компания» по месту жительства, учебы или работы. Устойчивые алкогольные традиции служат основной причиной приоб-

щения молодежи к пьянству. Неблагоприятные микро-социальные условия создают алкогольную личность еще до болезни. Отношение родителей к этому чаще всего неправильное. Отцы нередко равнодушны, матери часто недооценивают, преуменьшают или скрывают пьянство детей.

К третьей группе условий относится характерная для подростков склонность к объединению со сверстниками. Эта неформальная группа часто становится главным регулятором поведения. Пьянство подростков проявляется главным образом в группе, в компании.

Подростки и юноши более чувствительны к алкоголю, дозы, небольшие для взрослых, вызывают у них тяжелые отравления. Уже в начале регулярного пьянства часто возникают измененные формы опьянения, что приводит к появлению злобности, повышенной агрессивности, склонности к совершению преступлений.

Алкоголизм формируется в сжатые сроки, обычно тем быстрее, чем моложе больной, в 2—4 раза быстрее, чем у взрослых! О неосознанном влечении к спиртному говорит оживленность больных при упоминании о выпивке, подробные разговоры о прошедших пьянках, активность при поисках спиртного. Чем моложе больной, тем раньше возникающее у него влечение становится неодолимым, эпизодическое пьянство бывает кратковременным и быстро сменяется регулярным. Похмельный синдром развивается быстро, через 1—2 года. Изменения личности также проявляются очень быстро. У одних больных преобладает возбудимость и взрывчатость с неприязнью к окружающим, особенно к близким. У других на первый план выступает развязность, беспечность, цинизм. Критическое отношение к своему состоянию снижено или совсем отсутствует. Характерно равнодушие к работе и учебе, и вообще ко всему, что не связано со спиртным. Не происходит дальнейшего расширения интеллекта, личность останавливается в своем развитии. В первую очередь поражается эмоционально-волевая сфера. Смертность от пьянства самая высокая среди всех возрастов. На первом месте стоят самоубийства и несчастные случаи, на втором — различные болезни, вызванные алкоголизмом. Средняя продолжительность жизни не превышает 42 лет. Человек, еще не успевший ничего сделать, погибает безвременно и постыдно.

Глава восьмая

ПОСЛЕДСТВИЯ

Чаше всего пропаганда против пьянства сводилась к живописанию следствий его: автомобильные катастрофы, преступления, рождение дебильных детей, развитие слабоумия, влияние на психику, внутренние органы и прочее. К сожалению, при всей искренности авторов таких статей и фильмов, многое остается в стороне, ибо следствия, оторванные от причин, при всей правдивости выглядят неубедительно.

Все это похоже на привычные в детстве родительские запреты не выбегать на проезжую часть дороги, основанные на том, что ребенка непременно задавит машина. Все верно, случается и такое, но ребенок на собственном опыте постепенно убеждается, что опасность не так велика и при соблюдении определенных правил можно легко избежать беды. Так получается и с алкоголизмом. Врачи и юристы не жалеют красок, приводя яркие примеры следствий болезни. А в быту каждый знает, что болезнь отнюдь не неизбежна и якобы можно, соблюдая правила, дожить до старости и не спиться, ибо примеров долгой жизни намного больше, чем смерти под забором. И тем не менее отчего-то забывается страшная истина: смертность от последствий пьянства стоит на третьем месте после сердечно-сосудистых заболеваний и злокачественных опухолей. А если учесть, что алкоголь провоцирует и то и другое, то чуть ли не на первом!

Если в средние века смертность в основном зависела от внешних причин: массовые эпидемии, войны, голод, то сейчас человек стал хозяином своей судьбы настолько, что выбирает сам свою будущую смерть: заболевает стенокардию, гипертонию, рак легких, цирроз печени и прочее, зависящее от его личного выбора — курить или не стоит, пить или отвергнуть навсегда любые спиртные напитки.

И часто делается неправильный вывод: из части целого судят о всем целом — не пей за рулем, и все будет хорошо; воздержись от шампанского в день свадьбы — и ребенок будет здоров, а преступление совершай на трезвую голову, и все обойдется... А в остальное время — почему бы не выпить?

Мы постарались проследить цепь причин алкоголизма чуть ли не с самого начала — с процесса спир-

тового брожения и подсознательных побуждений человека. Для полноты картины закончим последствиями заболевания.

Их принято разделять на социальные и медицинские. Разумеется, деление условно, ибо первое легко перетекает во второе, и наоборот. Человек, заработавший гипертонию на почве пьянства, вынужден долгие дни проводить на больничном листе, нанося государству двойной ущерб — тем, что за эти дни не приносит пользы, и тем, что ему надо платить. А социальные следствия — скандалы в семье подрывают здоровье близких. Причинно-следственные цепочки сложны и притянутелы, но начало им одно: пристрастие к спиртному.

Прежде всего алкоголь, как яд психотропный, приводит к временной или к стойкой социальной дезадаптации. Даже при легком опьянении нарушаются прежде всего психические функции: ослабляется внимание, ухудшается координация движений, эйфория ведет к переоценке своих поступков. Влияние алкоголизма на производительный труд глубоко и постоянно. Производительность больных даже в трезвом состоянии ниже средней нормы на 4—5%. А в состоянии похмелья падает на 15—30%. Что уж говорить о работе в пьяном виде! Убытки от прогулов и порчи сырья и оборудования также очень велики. Пьяницы быстро отходят от трудовых норм коллектива, легко конфликтуют, вследствие чего часто меняют место работы, постепенно скатываясь до неквалифицированного труда. Моральные, этические и интеллектуальные нарушения приводят к нежеланию вообще работать, вызывают утрату знаний и навыков.

Несчастные случаи на производстве увеличиваются более чем в два раза, травматизм в быту и на работе выходит за рамки случайного и становится закономерным. Так, алкогольная интоксикация при насильственной и скоростной смерти установлена в 60%. Опьянение различной тяжести сопровождало 55,9% автомобильных травм, 71,9% прочих транспортных травм.

Пьянство резко увеличивает число самоубийств, по данным некоторых авторов, до 40% всех случаев.

Влияние пьянства на крепость семьи широко известно, но стоит привести печальные цифры. Распад семьи у алкоголиков достигает 1/3 всех разводов, а конфликтные ситуации во всех случаях приводят к

тому, что близкие больного находятся в состоянии постоянного нервного стресса. Так, неврозы у жен алкоголиков достигают 66%, причем у половины из них нарушения психики столь выражены, что необходимо лечение у психиатра. Не менее отрицательно сказывается это и на здоровье родителей и детей пьяниц. Между алкоголизмом родителей и здоровьем детей существуют четкие взаимосвязи. Отставание таких детей от сверстников практически неизбежно. Кроме зачатия в состоянии опьянения, к особенно тяжелым случаям относится пьянство в период беременности матери. Появился даже специальный термин: алкогольная эмбриопатия, которая проявляется резким отставанием в развитии, как умственном, так и физическом, в том числе с появлением различных врожденных уродств и пороков. Но даже если ребенок из семьи пьющих сразу же после рождения не отстает от сверстников, то жизнь в стрессовых ситуациях приводит к различным неврозам, служащим причиной многих и многих бед.

Совершенно закономерно вытекает из пьянства склонность к совершению преступлений. Исчезают моральные запреты, снижается критика к своим поступкам, увеличивается агрессивность.

К очень важным следствиям относится изменение общественных взглядов и моральных норм. С увеличением лиц, употребляющих спиртное, происходит смягчение моральных запретов, растет число алкогольных традиций и обычаев, затягивающих все большее количество людей. Начинается цепная реакция, когда невозможно найти взрослого человека, ни разу в жизни не взявшего в рот спиртного. А раз «все грешны», то и отношение к пьяницам более мягкое, особенно на работе, где до недавнего времени считалось нормой отмечать дни рождения и праздники прямо на рабочем месте. При появлении большого числа «центров кристаллизации» неизбежно вовлечение в этот процесс чуть ли не всего населения. И как любая цепная реакция, в какое-то время это становится неуправляемым... Что, как известно, чревато взрывом.

Довольно хорошо известны последствия пьянства чисто медицинского характера. Алкоголь влияет на все органы и системы организма, а известное положение, что одна причина порождает разные следствия, определяется прежде всего генетическими различиями между людьми. А говоря точнее, алкоголь рвет тонкие места,

проявляет предрасположенность к тому или иному заболеванию, обостряет и искажает болезни, уже приобретенные, и в конечном счете резко укорачивает жизнь. И более того: ослабляет самозащиту организма, выводит из строя его неподкупную оборону, пробивает бреши в стенах, распаивает настежь крепостные ворота. Отсюда и вытекает, что общая заболеваемость пьяниц в два раза выше, чем у людей, не склонных к пьянству.

Думаю, что многие видели плакаты и муляжи с устрашающим изображением печени алкоголика. Правда, психологический эффект от этого зрелища чаще всего низок, потому что нормальный человек, не связанный с медициной, вряд ли поймет до конца, как у него, «немного выпивающего», может быть когда-нибудь такая печень. А почему бы и нет? Заболевания печени как раз и характерны для алкоголизма, а мы с вами уже выяснили, что алкоголик — не только тот, кто лежит под забором, но и тот, кто выпивает стакан водки и уходит домой твердой походкой. Обычно запугивают пьяниц будущим циррозом. Слово это как-то вошло в обиход, его все знают, хотя и не представляют до конца, что же это такое. Но цирроз печени развивается лишь в конце «алкогольной биографии», а перед ним уже намечаются изменения в печени, одним из которых является алкогольная жировая дистрофия. Это наиболее распространенная при алкоголизме форма поражения печени. И самая коварная, потому что больной практически не замечает ее. Появляются лишь общие жалобы на чувство переполнения желудка, вздутие живота. Границы печени несколько увеличены, возможна болезненность при нажатии. Печень одной из первых принимает удар на себя и гибнет одной из первых. Именно в ней происходит расщепление алкоголя, и неудивительно, что клетки ее под действием яда перерождаются и заполняются жиром — практически бесполезным балластом. Если продолжать пить, то наступает новая фаза — алкогольный гепатит. И это — уже необратимая форма. Появляется тяжесть в области печени, отрыжка, легкая тошнота, после особо сильных возлияний — рвота с желчью, боль в правом подреберье, подъем температуры. Печеночные клетки отмирают. Что и приводит к печально популярному циррозу печени. Внешний вид таких больных довольно характерен. На коже видны сосудистые «звездочки», красный нос — тоже симптом цирроза. Выпадают волосы,

больной худеет. Смерть от цирроза страшна. Застой в печени вызывает расширение вен пищевода, готовых вот-вот лопнуть. И лопаются, и больной захлебывается собственной кровью, и спасти его практически не удастся...

Воспаление поджелудочной железы — панкреатит, встречается у 25% алкоголиков. Железа эта настолько важная для жизни человека, что острое воспаление ее до сих пор является жгучей проблемой медицины. Без нее не проживешь и ничем не заменишь, и поэтому понятна глухая тоска хирурга, увидевшего на операции черную, пораженную некрозом железу. Тоска, порожденная бессилием.

Поражения желудка и кишечника связаны с непосредственным действием алкоголя на слизистую. Особенно часто они проявляются у любителей крепких напитков. Алкогольный гастрит отмечается у 95% больных алкоголизмом. Обычны жалобы на отсутствие аппетита, тошноту, отрыжку, неприятный вкус во рту, боль под ложечкой. Возможна рвота утром натощак с примесью крови. Язык обложен сероватым налетом. При воздержании от алкоголя гастрит обычно утихает.

Токсическое действие алкоголя на сердце и сосуды многообразно. Зачастую спиртные напитки активизируют предрасположенность больного к тем или иным сердечно-сосудистым заболеваниям и обостряют уже имеющиеся. Таковыми и являются два бича нашего времени: гипертоническая болезнь и стенокардия. Но есть присущая только алкоголизму болезнь: алкогольная кардиомиопатия. Алкоголь непосредственно нарушает процессы обмена в сердечной мышце и, кроме того, вызывает дефицит витаминов группы В, создает сердцу дополнительную нагрузку. Пульс при этом учащен, при нагрузке возникает одышка, к концу дня отекают ноги, работоспособность снижается, больной вынужден обращаться к врачу, которому явно придется поломать голову над причинами недуга.

О влиянии алкоголя на наследственность в последнее время много писалось и говорилось. Защита будущих поколений от болезней и вырождения — очень важная и своевременная задача. Но опять-таки, массовая пропаганда заостряла внимание на частностях, вынуждая делать из них общие выводы, и почти не затрагивала всей полноты проблемы. Борьба в основном была на-

правлена против зачатия в пьяном виде, и кинематографисты не жалели красок, показывая дебилов и уродов, зачатых после криков «горько!» Но проблема эта, к сожалению, значительно более сложная и обширная, чем это кажется людям, считающим, что если не пить в день зачатия, то гарантия полноценного потомства уже обеспечена. А до этого — можно. И во-вторых, если, мол, родился не урод и не дебил, то все нормально. А если родился слабый, болезненный ребенок? Если он часто болеет, плохо развивается, если он нервный, крикливый, жестокий, капризный? Если он в детстве мучает кошек, а потом вырастает жадным, завистливым, подлым? Дефекты воспитания?.. Увы, все не так просто. Отрицая генетику, мы одно время были склонны слишком уж переоценивать роль воспитания. А ведь изменить психический склад человека фактически так же невозможно, как форму носа или цвет глаз с помощью педагогики. Наследственная передача психической патологии намного страшнее и опаснее для будущих поколений, чем рождение тех же уродов. Уроды просто не оставят потомства и отсекутся, как сухие ветви, а условно «нормальные» выживут, нарожают детей и передадут им часть своей неполноценной души... Или неполноценного тела.

Вот что на самом деле страшно! А не только уродливые идиоты, не сознающие ни себя, ни места своего в мире. Наследственный фонд народа все еще кажется нам неисчерпаемым, но мы давно убедились, что ничего бесконечного в природе нет. Этот радужный взгляд уже привел нас к экологическим потрясениям и многим бедам. А ведь окружающая среда — это не только леса, степи, горы и моря с птицами и зверями, деревьями и травами, но и сами люди, все человечество! И все, что создано им. И все, что будет создано.

По-видимому, настала пора приниматься за решение проблемы комплексно и не разделять ее на частности: охрану среды, охрану памятников, охрану материнства и детства, борьбу с пьянством, борьбу за мир. Все это ведется с одной целью — защитить будущее, сохранить для человечества еще нерожденный XXI век, и XXII, и XXIII...

В утверждении, что у пьяниц рождаются неполноценные дети, есть лазейка — не всегда и не у всех. Любой может привести примеры, как у пьющих родителей вырастали умные и хорошие дети, здоровые и добрые.

И наоборот: у трезвых родителей вдруг рождается умственно отсталый ребенок. Проблема эта не так давно стала объектом научных исследований, но уже сейчас кое-что выяснено. Оказалось, что алкоголь не действует непосредственно на наследственный аппарат, на хромосомы, они надежно защищены от него. Но он резко повышает чувствительность генома человека к внешним воздействиям, которые при обычных условиях не изменяют наследственности. Это может быть повышенная солнечная активность и космические излучения, изменения в питании, загрязнения окружающей среды, побочное действие лекарств и еще сотни самых неожиданных причин, о которых мы пока не подозреваем. В нормальных условиях эти факторы практически не вызывают изменения в хромосомах, но алкоголь распахивает и здесь крепостные ворота, действуя подобно вражескому лазутчику. Нельзя забывать и о том, что следы однократной выпивки могут быть найдены в организме в течение двух недель. А если человек пьет регулярно, то стабильность генома нарушается надолго, и едва ли стоит рассчитывать, что она быстро придет в норму. И чем дольше человек пьет, тем больше угроза того, что яйцеклетка будет оплодотворена ущербным сперматозоидом.

Глава девятая

ЛЕЧЕНИЕ

Мы пытались разобраться в нескольких вопросах: что люди пьют, почему пьют, как пьют и что бывает при этом. И осталась перед нами большая и трудная проблема: как отучить людей пить и как избавиться от угрозы страшного заболевания.

Нетрудно понять, что и здесь легче предупредить болезнь, чем ее лечить, и чем она запущеннее, тем сомнительнее выздоровление. И даже более того: алкоголизм, как болезнь необратимую, можно лишь остановить, но не повернуть вспять. Отсюда простой вывод — чем раньше оборвать цепочку, ведущую к неизлечимому недугу, тем надежнее результат.

Цепочка эта разделяется на два отрезка: производство и потребление спиртных напитков. На первый взгляд, ситуация абсурдная, никто, скажем, не произ-

водит вирусы гриппа в промышленных масштабах, эпидемии начинаются по независимым от человека причинам. Никто не додумался пока до легального распространения рака. Нам приходится бороться с этими недугами уже на стадии «потребления». Но алкоголь?! Ведь мы же сами, своими руками, на протяжении тысячелетий производим его все в больших и больших количествах. Казалось бы, что может быть проще: прекратить производство спирта, распахать виноградники, ужесточить наказание за кустарное винокурение — и проблема решена. Нет причины, не будет и следствий. Но увы! Все не так просто. Слишком далеко зашли люди на этом пути, слишком много рабочих рук занято производством, слишком много средств вложено в него. Порочный круг давно уже втянул в себя экономику, сельское хозяйство, промышленность, устойчивые стереотипы, извращенные традиции. И тем не менее именно наша страна впервые решилась сократить производство спиртного, именно при социализме сделать это можно планомерно, в масштабах государства, пусть и не сразу, но — раз и навсегда.

Если разбить цепочку производства на отдельные звенья, то можно разорвать ее в любом месте, а при фантазии — даже в самом невероятном. Основа для получения спирта — процесс брожения. Основа брожения — дрожжевые грибки. Уничтожение начального звена означало бы уничтожение дрожжей, как биологического вида. У человечества есть личный счет на животных и растения, исчезнувших навсегда в природе. Но при всех яростных атаках нам не удалось избавиться ни от одного микроорганизма. Защитой их при выживании надежно служат многочисленность, всеобщность, скорость размножения и способность приспособливаться к самым неблагоприятным условиям. В конечном счете, это они, а не мы — хозяева Земли. Но, может быть, мы сможем разорвать второе звено: с помощью направленных мутаций, генной инженерии, изменим биохимию дрожжей? Чтобы они производили, скажем, не этиловый спирт, а другое полезное вещество — пропан или бензин?.. Это фантастика, но то, что нам кажется нереальным сегодня, быть может, послезавтра будет выполнимым?

И к той же области ненаучной фантастики можно отнести изменение наследственности человека так, что он или будет абсолютно нечувствительным к алкоголю,

или, наоборот,—малейшая доза спиртного вызовет бурную реакцию протеста со стороны организма.

На сегодняшний день самые слабые звенья цепи находятся на втором отрезке — в потреблении спиртных напитков.

И самое важное звено здесь — уничтожение или замещение алкогольных традиций, изменение отношения не только к пьянству, но и к любому потреблению алкоголя, даже в самых «невинных» дозах и при самых «уважительных» причинах. Еще никогда и нигде не боролись с этим начальным звеном. Вплоть до последнего времени. История учит нас, что уничтожение ритуалов и традиций — дело крайне нелегкое, значительно легче и мудрее изменить часть ритуала, точнее — заменить ее менее опасной и пагубной. Исторических аналогий этому много. Православная церковь на Руси ничего не сумела сделать с языческими обрядами и праздниками, и ей пришлось воспользоваться привычной магией слова: изменить название «пирожка», а потом, частично — и его начинку. Всем известны примеры замещения культа Перуна Ильей-пророком и посвящение древнего праздника летнего солнцестояния Иоанну Крестителю. Он так и остался под двойным именем: Иван Купала. Иоанн — из еврейской мифологии. Купала — из славянской. И практически все христианские праздники наложилось на древние, языческие.

Подобное же замещение мы видим при эволюции ритуальных жертвоприношений. Кровавая человеческая жертва, сопровождаемая людоедством, — самый ранний этап. Потом мы видим забвение людоедства, хотя человеческое жертвоприношение остается. Позднее человека заменили животные. Еще позднее — жертва бескровная: аромат ладана, свет свечей, слова молитвы. Таковую же цепочку можно видеть при захоронениях. Кровавые жертвы заменились символическими дарами.

И сейчас многие с трудом могут себе представить новогодний праздник, день рождения или свадьбу без вина. Но уже начинается замещение наркотического веселья — весельем естественным.

С этой точки зрения абсолютно правильным представляется и другой путь замещения алкогольных напитков менее опасными, а потом и вовсе безобидными, превращающими «кровавую жертву» в ее символ. Это постепенный переход на малоалкогольные вина, а позд-

нее — и на совсем безалкогольные. (Хотя сочетание слов — безалкогольное вино все еще кажется абсурдным, как прозрачное молоко или безбелковое мясо. Да и цены на такие напитки должны быть намного ниже, чтобы составить конкуренцию привычным, опьяняющим). Это можно сравнить с замещением сахара сорбитом, ксилитом и сахаринном для больных диабетом. Химическая формула абсолютно другая, а общий признак, сладость, остается.

Нет такого вещества, которое бы в безопасных пределах вызывало чувство опьянения. Нет и не будет. Надеяться на замещение этого звена бессмысленно. Стремление человека к перемене настроения можно и нужно замещать другими, ненаркотическими способами. Ведь еще есть музыка, литература, зрелища, спорт, хобби... Любовь, в конце концов! «Пьян без вина», — это не метафора, это естественное ощущение счастья. И все это в большинстве случаев только на пользу. Поэтому путь, направленный на развитие спорта, садоводства, духовных потребностей людей, абсолютно правилен.

Изменение массовой психологии, создание центров кристаллизации, с полным отказом от спиртного и расширение их, рано или поздно приведет ко все большей притягательности, даже более того — к престижности трезвости. Если выпивка станет «не модной», постыдной, и будет отрицательно влиять на отношение к тебе людей, то постепенно пьянство станет столь же скрытым, как наркомания, а потом снизится до безопасного уровня. Во всяком случае, так произошло с христианской религией в нашей стране. Никто не запрещает верить или ходить в церковь. У нас есть верующие, и никто их не осуждает, но церковь и сама религия перестали влиять на социальную психологию и становятся нейтральными. Вряд ли удастся уничтожить пьянство сразу, но резко уменьшить его масштабы, нейтрализовать последствия вполне нам по силам.

Следующее за ритуалами звено — первичное влечение к алкоголю. Мы уже поняли, что основа его — в измененной биохимии мозга. Оборвать болезнь на этой стадии — означало бы большую победу над начавшимся недугом. Найти нужные химические вещества, лекарства для этого звена — одна из важных задач фармакологии.

Логически вытекает отсюда следующее звено цепи —

формирование отвращения к алкоголю. Казалось бы, если человек начнет испытывать такое же брезгливое, граничащее со страхом чувство к рюмке, какое испытывает большинство женщин к мышам и паукам, то обрыв цепи неизбежен. Но существующие сегодня средства пока не слишком эффективны. Найти их — тоже важная задача для ученых.

Следующее звено — это физическое наказание за прием спиртного. Немедленное и неотвратимое, как удар электротока при прикосновении к оголенным проводам. Собственно говоря, это и есть основа современного лечения алкоголизма. Она так и называется — активная терапия. Одним из средств является тетурам или антабус, задерживающий распад алкоголя на стадии ацетальдегида. Последнее вещество и вызывает «удар кнутом»: кожа краснеет, падает артериальное давление, затрудняется дыхание, появляется чувство страха. Несомненно, что этот путь эффективен, и вряд ли наркологи откажутся от него, особенно при запущенной болезни. Но стоит ли скрывать то, что известно любому леченому больному? Если человек не хочет лечиться, то он найдет массу способов избежать наказания. На каждую уловку медиков при этом найдется своя антиуловка, а то и несколько. Если выдашь тетурам, понадеявшись на совесть больного, то он его просто выбросит. Если следить за приемом лекарства, то больной умудрится ловко выплюнуть или быстро заменить его другим. Если и здесь не удастся обхитрить медиков, то на помощь приходит химия. Неизвестно, кто первый додумался нейтрализовать тетурам с помощью различных веществ, вполне возможно, что это был знаток химии, но сейчас практически все больные знают, что нужно применять для «обезвреживания» лекарства, и бывает так, что человек, прошедший долгий курс лечения, на другой же день после выписки напивается допьяна, с блатной похвальбой куражась над бессилием медицины. И, к сожалению, бесполезно объяснять, что сам тетурам почти безвреден, а вот продукты распада его при «вытравливании» токсичны и могут вызвать необратимые изменения во всех органах. Психологическое сопротивление болезни слишком велико.

«Эспераль», которую вшивают под кожу больного, все еще остается самым эффективным долгосрочным средством. Страх перед смертью перебарывает влече-

ние к спиртному, но непременно условием для этой операции является добровольное осознанное желание больного избавиться от недуга. А само это желание уже является основой для любого другого вида лечения.

Распространено мнение, что главное — добровольный волевой отказ от спиртного. Все верно, но не стоит полагать, что это легко сделать в любое время. Как раз осознанное понимание пагубности своей болезни встречается не часто. Особенно при постоянном алкогольном окружении, когда остаются неизменными причины для выпивки и нет стимула более сильного, чтобы поставить его выше тяги к выпивке.

Стимул этот должен быть по крайней мере таким же мощным, а желательно — еще сильнее. Осознанный страх перед неотвратимой смертью, страх потери детей и близких, потери прежнего социального положения, материальных благ достаточно силен при начавшейся болезни. Страх перед утратой свободы тоже велик. Поэтому совершенно правомерны юридические меры, направленные на ужесточение наказания за пьянство, спекуляцию и самогоноварение. При охоте на лис нет смысла раскапывать нору, пока не перекрыты запасные лазейки. Именно комплекс мер, направленных на пресечение всех звеньев производства и потребления спиртного, будет эффективным, иначе затравленный зверь уйдет через запасной выход.

Именно так и происходило до недавнего времени, что и привело к созданию мифа — мол, все меры бессмысленны и бесплодны.

В какой-то степени эта односторонняя борьба напоминает историю борьбы человека с болезнетворными микробами и вредными насекомыми. Легко найти общие диалектические закономерности. Поиск новых и новых лекарств, убивающих микробы, приводит к массовым мутациям среди них и к появлению организмов, устойчивых к этим веществам. Приходится искать новые лекарства, и недолгий эффект оборачивается вспышкой размножения новой разновидности микроба. История уничтожения насекомых столь же плачевна, а применение печально известного ДДТ привело не к снижению популяций вредителей, а к отравлению почвы и воды чуть ли не на всем земном шаре.

Первоначальная борьба с пьянством не выходила за рамки морального осуждения, что было не более эффективно, чем, скажем, поставить убийцу в угол и

прочитать ему нотацию. И только в середине XIX века на пьянство стали смотреть не как на моветон, а как на болезнь тела и души, как на порок социальный. И поняли наконец-то, что одними уговорами болезнь не вылечишь. Но понадобилось еще более века, чтобы уяснить себе простую вещь: борьба может быть только комплексной, бескомпромиссной, целенаправленной, иначе «мутация» болезни и новая вспышка на неожиданном прорыве фронта неизбежна.

Социальные меры, направленные на оздоровление общества, применялись с давних пор. Иногда они освящались религиозными запретами, иногда имели лишь временный характер. Так, сухой закон, привычно считающийся изобретением нашего века, был введен (кажется, впервые) в XI веке в империи Цзинь во время военных действий. О запрете на вино у мусульман — разговор особый — в последней главе.

Инициатива борьбы с пьянством за последние десятилетия исходила не только сверху, но и снизу. «Большая энциклопедия» под редакцией Южакова, изданная в начале нашего века, отмечает, что «для борьбы с алкоголизмом образовались уже давно общества трезвости, которые вели свое дело с большой энергией, но не всегда правильно... Государство, помимо законов, имеющих целью улучшить условия труда и жизни рабочих, принимало всякие предупредительные полицейские и репрессивные меры для борьбы с алкоголизмом — ограничение производства водки, высокий налог, уменьшение числа винных лавок, надзор за ними, затем уменьшение налогов на наиболее здоровые крепкие напитки и забота о чистоте водки... В Америке на пьянство смотрят, как на болезнь, против которой общество старается оградить себя заключением пьяниц в специальные приюты... В Германии — лишение прав, невозможность злоупотреблять собственностью и кредитом, стеснение в родительских правах, опека... Относительно правоспособности — пьющий равен несовершеннолетнему, достигшему семи лет... Первое убежище для алкоголиков было создано в Бостоне, в 1857 году...»

Вот это первое убежище и стало началом развития наркологической сети в мире.

В 1865 году, в шведском городе Готенбурге была принята так называемая Готенбургская система, распространившаяся и на соседние страны: Норвегию и Финляндию. Продажа спиртных напитков разреша-

лась только благотворительным организациям, которые сдавали доходы от этого государству и общине, за исключением 5—6%, затраченных на оборот. Эта совершенно неэффективная мера была направлена на устранение материальной заинтересованности частных лиц, но зато привела к росту государственных доходов. Пьянство не сократилось.

Следующим шагом была введенная в Швеции система Братта, при которой спиртное выдавали только по карточкам. Карточки давали право главе семьи купить 4 литра (!) водки в месяц. Подобное «ограничение» все же привело в первые годы к снижению потребления алкоголя на 30%, но потом пьянство, «потолкавшись у закрытых дверей, забралось в окно» и резко увеличилось, что привело к отмене системы.

Сухой закон среди европейских стран тоже обязан своему рождению скандинавским странам. Казалось бы, идеальный полигон для испытания этой меры — изолированный остров Исландия. Там относительно легко бороться с контрабандой и с кустарным производством спиртного. Он и был введен в Исландии в 1912 году и просуществовал там до 1923 года. И отменен был под мощным внешним давлением Испании, которая потеряла рынок сбыта своего вина и, не желая терпеть убытки, пригрозила Исландии не покупать у нее рыбу. Такое же давление было оказано Испанией на Норвегию и Финляндию, где сухой закон был в силе с 1919 по 1932 год. К тому же, в этих материковых странах, окруженных «пьющими» государствами, резко возросла контрабанда спиртных напитков, и согласно старой истине — «запретный плод сладок» — увеличилось потребление и заболеваемость.

Ограниченность и односторонность мер, направленных на снижение потребления спиртных напитков, всегда приводила к неэффективности и к ложному убеждению, что любые меры бессмысленны. Если расширять пропаганду о вреде пьянства, но в то же время не уменьшать выпуск спиртных напитков, то трудно ожидать эффекта. Только ужесточение мер, как юридических, так и медицинских, последовательный курс на сокращение выпуска вина и водки, борьба с самодельным, наркоманией, токсикоманией может дать положительный результат.

Было бы желание и осознанная воля людей, понявших, что сомнительные выгоды от продажи спиртного

не идут ни в какое сравнение с ущербом, наносимым пьянством. Это старая истина, почти сто лет назад автор статьи в словаре Гранат отмечал: «Для успешной борьбы с пьянством необходимо, чтобы борьба велась искренне, чтобы народное пьянство не служило фундаментом финансового благополучия...»

Основой наркологической службы у нас в стране служит наркологический диспансер, созданный с 1976 года. Задачи его, согласно приказу Минздрава, насчитывают девятнадцать пунктов, от чтения лекций и социально-бытовой помощи больным до лечебной работы. Диспансер включает в себя участковые наркологические кабинеты, в том числе подростковый, кабинеты и фельдшерские пункты на промышленных предприятиях, в совхозах, строительных организациях, кабинет экспертизы опьянения, кабинеты для приема больных по направлениям психиатра-нарколога, невропатолога, терапевта, психолога, а также гипнотарий.

Лечение проводится как амбулаторно — больной получает лечение в наркологическом кабинете, не теряя связи с прежней работой и семьей, так и стационарно — практически на больничном режиме, включая работу по направлению врача. И в амбулаторию, и в стационар можно обратиться самому больному, добровольно, и скажу сразу — к таким больным и отношение иное, более доброжелательное. Но чаще бывает так, что администрация, родственники, милиция вынуждены насильно принудить больного к лечению в стационаре, а в случаях полного нежелания лечиться — к пребыванию в лечебно-трудовом профилактории.

Само лечение алкоголизма сводится к двум основным методам: медикаментозная терапия и психотерапия, хотя это деление несколько условно. Главное при лечении — непрерывность и длительность. Нет пока «чудодейственного» средства, быстро избавляющего человека от пагубной болезни, и нужно раз и навсегда понять больному, что надежды на чудо нет и не будет, и он должен стать союзником врача, а не искать иных средств, выходящих за пределы медицины.

Начальный этап медикаментозного лечения призван оборвать запой, облегчить абстиненцию, нормализовать физическое и психическое состояние больного. Интенсивное лечение при этом ускоряет подготовку к основному этапу, восстанавливает трудоспособность больного, снимает выраженное влечение к спиртному. Одновре-

менно проводится выявление сопутствующих заболеваний и своевременное лечение их.

Витаминотерапия при этом — очень важна. Алкоголь разрушает прежде всего запасы витаминов группы В. Так называемая дезинтоксикационная терапия призвана устранить из организма накопившиеся токсические вещества. Психотропные препараты необходимы для восстановления психики: при возбуждении, перевозности и бессоннице — успокаивающие лекарства, при угнетении, депрессии — антидепрессанты.

После этого начинается условно-рефлекторная терапия (УРТ). Суть ее сводится к одновременному введению рвотных средств и ополаскиванию рта раствором спирта. Вырабатывается рефлекс — отвращение к запаху и вкусу спирта.

И основной этап — так называемая сенсibiliзирующая терапия — прием лекарств, вызывающих бурную реакцию организма после возможной выпивки.

Психотерапия алкоголизма не менее важна, чем медикаментозная, и ее эффективность в огромной степени зависит от искусства врача. Психотерапия начинается с самой первой беседы врача с больным. Важно при этом выяснить, что привело больного к врачу: осознание необходимости лечения и искреннее желание бросить пить или служебные и семейные неприятности, когда он ищет в лечении своеобразное убежище, которое ненадолго может снять с него ответственность за недостойное поведение, спасти от нареканий, представить в глазах окружающих, как больного, нуждающегося в помощи. Такие больные хуже поддаются лечению, но их не стоит считать совершенно неизлечимыми. Пробудить желание лечиться и заинтересовать больного в результатах лечения врач может при использовании психотерапии. Она всегда эффективна в тех случаях, когда больной сам хочет избавиться от своего страдания.

В беседе с больным не стоит читать скучные наставления, осуждать или угрожать. Его надо одобрить, вселить надежду на излечение, пробудить веру в собственные силы, доказать эффективность помощи. Психотерапевт не может уклониться от помощи больному в улаживании его семейных и служебных дел. Надо сделать так, чтобы родственники создали дома атмосферу доверия к лечению, поверили в искренность его намерений, прекратили упреки и укоры за то плохое, что было в прошлом.

Собственно говоря, отношения психотерапевта и больного должны приближаться к тому идеалу, который возникает при полном доверии между родителями и детьми. Умение прощать пустяки и настоять на главном, не повредить, предостеречь, подтолкнуть на верный путь, одобрить, заставить поверить в себя — нелегкая наука, требующая врожденного таланта и долгой работы над собой...

Глава десятая

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К ПЬЯНСТВУ

Для полноты картины хотелось бы привести ряд иллюстраций, относящихся к разным временам и странам. Разумеется, материал будет разрозненным и эпизодическим — отдельные картинки и выписки из книг, характеризующие отношение общества к пьянству, и даже более того — отношение отдельных авторов, чей взгляд на болезнь может и не совпадать с господствующим.

Немудрено, что в давние времена, когда понятия морали не выходили за рамки религии, именно последняя выражала свое отношение к пьянству. Применение наркотических средств для общения с миром богов характерно для многих народов. Этот взгляд в буквальном смысле слова является пережитком древних времен, ибо сумел пережить религиозные системы и приспособиться к изменившейся жизни. Процесс, совершенно аналогичный мутации у микробов! И неудивительно, что даже христианство, в общем-то равнодушное вначале к этой проблеме, включило в свое мировоззрение вполне терпимый и даже поощрительный взгляд на «умеренное» винопитие.

У некоторых народов дурманные вещества не включались в религиозные системы, и поэтому идеология или оставалась равнодушной к ним, или осуждала, но с позиций ритуала. Ибо считалось, что человек с затуманенным разумом как раз не сможет вступить в контакт с высшей силой. Это видно по отношению к алкоголю у буддистов и мусульман. Буддизм ставил пять первоначальных запретов для желающих стать монахом: не убий, не укради, не лги, не прелюбодействуй, не пьянствуй.

Коран и шарият запрещают мусульманам пить вино, ибо пьяный не может совершить намаз, молитву

нельзя начинать нечистым, к числу которых относились и пьяные. Несомненно, это сыграло свою положительную роль, по явно не стоит преувеличивать эффективность этого запрета. Винопитие считалось грехом, но грех этот совершался намного чаще, чем нарушение запрета есть свинину. И наказание за него вряд ли было суровым, если во все времена находились не только виноградари, но и винодельцы, и виноторговцы, и винопьянцы. Омар Хайям ведь тоже был правверным мусульманином... К сожалению, Магомет не учел в своих заповедях ни водку, ни наркотики, что оставило запасной выход для пагубной страсти. Вот выдержка из солидной работы Э. Лэйна «Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX века».

«Запрет на вино и любые алкогольные напитки — один из главных законов ислама. Вот почему мусульмане непомерно пристрастились к другим видам возбудителей и наркотиков.

Самое распространенное средство для достижения того, что арабы называют кейф (наиболее точный перевод — «блаженство») — это табак... Страсть и привычка к табаку существенно повлияли на характер арабов и турок. Они стали еще инертнее, чем прежде, и проводят за трубкой бесконечные часы, драгоценное время, которое можно было бы употребить с пользой. Между тем курение табака сыграло и положительную роль, вытеснив вино... В сказках «Тысячи и одной ночи», написанных до появления табака на Востоке и сохранивших нам правдивую картину арабских обычаев и нравов старого времени, имеются многочисленные свидетельства того, что в те столетия мусульмане пили вино не скрываясь и чаще, чем в наши дни...

В некоторых странах Востока листья и семенные коробочки конопли (в Египте — хашиш) уже с древних времен использовались как средство, вызывающее у человека пьянящее, сладостное возбуждение. Геродот в своей «Истории» сообщает, что скифы во время религиозных церемоний жгут зерно конопли и от этого запаха приходят в экстаз. То же качество конопли отмечает Гален. В Индии листья конопли жуют, откуда этот обычай проник в Персию. Примерно шестьсот лет назад, в середине XIII века, в этому пагубному и уничительному занятию пристрастились и египтяне, в основном — простонародье... Хашиш был широко распространен среди факиров — набожных людей из бед-

ноты... Слово хашшаш, означающее «курильщик (или пожиратель) конопли», — оскорбительная кличка. Так называют обычно шумных людей и скандалистов. От этого слова произошло французское «ассассен» — наемный убийца. Сначала так называли арабских воинов в Сирии во времена крестовых походов. Эти воины использовали всякие опьяняющие и одурманивающие наркотики, чтобы привести противника в бесчувственное состояние...

Опиум и другие наркотики в Египте не так популярны, как в прочих странах Востока. В процентном отношении наркоманов, употребляющих не хашиш, а иные наркотики, в Египте намного меньше, чем в Англии алкоголиков...

Нильские лодочники и другие простолюдины пьют бузу — алкогольный напиток... В Фивах я видел в гробницах много больших кувшинов, еще хранивших на дне осадок этого ячменного пива».

Один важный вывод можно сделать из вышесказанного. Насильственное воздержание от спиртных напитков может привести к крайне нежелательной реакции замещения, новый «штамм микроба» может принять уродливые формы наркомании и так называемой токсикомании — употребления психотропных веществ. Если гнать опасное явление в дверь, то оно может ворваться в открытое окно или просочиться в щели под другим именем и в другой форме. Необходимо поэтому тщательно предусмотреть возможные лазейки и еще более ужесточить борьбу с наркоманией. Известны извращенные формы ее у людей, лишенных доступа к спиртным напиткам (больных алкоголизмом людей, конечно). В ход идут самые разные лекарства, так называемые «колеса», хоть в какой-то мере изменяющие сознание или притупляющие восприятие окружающего мира.

Больные люди доходят даже до того, что вводят себе в вену зацветшую дождевую воду, вызывающую сильную реакцию в виде повышения температуры и помрачения сознания. Стремление к самоуничтожению не гнушается и такими способами, и наивно думать, что наркоманы ищут лишь наслаждения. Нет, они подсознательно ищут обретения небытия, забвения и смерти. Равнодушие к себе и к окружающему миру доходит до самоуничтожения. «Эпидемии» наркомании, поражающие страны Востока и Запада, намного страшнее

алкоголизма, и оттого наркотики давно стали под защитой закона, а не только морали.

Известны в истории опиумные войны западных держав с Китаем, связанные с насильственным распространением наркотиков в Срединной империи.

И до сих пор продолжают эти опиумные и героиновые, марихуанные и кокаиновые войны, уносящие тысячи жизней и приносящие огромные доходы преступникам, будь то мафия или мелкие торговцы.

В нашей стране приняты строжайшие меры, направленные против наркомании, и хочется верить, что они будут еще более строгими, когда усилится борьба с пьянством, чтобы не оставить лазеек для потенциальных самоубийц, не ведающих, что творят с великим и редчайшим даром — собственной жизнью.

Если обратиться к истории Китая, то, судя по источникам, проблемы пьянства там никогда не было. Кажется, ни один из великих философов и моралистов не затрагивал этой темы. В средние века считалось правилом хорошего тона и признаком поэтической натуры пить вино лунной ночью и слагать стихи-экспромты. Но это умалчивание еще не означало, что китайский народ «знал меру», просто свидетельства людей о самих себе часто сильно разнятся от объективной истины. Говоря о других народах, особенно о своих недругах, китайские авторы не скупятся на отрицательные характеристики. В частности, чжурчжени, завоевавшие сунский Китай в XI веке, заслужили явно нелицеприятные отзывы в китайской литературе. Летописи отзываются о них, в частности, как о народе, крайне пристрастном к винопитию. «Очень много, без счета, пьют вино» — пишет о них летописец. И далее: «Пользуются только деревянными черпаками, от вышших до низших, встав в круг, черпают ими вино». Чжурчжени гнали водку из риса уже в ту эпоху, пользуясь довольно совершенными дистилляторами. Они делали водку из риса или зерна, настаивали ее на пантах (оленье вино), как делали еще в более ранние времена кидане, пользуясь самогоном из кумыса. Империя Цзинь, основанная чжурчженями и уничтоженная позднее монголами, вообще не отличалась строгими нравами. Летописи сообщают, что в 1122 году во время ночных пирушек в императорском дворце приглашенные напивались виноградным вином. От 1176 г. в летописи

есть такая фраза: «По обычаям варваров, сначала пьют подогретое вино, а потом чай».

Гнать водку чжурчжени умели с незапамятных времен, а введение в обиход риса расширило эти возможности. Употребляло водку все население, особенно состоятельные круги. Из финансовых соображений правительство империи Цзинь вело борьбу с самогонсварением. Закон гласил: «Тех, кто рвет желтые колосья и, добавив винные дрожжи, гонит водку, наказывать восемьюдесятью ударами палок».

Винная монополия в империи Цзинь была введена в 1125 году! Как видите, сегодняшние проблемы и решения их, кажущиеся нам новыми и передовыми, существовали давным-давно в иных странах и при сходных обстоятельствах.

Не стоит делать ложный вывод из истории, что чжурчжени исчезли навсегда потому, что неумеренно пили водку, но и забывать об этом печальном итоге не надо, ибо жестокая дисциплина в монгольском войске исключала пьянство и делала его несокрушимым по тем временам.

Наивно сваливать на вино и падение Римской империи, и безвозвратное уничтожение Византии, но уроки истории беспристрастно учат нас, что падение нравов предшествует падению государства с такой же неизбежностью, как и внутренние распри.

Бесповоротное крушение испанской колониальной империи свершилось в морской битве при Сантьяго-де-Куба с американским флотом. Адмирал Паскаль дон Сервера-и-Топете перед боем приказал выдать матросам вино. Ни один снаряд с испанских кораблей не попал в цель! Опрометчивый приказ адмирала сослужил дурную службу Испании.

Пьющая армия рано или поздно обречена на поражение. Народ, пораженный пьянством, уже таит в себе семена рабства и возможного порабощения. Вот об этом забывать нельзя!

Веками пьянство подвергалось моральному осуждению. В том числе и со стороны христианской церкви. Но позиция ее в этом вопросе была непоследовательной и весьма робкой. В десяти заповедях иудаизма, перешедших по наследию в христианскую религию, нет упоминания о пьянстве. (Более древний буддизм; как видите, и более молодой ислам оказались и более мудрыми). В семь смертных грехов пьянство тоже не вхо-

дит. «Родоначалник» всех людей — Ной, открывший вино, не осуждается ни с какой стороны за свой поступок. Даже более того — обвиняется его сын Хам, посмеявшийся над пьяным отцом.

Аскеты, пустынники и русские раскольники отнюдь не ярые противники пьянства. Они просто налагали запрет на все удовольствия, в том числе и на доставляемое опьянением. О пьянстве же монахов, как католических, так и православных, не стоит и говорить. Тот же знаменитый ликер «Бенедиктин» был монополией ордена бенедиктинцев. Монахи не только выращивали виноград и производили вино, не только наживали огромные барыши на продаже спиртного, но и сами успешно спивались.

Испанский моралист XVII века Бальтасар Грасиан в своей книге «Критикон» безуспешно пытается осудить пьянство с христианских позиций. Прежде всего он полагает, что пьянство отвращает человека от религии и плодит ересь. При этом он всячески чернит другие народы, особенно исповедующие протестантство. Обвинять других в своих грехах — неистребимая привычка!

«Пьянство — это последняя атака пороков на человека. Пьянство вначале подкрадывается к человеку под видом потребности, называет вино стариковским молоком, грелкой, утешением, и мало-помалу, глоток за глотком, проникает в человека, завладевает им и целиком себе подчиняет. Оно заставляет закрыть глаза на доводы разума, открыть двери для всех пороков и, — плачевная участь! — кто всю жизнь успешно берет свою добродетель, порядочность, становится в старости прожорливым, распутным, гневливым, злоречивым, тщеславным, скупым, вздорным, бестолковым — и все потому, что стал винолюбом».

«Яд для разума, отравка для суждения, вот оно — вино!» — восклицает автор, и мы можем только согласиться с ним.

Язвительный Эразм Роттердамский причислил пьянство к одному из видов глупости: «Много похвал воздают Вакху, но особенно славят его за то, что он снимает с души всякие заботы, впрочем, лишь на самое малое время: как проспиться с похмелья, тотчас, словно на четверке, подкатывают к тебе тяжелые думы».

Примеры и цитаты можно множить до бесконечности. Они лишь увеличат количество, но качество оста-

нется прежним: во все века на пьянство смотрели, как на злоупотребление вином, тогда как употребление его вообще считалось нормой, и даже желанной нормой. А христианская церковь осуждала пьянство только тогда, когда терпела убытки, в том числе материальные. Пьяница отнесет деньги в кабак, а не в церковь, пропьется до креста, а то и сам крест заложит, а своими богохульными речами нанесет и моральный ущерб церкви. В то же время спившимся и обездоленным нелегко управлять: доходов он не приносит, терять ему нечего. А вот «умеренная» выпивка всячески поощрялась, ибо приносила доходы. Так и получалось, что и полная трезвость опасна, и беспробудное пьянство ни к чему. Русский поп, вкушающий водочку,— привычный образ литературы и искусства. А уж каков поп — таков и приход...

До сих пор можно слышать два противоположных мнения об истории винопития на Руси. Одни утверждают, что русский народ, мол, изначально склонен к пьянству, другие, искренне отстаивая честь нации, убеждают, что лишь в последнее столетие обрушилась на Россию эта беда.

Восточные славяне не знали культуры винограда, и самым крепким спиртным напитком оставался сброженный раствор меда. Первый удар нанесло христианство. Нашему тогдашнему недругу — Византии — было выгодно продавать вино русичам не только по соображениям материальным, но и моральным — непьющие русские дружины, закаленные в походах, представляли смертельную опасность для Восточной империи. Победить силой византийцы нас не могли, но оставался еще один путь, проверенный веками: заражение народа рабской психологией, насаждение чуждых обычаев и традиций.

Несомненно, что внедрение христианства на Руси имело и свои положительные стороны, но не надо забывать, что еще много веков после крещения Киева и Новгорода русские люди активно сопротивлялись насаждению чуждой им идеологии.

Большинство народа долго сопротивлялось и спайванию, потребляя только слабые напитки. Было даже такое понятие, как «трезвый мед», то есть медовый напиток без примеси алкоголя.

Наполовину мифологический рассказ летописи о мести княгини Ольги древлянам говорит об истребле-

нии лучших древлянских мужей в три этапа. Первый — закапывание живьем, второй — сожжение в бане, третий — убийство на тризне. Вот выдержки из «Повести временных лет»: «И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и устрою ему тризну». Они же, услышав это, свезли множество медов и заварили их... После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им... И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их пять тысяч...»

Кстати сказать, уничтожение врагов во время пира происходило в истории неоднократно. Геродот упоминает: «Киаксар и мидяне пригласили однажды множество скифов в гости, напоили их допьяна и перебили». Одиссей истребил женихов Пенелопы, дождавшись, когда они захмелеют. Немецкие рыцари пригласили на пир вождей балтийского племени прусов, напоили их и убили. Это было началом полного геноцида народа... Стоит ли упоминать о вербовке солдат, матросов в трактирах, тавернах, когда пьяному человеку подсовывали контракт или просто увозили в бесчувственном состоянии на корабль...

Часто говорят, что, мол, выбор Владимира Святославовича религии был обусловлен тем, что в исламе запрещалось вино. Хазарским иудаистам он ответил так: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны; если бог любил вас и законы ваши, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?» Мусульман болгарских он внимательно выслушал. «Но вот что было ему нелюбю, обрезание, воздержание от свиного мяса и питья; и сказал он: «Руси есть веселие пить, не может без того быть!»

Вот это выражение и стало крылатым в устах защитников пьянства и тех, кто винит русский народ в пристрастии к спиртному. Но вырванная из контекста фраза всегда однобоко отражает действительность.

Во-первых, подобный аргумент князь мог просто не приводить, а был приписан позднее летописцами по самым разным мотивам, подобно ложной версии о призывании варягов.

Во-вторых,стораживает стихотворная форма афоризма, вряд ли придуманного экспромтом.

В-третьих, личные качества Владимира явно далеки от идеала, в ранг которого возвела его православная церковь. Он был и жесток, и вероломен и корыстен, и «любил жени всякий блуд», и явно не гнушался вина и меда. Вполне возможно, что ему лично не нравился запрет на спиртное, но при чем здесь весь народ?

В-четвертых, употребление спиртных напитков входило в языческие ритуалы, и запрещение их привело бы к большому сопротивлению жрецов и к большей ломке религиозной психологии. Христианство же оставляло этот грех без осуждения.

В-пятых, аргумент Владимира был явно не решающим. После этого он послал гонцов в разные страны, чтобы они сами выбрали наиболее привлекательную религию.

И, в-шестых, не исключено, что Владимир просто дипломатически отшутился от назойливых мусульман, когда произнес эту фразу.

Относительно достоверные и полные данные о пьянстве в Москве мы можем почерпнуть из свидетельств иностранных путешественников, посещавших столицу в XVI—XVII веках. Но надо сделать скидку на недоброжелательность, а то и на враждебность, хотя сведения весьма красноречивы. Так, до XVI века на торгу запрещалось торговать крепкими напитками. Но уже в XVI веке такие напитки бойко продавались в казенных заведениях, о чем пишет английский посол Флетчер в книге «О государстве Русском».

«В каждом большом городе устроен кабак или питейный дом, где продается водка (называемая здесь русским вином), мед, пиво и прочее. С них царь получает оброк, простирающийся на значительную сумму... Вы нередко увидите людей, которые пропили с себя все и ходят голые (их называют нагими)».

Другой иностранец, уже в XVII веке, Адам Олеарий, в своей книге «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», пишет о Новгороде: «...спившаяся братия выходила из кабака, иные без шапок, иные без сапог и чулок, иные в одних сорочках... вышел из кабака мужчина, который раньше пропил кафтан и выходил в сорочке; когда ему попался приятель, направляющийся в тот же кабак, он опять вернулся обратно. Через несколько часов он вышел без сорочки, с одной лишь парой подштанников на теле». Олеарий сообщает массу подробностей и

тщательно описывает жуткую картину пьянства в городах, поразившего все слои народа, от царя до нищего. Он описывает пьяных женщин, спящих на снегу, с возмущением рассказывает о боярских пирах, где считается неприличным не напиться до бесчувствия и где невозможно уклониться от чарки, чтобы тебя не посчитали невежливым... Разумеется, надо учитывать тенденциозность автора, охотно расписывающего и преувеличивающего пороки русского общества, в чем он ничем не отличается от иных современных западных корреспондентов, но тем не менее его свидетельства страшны, и их невозможно не учитывать при изучении истории России.

Современников на Руси возмущало не одно только пьянство. Они хорошо сознавали, что «в корчемницах пьяницы без блудниц никакоже бывают... се есть ведомо... блуд хластым и прелюбодейство женатым... придут же ту неции кошунницы имуще гусли, и скрипели, и сопели, и бубны, и ина бесовские игры и перед мужатицами скача и скверныя песни припевая». Но этот очевидный моральный вред от кабаков намного перекрывался в глазах правительства теми колоссальными прибылями, которые кабаки приносили.

Заклад и пропивание вещей было настоящим бедствием. Воеводы должны были принимать строгие меры к тому, чтобы служилые люди не пропивали в кабаках только что полученного жалованья и своего платья.

Еще в XVI веке потребовалось специальное решение московских церковных и светских властей, запрещающее священникам и монахам ходить в кабаки, напиваться и сквернословить «на соблазн мирским людям». Виновных, невзирая на сан, привлекали к ответственности наравне с мирянами. Если кто-либо подпаивал немущего чернеца, то с него взыскивалась цена выпитого, и сам он подвергался заточению в монастырь.

Доход от кабаков составлял весьма существенную статью поступлений в царскую казну. Сохранилась отписка кабацкого головы из Великих Лук, в которой он жалуется на убытки, причиненные трауром, установленным по случаю смерти царя Михаила Федоровича. Кабак был заперт целую неделю, и продажа вина на руки тоже не производилась — все это оказалось чрезвычайно убыточным.

Иногда посадские люди устраивали бойкоты каба-

ку. Так, голова воронежского кружечного двора жаловался, что более чем за четыре месяца (с 1 сентября 1673-го по начало января 1674 г.) «явочных денег с пивных варь и с медвяных ставок и с браг в сборе ничего нет, потому что посацкие люди у него в таможне и на кружечном дворе к праздникам... пив варить и медов ставить и браг делать никто не явились же... и с кружечного двора вина никто не купили».

И. Прыжов, автор работы «История кабаков в России», вышедшей в 1868 году, считал, что кабак, введенный на Руси в XVI веке по образцу татарских заезжих дворов с подачей крепких напитков, пришел на смену древнему славянскому учреждению — корчме, сохранившейся еще в XIX веке в некоторых западных губерниях России. Корчма, по его мнению, служила в древности «местом собраний для дел, бесед и гульбы» и, в особенности, — местом, где собирались парни и девушки плясать под музыку. Водка, а вместе с ней и казенный кабак привели в XVI—XVII веках не только к падению нравов, но и к отмиранию многих славянских традиций.

Само название «кабак» употреблялось больше в быту, в официальных же документах со второй половины XVII века чаще упоминают «кружечные дворы», когда это дело было сосредоточено в руках государства и обслуживалось выборными людьми «на вере». Дворы эти находились в ведении «верных» кабацких целовальников из посадских людей во главе с кабацким головой. Голова и целовальник несли материальную ответственность за кружечный двор и внесение откупных сумм. Должность эта считалась выгодной, и занимали ее богатые купцы.

Кабаки были государственной монополией. Держание частных кабаков — корчемство — строго преследовалось. Общим местом воеводских наказов был запрет горожанам держать корчмы, а при них женщин легкого поведения и азартную игру в зернь. Так, в 1556 году в Новгороде был отставлен от должности в ямском соборе некий Алабыш Колобов. Земский староста при обходе застал у него «питухов — пьют люди, покупая».

Мы можем судить об истории этой проблемы в России не только по свидетельствам современников и по документам прошлых веков, но и, так сказать, изнутри — по фольклору, дошедшему до наших дней. Выделив мифологические древние вкрапления, мы можем

обнажить отражение истории глазами русских людей — свидетелей и участников ее.

Мы до сих пор склонны считать фольклор созданием некоего безличного коллектива авторов, который отражает «среднее арифметическое» всего народа, то есть его обобщенные представления, взгляды, суждения, его неповторимую душу. Все это так, но лишь при взгляде на весь фольклор, на всю совокупность дошедших до нашего времени народных сказок, легенд, песен, пословиц и загадок. Тогда как, рассматривая по отдельности каждую из сказок, песен, частушек, мы не должны забывать об авторстве, пусть и анонимном, о личном отношении автора к тому или иному явлению, о взгляде изнутри, со своих позиций. Даже если этот взгляд и не совпадает с общепризнанным в его среде. Поэтому сразу предупреждаю, что нижеприведенные цитаты из русского фольклора ни в коем случае нельзя рассматривать, как общенародное представление о том или ином явлении. Это касается и нашей темы: отношения народа к пьянству. Не надо забывать простой истины — авторами, интерпретаторами и исполнителями вполне могут оказаться и самые обычные пьяницы со свойственным им искаженным действительности, ищущие и находящие оправдания своему пороку в магии слова.

На первый взгляд не может не удивить обилие пословиц и поговорок, собранных В. Далем, не только оправдывающих пьянство, но и отзывающихся о нем с большой похвалой. Нельзя принимать их за конечную истину, ибо существует такое же количество поговорок, осуждающих винопитие, и явно ошибочно полагать подобные выражения «голосом народа». Урок можно извлечь только из всей суммы записанного устного творчества.

Всем известна поговорка «Хлеб — всему голова». Но увы! В сборнике Даля мы находим и более складное выражение: «Браги ендова — всему голова». А вот еще примеры поговорок, созданных любителями выпить:

«Лучше знаться с кабаком, чем с дураком», «Нет питья лучше воды, как перегонншь ее на хлебе», «Обычай дорогой, что выпить по другой», «Смертный час — неминуций путь, а чарочку винца обойти нельзя», «Пей до дна, наживай ума», «Надо пить, да правду молотить. Без вина правду не скажешь». И т. д.

Но вот поговорки, осуждающие пьянство. Их явно не меньше.

«Вино вину творит», «Пропойное рыло вконец разорило», «Не упивайся вином, будешь покрепче умом», «Душа дороже ковша», «Кто много пьет вина, тот скоро сойдет с ума», «За ковш, так и за нож», «Кто пьет, тот и горшки бьет», «Кабак — пропасть, там и пропасть», «Пить — добро, а не пить — и лучше того», «Кто часто станет пить, тот часто будет бит», «Не жаль вина, жаль ума», «Много вина пить — беде быть», «Счастлив тот, кто вина не пьет», «Вешний путь — не дорога, пьяного речь — не беседа», «Невинно вино, а проклято пьянство».

Перечень этот можно продолжить, но уже ясна относительность истин, изложенных в поговорках, ибо чуть ли не каждой можно подыскать противоположную по смыслу («Пей до дна — наживай ума» — «Не упивайся вином, будешь покрепче умом»).

Подобную разноголосицу мнения можно услышать и в русских песнях. Подчас в них таится еще языческий древний взгляд на сакральное употребление вина, и его надо тщательно отделять от позднейших наслоений, чисто бытовых.

Вот, например, упоминание о зеленом вине в магическом смысле:

Брамши стружки, она в костер клала и змею пекла,
Пепел сбивала, зелье сделала, пастонку делала в
зеленом вине...

А вот осколок от ритуальной песни, ставшей бытовой.

Ай вы, гудки, не гудите,
Мово батюшку не будите:
Мой батюшка спит с похмелья,
Моя матушка за рекою,
Варит пиво молодое,
Что курит вино зеленое,
Понт зятя молодого,
Своего гостя дорогого...

И как самый убедительный аргумент, доказывающий, что русский народ был поражен пьянством только в последние века, служит тот факт, что, чем древнее песня, тем реже упоминаются в ней вино и пиво, и то лишь с языческими отголосками древней магии. Песни же, созданные или переделанные в XVIII—XIX веках, уже содержат чисто бытовые детали, в том числе и описывающие пьянство. Вот девичий плач:

...И не ровен подвернется,
Либо старое одушливое,
Либо малое непослушливое,
Либо пьяница — кабацкий сын:
Во кабак идет — шатается,
С кабака идет — валяется,
Надо мной, молодой, чухарится...

Это уже не магия, это жестокая реальность. Есть и шуточные; например, известные всем о мухе, напившей комара кумысом, или о чижики-пыжике, напившемся водки. Но вот трудовые песни отражают пьянство в неприкрытом виде:

Придет праздник воскресенье —
Уж шахтер до света пьян!
В кабачок бежит детина —
Словно маковка цветет.
С кабака ползет детина —
Как лутошечка, гола!..

А вот еще:

...Как хозяйн-раскрасавчик
Поднесет вина стаканчик...
Что ж, ребята, припотели,
Или выпить захотели?..

В толстых сборниках народных песен можно найти буквально единицы песен, где упоминается выпивка и пьянство. И среди тысяч частушек — лишь несколько, сочиненных на грани веков — прошлого и настоящего.

Наши ужинать садятся,
Затируху подают.
Мою бедную головку
За пол-литра отдают.

А вот частушки 30-х годов, когда велась активная борьба с пьянством:

Экой срам табак курить!
Эка горечь вино пить!
Эка сладость сахар есть!
Эка радость с милой здесь!

Вот опять и заиграло,
Вот опять и грянуло!
Дролечка, не пей вина —
Не уважаю пьяного!

И совсем иное дело — песни-скоморошины, ведущие свою родословную от древних языческих обрядов, от

карнавальнoй культуры, выворачивающeй панзнанку привычный мир, путающeй верх с низом, добро со злом, святое с постыдным. Вот очень характерная скo-морошина «Хмель себя выхваляет»:

...Хмелюшка по выходам гуляет,
Еще сам себя хмель выхваляет:
«Уж как нет меня, хмелюшки, лучше,
Хмелевой моей головушки веселее.
Еще царь-государь меня знает,
Князья и бояре почитают,
Священники-попы благословляют;
Еще свадьбы без хмеля не играют,
И крестины без хмеля не бывают.
Еще где подерутся, побранятся,
Еще тут без хмеля не мирятся.
Один лих на меня мужик-крестьянин —
Он частенько в зеленый сад гуляет,
Он глубокие борозды копает,
Глубоко меня, хмелюшку, зарывает.
В ретиво сердце тычиночки втыкает.
Застилает мои глазоньки соломкой.
Уж как тут-то я, хмель, догадался,
По тычиночкам вверх поднимался,
Я отостил свои ярые шишки.
Но все лих на меня мужик-крестьянин —
Почастешеньку в зеленый сад гуляет.
Он и стал меня, хмелюшку, снимать,
И со малыми ребятами щипати,
В кулье, в рогожи зашивати,
По торгам, по домам развозити.
Меня стали мужики покупати,
И по суслицам в котликах топити,
Уж как тут-то я, хмель, догадался,
Я из котлика вон поднимался,
Не в одном мужике разыгрался —
Я бросал их о тын головами,
Я во скотский помет бородами.

Я потому привел эту песню полностью, чтобы не цитировать многие другие. Карнавальнoй прием поругания через восхваление очень характерен для народнoй культуры, уходящей корнями в языческие времена. Вполне возможно, что в народных мистериях Греции, Рима и на славянском празднике Купалы пели подобные песни. Этот прием стал основой знаменитой книги Эразма Роттердамского «Похвала глупости», а великая книга Франсуа Рабле вся пропитана этими животворными соками. Но вот позднее, в XIX веке, стала забываться истинная суть этого миропонимания, и восхваление стало буквальным, без иронии, без отрицания. Что прекрасно видно на примере известного стихотворения

Роберта Бернса, настолько похожего на русскую скоморошину, что это лишний раз подтверждает былую близость индоевропейских народов и живучесть народной культуры. Речь идет о стихотворении «Джон Ячменное зерно». Сюжет один и тот же, но вот последние строфы:

Недаром был покойный Джон
При жизни молодец —
Отвагу поднимает он
Со дна людских сердец.
Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет...

Как видите, и в русской скоморошине, и в стихотворении шотландского поэта речь идет о приготовлении пива, описанном через языческое одушевление условной смерти зерна, погребенного в землю и воскресшего в ней к новой жизни. Но поэт не понял или не захотел понимать иронии и возвеличил хмель всерьез. Если русский хмель бросает мужиков «о тын головами», то Бернс превозносит добродетели пива, поднимающего отвагу и вселяющего радость в сердце...

Русская письменная литература XVII века донесла до нас небольшую повесть «Слово о бражнике, како вниде в рай». Она заслуживает нашего внимания не столько потому, что в ней главный герой — бражник, пьяница, а потому, что лишний раз доказывает, как даже в христианскую форму сумело проникнуть языческое содержание. Ведь это наш старый герой — волхв, вкусивший волшебного напитка и проникший в царство мертвых...

«Бысть неки бражник и зело много вина пил во вся дни живота своего, а всяким ковшом господа бога прославлял, и часто в почи богу молился...» Перед райскими воротами его останавливают, тогда он упрекает святых в совершении дурных поступков при жизни, стыдит их, и они стыдятся. Петра он упрекает в отречении от учителя, Павла — что Стефана камнями побил, Давида — что Урию сгубил из-за его жены, Соломона — что идолам поклонялся, Николая — что Арня убил на Соборе, а Иоанну Богослову сказал: «А вы с Лукою написали в евангелии: друг друга любите, а бог все любит, а вы прищельца ненавидите. Либо руки своя отпишись, либо слова отоприсы!» Иоанн не вы-

держал упрека и впустил бражника в рай со словами: «Ты еси наш человек, бражник! Вниде к нам в рай».

Насколько можно судить по уцелевшим шаманским культам Сибири, шаман тоже вступает в «переговоры» с духами, прежде чем проникнуть в царство мертвых. Именно этот смысл и надо видеть в русской повести, а совсем не поощрение находчивого пьяницы. II — уже знакомое нам карнавальное выворачивание наизнанку системы ценностей.

Русский лубок XVIII—XIX веков — сравнительно поздний этап народного творчества, и при его изучении, как и в случаях с поговорками, не надо забывать, что, несмотря на кажущуюся анонимность авторов, они все же были и оставили свой взгляд на то или иное явление. Наряду с моральным, церковным осуждением пьянства, можно встретить и явно поощрительное отношение к нему. Лубок «Сказка о том, как мастеровой черта надул» не только восхваляет хитроумие пьяницы-мастерового, но и смеется над обманутым чертом. Ну что же, черт есть черт, наверное, с ним так поступать и надо. Какое уж тут благородство!..

«Раз мастеровой развеселился, сильно на водку напустился. Пьет, попивает, работу забывает. Так напивается без памяти — в грязи валяется, деньги проживает... Черт около него увивается, приятно улыбается, во всем ему угождает, лакейскую должность исправляет. В кабаке двери отворяет, из грязи его вынимает. Мастерской им повелевает, частенько по затылку катает. А черт только жметесь да на мастерового смеется. Денег ему дает, мастеровой на них пьет. По утрам опохмеляется, а вечером в грязи валяется».

Через месяц такой разгульной жизни черту надоело давать деньги взаймы, и он велел явиться к деду Сатане и заложить душу за деньги. Но мастеровой велел черту самому сходить к деду и взять у него «тысяч пять» — «чтоб я на них с круга спился и в ад явился». Черт и принес эти деньги, а мастеровой «живо с чертом распростился да и домой бежать пустился, а черт его стал догонять, хотел свои деньги отнять. Мастерской же развернулся, по-свойски размахнулся и черта так хватил сплеча, что он свалился, не крича...» «Мастеровой же домой явился и сам хозяйничать пустился, открыл большой он магазин, живет теперь, как господин...»

Вот вам и взгляд на пьянство! Оно, конечно, пить нехорошо, потому что это на руку дьяволу, но ведь и

черта можно обмануть, нажиться на нем и стать господином.

Но не всегда удается провести черта. В более раннем лубке пьяница, пропившись «на кружале донага», продал душу. Вечером черт и говорит: «А ще кто купил коня, подобает взять и узду, а вы, сторонние люди, свидетели, купил у сего человека душу, подобает взять мне и тело». И потащил пьяницу «сквозь поле во ад на вечные муки».

А вот полусказочный лубок, отражающий свадебный ритуал. «Свадьба медведя Мишки косолапого». Рисуется и описывается пир, на котором играет музыка, танцуют гости, «водку попивают, грусть-тоску забывают». И в конце «гости так попиrowали, что четыре дня головы поправляли. За пир Мишку благодарили и лет пять про него говорили».

Более ранние лубки, изданные в конце XVIII века, осуждают пьянство. Болезнь еще не так сильно поразила народ, и моральное осуждение в основном принимало религиозную окраску.

Очень характерен в этом отношении лубок «Аз есмь хмель высокая голова, более всех плодов земных».

На большом листе расположены многокрасочные картинки, расписывающие, как в современном комиксе, все пагубные последствия пьянства. С соответствующими подписями, разумеется. Вот некоторые из них: «Вопрос: какая польза человеку в излишнем питии? Ответ: зубы заржавели, лица очи омраченные, забвение ума, руки и ноги трясутся, сны всегда тому бывают весьма страшные, почти мятежные». И далее идет показ страшных последствий пития, отраженных, кстати, с исчерпывающей полнотой клинической картины алкоголизма. «Если познается князь или боярин, учиню его безумна, на люди люта, и начнет пить всю ночь, а спать до полудня, и помалу власти своей лишен будет. Если спознается со мною поп или дьякон, или простой чернец, доспею его ни божьего, ни людского, но всему миру в посмех. Если познается со мною купец, учиню его скорбна, и будет в худой одежде, продранных сапогах, и будет у людей занимать, они ему не дадут, видя его пьянство. Если спознается со мною мастеровой человек, доспею его, пьяницею, и будет от всех ненавидим, и поругаем, много в питии ум помрачает и ни во что обращает. С похмелья голова болит, очи ничего не видят, также руки и ноги дрожат, ничто ему на ум не

идет, желает пить. Если познается со мною жена и начнет упиваться, учиню ее безумну и юродиву, и на блуд падкую, да будет от людей в посмехе, а от бога отлучена. Горе тебе, злая жена-пьяница!» И далее идет религиозная аргументация против пьянства: «Когда учил дьявол бесов своих, говорил им: «идите, учите христиан пьянству и запойству. В пьяных воля моя, трезвые — суть божии, а пьяные — мои. Трезвые почитают господа, а пьяные работают дьяволу и творят волю его. Подобаает о них плакать, нежли о мертвых, умерший ибо уже не грешит, пьяница же каждый день умирает, грехом связывает его дьявол — все чувства, руки и ноги, и уста, очи ослепляет и в полудень ему ночь бывает, нас же сохранит господь от того».

Все верно, особенно слова «пьяница каждый день умирает», и даже сейчас можно подписаться под этим лубком. Но все же не надо забывать, что мнение о пьянстве, как о грехе, — позднее добавление, неканоническое, ибо в «священных» текстах христианства этот порок грехом не назван.

В русских лубках отражен и вечный спор между пьяницей и трезвенником, и право же, до сегодняшнего дня он не утратил своей актуальности. Особенно этот лубок: «Разговор пьющего с непьющим»:

«Непьющий говорит: братец мой, желаю тебе много лет, прошу на мое предложение дать мне ответ. Для чего ты так много вино пить возлюбляешь и во многом пьянстве себя обращаешь, скажи, какая в нем сила, что оно так кажется тебе мило. Я в нем не нашел никакой сладости, кроме того, что от него достаточно напасти, от него великого имения и чести лишаются. Пьющий говорит: напрасно ты меня в том осуждаешь, ты от вина причины не знаешь. Вино великую силу имеет, веселость придает и смелость, со многими приятелями совокупляет и немалое дружество доставляет. Непьющий говорит: я думаю, например, и свинья имеет такой же манер — когда наелась, подняла рыло, ибо ей стало много. Я признаюсь, что нет пьяницы хуже, бродит тело паружу. Пьющий говорит: мое лучше рассуждение, пьяница умный бывает, недаром хмель в компанию принимает. Ты — непьющий, кто тебя знает и кто почитает? Только бы деньги были в кармане, а приятели давали в собраньи, около меня ходят и поздравляют, а что поднесу, то мало оставляют. То и говорят, то человек отважный, прямой наш брат куражный, добро, брат,

дай и нам разжиться, будем общо веселиться, теперь можно и поприсесть, покуда у тебя вино есть. Непьющий говорит: нехорошо, когда у пьяницы глаза бывают подбиты, а волосы развиты, одежду носят — голые бока, а сам мало выходит из кабака, и он до тех пор веселится, что уж печем похмелиться. Начнет дрожать и горько тужить, что бы с себя заложить. Скинувши с плеч, кафтан продает, и за малую цену отдает. Пьющий говорит: кто вина не испивает, тот всегда пьяницу осуждает. Отведай-ка сам, откушай, а меня послушай: когда ты пьешь, то надобно закусить, а ты не подумаешь и попросить. Я и сам пред обедом хорошую рюмку хватил, взял пресной икры, закусил, напьюсь да и на постель отдохнуть завалюсь».

Как видите, вечный спор и двести лет назад закончился нулевым счетом. Каждый остался при своем мнении.

Нет слов, многим мы обязаны Петру I, но нельзя забывать и отрицательные стороны его насильственного разворота России к Европе передом, а к Азии задом.

Современный писатель Н. Дубов в книге «Колесо Фортуны» комментирует один из указов Петра: «По английскому образцу Петр I ввел на флоте каждодневную чарку — от скорбута и всех болезней, начиная от поноса и кончая неизбывной моряцкой тоской по берегу и близких... Чарка была свидетельством царской близости и знаком милости...»

Вот так и получилось, что пьянство — это единственное, что роднило и сближало высшие и низшие классы русского народа. Печальный вывод.

Восемнадцатый век наполнен пирами, придворными торжествами, иллюминациями, приемами и балами, где заморские вина лились рекой и никто не брезговал кубком, и считалось нормой напиваться до бесчувствия.

Денис Фонвизин вспоминает о своей юности: «Учились мы весьма беспорядочно. Ибо, с одной стороны, причиною тому была ребяческая леность, а с другой — нерадение и пьянство учителей. Арифметический наш учитель пил смертную чашу, латинского языка учитель был примером злопавия, пьянства и всех подлых пороков...»

Мудрейший В. Н. Татищев пишет советы по ведению хозяйства и между прочим советует: «...а ягоды и всякие фрукты водкою наливать, дабы ништо, в произращенное от бога, данное нам в пищу, втуне не про-

пало по лености нашей... Не менее и то знать надлежит, каким образом из всякого хлеба по крайней мере семь ведр доброго вина выйти могло...»

Нельзя осуждать его за такие совершенно естественные для того времени советы, но ведь и до последнего времени совершенно спокойно на страницах нашей печати советовали, как делать наливки, настойки и прочее... Раве что рецепты приготовления самогона не публиковали...

Взгляд на выпивку, как норму поведения и жизни, проходит через XIX век, через XX, и только от нас зависит, чтобы изменить его и не пропустить в XXI...

Отношение к винопитию в прошлые времена было не только сдержанным, но и восторженным, и этот взгляд сохранялся очень долго, вплоть до наших дней. Забегая вперед, не могу удержаться от цитаты из книги Н. Федоренко о Болгарии: «Все покорял своей власти Дионис, обучая людей разводить виноград и делать из янтарных его гроздей прекрасный напиток, приносящий радость и бодрость...» А книга-то вышла в 1985 году...

Но и в первой половине XIX века звучали трезвые (в любом смысле этого слова) речи. Вот цитата из статьи Н. Гоголя о стихах Н. Языкова: «Стихи его точно размывчивый хмель, но в хмеле слышна сила высшая, заставляющая его подыматься кверху. У него студенческие пирушки не из бражничества и пьянства, но от радости, что есть мочь в руке и поприще впереди, что понесутся они, студенты,

на благородное служенье
во славу чести и добра.

Беда только, что хмель перешел меру и что сам поэт чересчур на радости от своего будущего, как и многие на Руси, и осталось дело только в одном: чем порыве...»

Печальные и горькие строки правды, не потерявшие до наших дней всей горечи справедливого упрека.

К середине XIX века, когда социальная проблема пьянства встала особенно остро, отношение к нему стало меняться и моральное осуждение стало заменяться мучительными поисками причин и путей к преодолению последствий. Понадобился талант А. К. Толстого, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и многих других честных русских людей, чтобы с гневом и болью осо-

знать пагубность для народа укоренившейся болезни. И низкий поклон им за это.

Одним из ярких обличений пьянства является стихотворение А. К. Толстого «Богатырь». Оно вошло во все издания поэта, и хотелось бы, чтобы его читали все, кому дорога борьба за трезвость.

Это горькое стихотворение было написано чуть ли не полтора века назад, но разве оно потеряло свою злободневность? И разве исчезли все защитники винопития? Они просто поутихли, решив переждать то, что они считают временной кампанией, а потом с новой силой обрушить на людей уверения в том, что сброженный сок солнечных ягод бодрит и придает уверенность в завтрашнем дне.

Несмотря на отдельные мужественные голоса в России вплоть до введения «сухого закона» в начале первой мировой войны, официальная борьба с социальным пороком по-прежнему велась на уровне мягкого родительского внушения. Вот очень характерная для того времени тонкая брошюрка «Женское дело в семье и хозяйстве», изданная в 1899 году. Наряду с советами по разумному ведению крестьянского хозяйства, автор (В. Фирсов) вволю рассуждает о причинах пьянства в селе и о роли в этом женщины. Вот цитаты из брошюры:

«Много зла в крестьянском быту происходит оттого, что женщины не исполняют своего дела, как следует. Много вредят они этим семьям, но еще больше самим себе, ибо хозяйство расстраивается, мужик с тоски да с досады идет в кабак, и начинается для всех настоящее мучение и горе в бедности, в грязи, среди вечных ссор и неурядиц. Случается, что баба объясняет свои несчастья пьянством мужа. Тут не мешает ей подумать, не по ее ли вине он сделался пьяницей. Может быть, она сварлива, любит вздорить, и муж уходит от нее в кабак, чтобы не слушать ее разговоров? Может быть, она плохо ведет хозяйство, и сколько муж ни бьется, все его недостатки идут прахом — вот он и запил, на все махнув рукой? Может быть, в избе у нее грязно и неприветно, ни в чем нет порядка? От этого мужик тоже уходит в кабак. Бывает и так, что хозяйка работающая, вполне добродетельная, но через меру строгая и ругает мужа за всякий пустяк. Это тоже неразумно, потому что он станет уходить от нее, а потом собьется в пути и привыкнет к худой жизни... Привычка к чистоте удер-

живает мужчину от пьянства, потому что, где пьянство, там и грязь и беспорядок, которые ему не нравятся...

Скажем к слову, что и у хорошей хозяйки бывает иногда муж пьяница. Это уж несчастье... Такой жене следует стараться из всех сил, чтобы хорошим хозяйничаньем и бережливостью пополнить то, что пропивает муж. За большое смирение господь посылает людям избавление. Немало было случаев, что с годами мужик исправлялся и переставал пить, особенно когда подрастали дети, воспитанные матерью как следует. Ведь стыдно бывает перед людьми, когда дети разумнее отца бывают...

Дадим добрый совет бабе, как вести себя, когда муж пьст. Никогда не следует разговаривать с ним, пока он пьян. Пьяный все равно ничего не поймет, а раздражить его, так еще и в драку ползет. Пьяного человека лучше всего уговаривать добром да постараться уложить спать. Зато когда он проспится, ему не следует прощать, а надо высказать всю правду, каков он есть. Кричать и ругаться никогда не падо, да и бесполезно: спокойными разумными словами можно пронять человека больнее...

Никогда не следует не то что бранить, а даже стыдить отца при детях. Дети должны расти в уважении к отцу, каков бы он ни был...

От хорошего житья люди не запиваются. Пьяницами чаще всего становятся те, кому дома житье плохое, в этом почти всегда бывают виноваты бабы».

Ну вот и вывод... Перенос огня на «источник пьянства» — женщину. Но и сейчас большую роль в развитии пьянства играет «болеутоляющее» действие спиртного, когда человек не пытается изменить причину боли вне себя, в том числе семейную, а прибегает к искусственному забвению и вытеснению неприятностей изнутри. И что греха таить, зачастую противление жены пьянству мужа носит характер не защиты близкого человека от пагубы и гибели, а самозащиты. Жена обычно не считает бедой, когда ее муж «выпивает помаленьку» в компаниях, в гостях, на домашних праздниках. Но мало-помалу, когда муж втягивается в пьянство и уже не обойтись без медицины и милиции, жены начинают борьбу, чаще всего — бесплодную, изнурительную, разрушающую семью еще сильнее. Добро бы эта борьба велась за жизнь и здоровье мужа, а ведь часто женщина борется за свое личное благополучие,

ибо семейный бюджет скудеет, муж проводит время вне дома, забросив домашние дела, ранит женское самолюбие изменами, изводит скандалами, драками, продажей вещей. Отчуждение и ненависть заполняют дом, и самый близкий друг легко превращается в самого близкого врага, а узы любви и брака становятся узами вражды и озлобления. Это — неслегкая проблема, и, по всей видимости, не стоит питать излишний оптимизм, что она будет решена в ближайшее время. Современная семья испытывает мощную деформацию, старая форма распадается, новая пока не придумана... А пока лишь многочисленные дискуссии на тему семьи и брака накапливают материал эмпирический, количественный, не перерастая в новое качество. Разобщенность людей, их духовное и физическое одиночество еще долго останутся в роли пускового механизма бесчисленных бед, в том числе — пьянства. Современная семья в развитых странах находится сейчас в революционной ситуации, когда по-старому жить не хотят, а по-новому еще не умеют...

М. Булгаков вкладывает в уста Воланда следующие слова: «Что-то недоброе таится в мужчинах, избегающих вина, игр, общества прелестных женщин, застольной беседы. Такие люди или тяжело больны, или втайне ненавидят окружающих...»

Наблюдение верное, но если исключить из фразы слово «вино», оно ничуть не утратит своей силы. Но вот защитники пития как раз и выделяют это слово, забыв об остальных. В этом и заключается их ложная логика. Они охотно превознесут бодрость, приносимую вином, но умолчат о тоскливом похмелье. Они распишут тяжелый и благородный труд виноградаря, опишут полновесность и красоту виноградных гроздей, но «забудут» о судьбах, загубленных сброженным соком, выжатым из них.

Не алкоголики страшны, нет, ибо они сами личным примером загубленных судеб отвращают от пьянства. Недаром многие дети, выросшие в семье пьяниц, на всю жизнь сохраняют стойкое отвращение к водке и к пьяным людям. Но во сто крат опаснее люди, достигшие благополучия, почетных социальных ролей, возможности влиять на общественное мнение своим авторитетом, которые бездумно утверждают: «Всю жизнь выпивал и вот, глядите, выбился!»

Безоблачный оптимизм так же опасен, как и мрач-

ный пессимизм. Будем реалистами — борьба предстоит долгая и нелегкая. По всей видимости, большинство людей в старших поколениях уже потеряно для логического убеждения и воспитания, ибо порочная логика укоренилась и дала плоды. Главное — спасти молодежь, детей, грядущие поколения, еще не «зараженные» ложными традициями и мнениями. И хочется верить, что рано или поздно вырастет первое поколение людей, свободное от пьянства... Свобода личности включает и свободу мышления. Не забывайте — то, что привычно, еще не означает, что это нормально!

Со дня вступления в силу Указа об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом прошли уже годы. Много это или мало, чтобы можно было подвести первые итоги? И вообще, может ли человечество, познавшее «грехопадение» пьянства и наркомании, избавиться от них раз и навсегда? Сумеет ли мы когда-нибудь вернуться к тому блаженному неведению, которое описывает Георг Форстер, участник второго путешествия капитана Кука. Он так описывает посещение корабля коренными жителями Новой Зеландии — маори:

«...Без малейшего колебания поднялись они на корабль и так же уверенно последовали за нами в каюту. Поскольку мы как раз садились за стол, они совершенно спокойно поели вместе с нами. Зато когда дело дошло до вина и водки, они не захотели составить нам компанию, выказав к тому и другому непреодолимое отвращение, и не стали пить ничего, кроме воды...»

Но ведь и неведение опасно, ибо ничем не защищено. Этот же автор пишет о мальчишке-маори лет четырнадцати, который, в отличие от взрослых, охотно выпил предложенный ему европейцами стакан вина, стал буйным, говорливым, пустился в пляс по каюте... «В поведении мальчика особенно ясно проявилась чувствительность и легкая ранимость, присущие этому народу, и мы подумали, что эти люди, на свое счастье, не знают опьяняющих напитков, которые, несомненно, сделали бы их еще более дикими и необузданными...»

Пожалуй, только твердое знание причин и следствий способно уберечь современного человека от неисчислимых бедствий, поджидающих его на жизненном пути. Только разумный, критический взгляд на самого себя, на окружающий мир, на прошлое и настоящее, способен отвести от беды, рожденной невежеством и слабостью.

Эволюция отношения к пьянству на протяжении веков не была направлена вверх по прямой линии. Были спады, были падения, которые долго приходилось преодолевать, но все же медленно и неуклонно стало обладать мнение об отказе от спиртного, в любом виде, по любому поводу, раз и навсегда.

Трезвость сама по себе еще не добродетель. Это просто отсутствие порока. Но ведь умный человек никогда не будет ставить себе в заслугу, что он никого не убил, не ограбил, не обворовал. Он не совершал преступления против общества, но это естественно и просто. Отказаться от спиртного — значит жить естественно и беспорочно, не совершать преступления ни против общества, ни против самого себя. И поверьте — это не так уж и трудно. Достаточно найти в себе хоть каплю рассудка, самостоятельности, умения отстаивать свое «я», силы и гордости за свою единственную и неповторимую жизнь, в которой так много надо успеть сделать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава первая. Магия слова	6
Глава вторая. Измененное сознание	12
Глава третья. Портрет и родословная	26
Глава четвертая. Невидимые корни	36
Глава пятая. Причины и поводы .	45
Глава шестая. Основа — биохимия .	73
Глава седьмая. Развитие болезни .	82
Глава восьмая. Последствия . . .	100
Глава девятая. Лечение	106
Глава десятая. Эволюция отношения к пьянству	116

**Олег Сергеевич
Корабельников**

МЕРТВАЯ ВОДА

Редактор Т. А. Фролова
Обложка художника Ю. Л. Сокольников
Художественный редактор А. Н. Тобух
Технический редактор Н. Т. Федорова
Корректор О. М. Кухно

ИБ № 2360

Сдано в набор 06.06.88. Подписано в печать 3.11.88.
М11 10200. Формат 84х108/32. Бум. тип. № 2. Гарниту-
ра литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56.
Усл. кр.-отт. 7,88. Уч.-изд. л. 7,94. Тираж 3000 экз.
Заказ № 56. Цена 30 к.
Новосибирское книжное издательство, 630132, Новоси-
бирск, Красноярская, 112. Полиграфкомбинат, 630007,
Новосибирск, Красный проспект, 22.

Корабельников О. С.

К66 Мертвая вода.— Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989.—144 с.

ISBN 5—7620—0003—6

Автор трех книг прозы, вышедших в Красноярске и в Москве, писатель Олег Корабельников выступает в четвертой книге как врач-нарколог и ставит задачу найти корни отношения к алкоголизму. Прирожденным убийцей называет он нашего общего врага — алкоголь и раскрывает его истинную сущность, срывая маски и шутовские костюмы, в которые тот рядится от века. Отсюда и название книги: мертвая вода — это напиток смерти, убивающий все живое, как Мертвое море.

Рассчитана на широкий круг читателей.

К 411800000—011
М143(03)—89 3—89

ББК 51.1(2)5